

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт всеобщей истории Российской академии наук

На правах рукописи

Болт Валентина Сергеевна

ИСТОРИЯ РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО
КОРПУСА ВО ФРАНЦИИ 1815–1818 ГГ.:
ПРАВОВОЙ И ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Специальность – 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

Чудинов Александр Викторович

Москва – 2021

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Правовые и материальные аспекты пребывания русского оккупационного корпуса на территории Франции.....	23
§ 1. Правовой статус оккупационных войск.....	23
§ 2. Состав и структура оккупационного корпуса	35
§ 3. Материальные условия размещения корпуса	51
§ 4. Организация военной подготовки и вспомогательных служб в корпусе.....	66
Глава 2. Социокультурные аспекты оккупации.....	85
§ 1. Повседневные практики взаимодействия российского командования с местными властями.....	85
§ 2. Взаимоотношения местных жителей и русских военнослужащих.....	113
Глава 3. Проблема дисциплины в корпусе и пути ее решения.....	144
§ 1. Влияние оккупации на русский корпус с точки зрения современников и потомков.....	144
§ 2. Статистика правонарушений русских военнослужащих.....	148
§ 3. Дезертирство и другие преступления со стороны воинских чинов.....	150
§ 4. Самоубийства военнослужащих.....	168
Заключение.....	184
Источники.....	188
Литература.....	193

Введение

Пребывание во Франции 1815–1818 гг. войск антинаполеоновской коалиции открыло новую страницу в истории войн и международных отношений, став первым примером мирной, послевоенной оккупации на основе норм международного права¹. В течение нескольких лет французским властям и иностранной оккупационной администрации приходилось решать сложнейшие задачи правового, управленческого, бытового характера, отлаживая такую систему взаимодействий, которая обеспечила мирное сосуществование многотысячного военного контингента победителей с населением побежденной страны. В состав 150 тыс. оккупационных сил под общим командованием герцога Веллингтона входил и контингент российских военных, насчитывавший около 30 тыс. и находившийся под командованием знаменитого боевого генерала, графа Михаила Семёновича Воронцова.

Режим мирной оккупации и официальный отказ от насилия требовали от обеих сторон значительных усилий по формированию толерантного отношения к «Другому», поскольку мирная оккупация 1815–1818 г. стала периодом массовых контактов в повседневной жизни между представителями разных народов. Изучение истории пребывания на территории Франции русских солдат и офицеров, их ежедневных коммуникативных практик, процесса установления межкультурных связей с местным населением, эволюции их психологических установок и ценностных координат позволяет, с одной стороны, осуществить комплексный подход к исследованию феномена оккупации как опыта межнационального контакта в стрессовой ситуации послевоенного времени, с другой – расширить наши представления об этом специфическом и малоизвестном аспекте истории развития русско-французских связей и эволюции взаимных представлений в ту эпоху, когда заметно актуализировались многочисленные стереотипные

¹ Haynes C. Our Friends the Enemies. The occupation of France after Napoleon. Cambridge, 2018. P. 4.

представления этих наций друг о друге, влияющие на их отношения и по сей день.

Кроме того, изучение данной темы представляет определенный практический интерес. В наши дни международным сообществом широко практикуется размещение за рубежом миротворческих воинских контингентов с широким спектром задач. Формально эти войска не имеют статуса оккупационных. В реальности же относительно небольшие по численности подразделения длительное время находятся на территории иных государств, будучи вынуждены адаптироваться к непривычным для себя условиям. В данном отношении опыт корпуса Воронцова позволяет достаточно подробно изучить социальные механизмы, работающие в подобных ситуациях: взаимоотношение мирного населения и солдат, гражданских властей разного уровня и иностранного военного командования, изменения в поведении солдат, дисциплинарные нарушения, преступления, дезертирство.

Хронологические рамки исследования определяются временем существованием оккупационного корпуса: с 4 сентября 1815 г., когда М. С. Воронцов подписал свой первый приказ формирующемуся под его командованием соединению, и до конца 1818 г., когда русские войска отбыли на родину.

Территориальные рамки исследования ограничены российской оккупационной зоной на северо-востоке Франции.

Объект данного исследования - история российского оккупационного корпуса, находившегося на территории Франции в течение трех лет после победы над Наполеоном I.

Предмет исследования – правовой статус и повседневные практики пребывания русских военнослужащих во Франции, их межкультурное взаимодействие с местным населением.

Историография русского оккупационного корпуса или, как он официально именуется в источниках, «отдельного во Франции находящегося

корпуса под командованием графа М. С. Воронцова», как и всей оккупации Франции 1815–1818 гг., не слишком обширна и является органичной частью весьма пространной историографии войн между Российской империей и наполеоновской Францией. Работы отечественных авторов, освещающие соответствующие сюжеты, можно условно разделить на несколько групп. К первой отнесем биографические исследования о графе М. С. Воронцове, которые, в частности, содержат и некоторые сведения о подчиненном ему оккупационном корпусе.

Первая из таких работ принадлежит перу М. П. Щербинина², долгое время служившего в канцелярии графа. По своему характеру она представляет собой скорее беллетризованную агиографию Воронцова, нежели сугубо научное исследование. Поэтому в том небольшом отрывке, что посвящен русскому корпусу, автор не пытался подробно освещать его историю, а лишь отдал должное личным качествам его командира.

Через тридцать четыре года, другой русский автор В. В. Огарков опубликовал в серии «Жизнь замечательных людей» небольшое сочинение о наиболее известных представителях семьи Воронцовых³. Михаилу Семеновичу он посвятил три последние главы, но периоду его командования корпусом всего два абзаца. Несмотря на то, что и М. П. Щербинин, и В. В. Огарков не ставили перед собой цели исследовать историю пребывания корпуса во Франции, тем не менее именно в их работах впервые были высказаны мысли, которые в дальнейшем получили развитие у других российских авторов: о «простом и добром» отношении командира к сослуживцам, о его стремлении минимизировать конфликты с гражданским населением и о значительном влиянии пребывания во Франции на образ мыслей самого Воронцова и его подчиненных.

На протяжении почти всего XX в. отечественные историки если и затрагивали тему оккупации Франции русскими войсками, то крайне редко и

² Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858.

³ Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 72.

вскользь. Так, советская исследовательница О. В. Орлик, изучавшая истоки декабризма, отметила период присутствия русских войск во Франции как один из основополагающих моментов в истории этого движения⁴.

Ситуация изменилась в конце XX в. В 1994 г. увидела свет монография М. А. Давыдова «Оппозиция Его Величества», в дальнейшем переизданная также в 2005 и 2007 гг. Свою работу автор посвятил нескольким наиболее видным представителям эпохи правления Александра I, пытаясь через их биографии воссоздать атмосферу, в которой жила российская элита того времени. Одним из его героев был М. С. Воронцов. Небольшой объем книги не предполагал всеобъемлющего освещения поставленных автором вопросов, а потому глава о нахождении оккупационного корпуса во Франции заняла меньше 20 страниц. Источниками для ее написания послужили одно архивное дело и некоторые материалы из опубликованных ранее сборников документов. Несмотря на достаточно ограниченную источниковую базу данной работы, в ней впервые российским автором были затронуты некоторые бытовые аспекты пребывания русских солдат во Франции в период оккупации.

В 1995 г. С. В. Самойлова защитила в МГУ кандидатскую диссертацию по теме «Граф М. С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века»⁵. Свое достаточно объемное исследование она посвятила изучению военной карьеры Воронцова с 1782 по 1820 гг. Это исследование примечательно, прежде всего, подробным анализом источников: изучив три личных фонда семьи Воронцовых, диссертантка систематизировала многочисленные дневниковые записи Михаила Семеновича, в частности периода оккупации, а также его служебные бумаги и корреспонденцию. Периоду нахождения М. С. Воронцова на посту командующего оккупационным корпусом во Франции посвящены две главы

⁴ См.: Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М., 2000; Она же. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984; Она же. Передовая Россия и революционная Франция (I половина XIX в.). М., 1973.

⁵ Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: дисс. ...канд. ист. наук. М., 1999.

из четырех. С. В. Самойлова считает этот этап жизни своего героя «первым самостоятельным “крупномасштабным” деянием Воронцова и одним из наиболее значительных во всей его военной карьере». Фактически, автор диссертации работал в русле интеллектуальной истории, а потому обе главы о корпусе были посвящены таким глобальным вопросам, как «состояние умов» французов в период оккупации (правда, она анализирует его исключительно по рапортам двух русских офицеров 1815–1816 гг.) и отношение самого Воронцова к ситуации во Франции. Не ставя перед собой задачи подробно рассматривать социальные или бытовые проблемы, с которыми русские солдаты столкнулись во Франции, С. В. Самойлова лишь обозначила таковые крупными мазками, характеризуя те факторы, что формировали мировоззрение Воронцова в данный период его жизни.

Еще через два года кандидатскую диссертацию по теме «М. С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия» защитила О. Ю. Захарова. В том же 1997 г. она опубликовала монографию «”Я князь, коль мой сияет дух” – страницы военной биографии генерал-фельдмаршала Светлейшего князя М. С. Воронцова»⁶. В обеих работах истории оккупационного корпуса отведена отдельная глава, поскольку автор считает этот период одним из ключевых в биографии М. С. Воронцова – временем, когда он «приобрел столь необходимый для будущей карьеры государственного деятеля политический опыт в решении военных, дипломатических, административных, экономических и культурных вопросов»⁷.

Так же, как С. В. Самойлова, О. Ю. Захарова активно обращалась к собраниям документов из фондов семьи Воронцовых, хранящихся в российских архивах. Несмотря на то, что сама она в своем исследовании использовала лишь некоторую часть обнаруженных ею документов, в ее

⁶ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; Она же. «Я князь коль мой сияет дух...» Подольск, 1997.

⁷ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия. С. 213.

тексте содержится подробный перечень архивных фондов, где хранится большое количество неопубликованных и пока еще не введенных в научный оборот материалов по данной теме. В силу биографического характера своей работы автор обращает внимание, прежде всего, на личное отношение командира корпуса к тем проблемам, с которыми сталкивались российские военнослужащие на оккупированной территории. Тем не менее, сквозь призму личного опыта Воронцова рассматриваются и общие условия пребывания корпуса во Франции: трудности размещения и снабжения, дезертирство, правонарушения в отношении гражданских лиц и другие аспекты. Автор привел также статистические данные потерь личного состава корпуса, подчеркнув, что минимальное количество таковых свидетельствуют об успешности деятельности М. С. Воронцова в качестве командира.

В последующие годы из-под пера О. Ю. Захаровой, защитившей впоследствии докторскую диссертацию, вышло еще несколько работ о разных сторонах биографии М. С. Воронцова⁸. Так, в 2001 г. ею была опубликована монография «Генерал-фельдмаршал Светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи»⁹. Большая часть текста книги воспроизводит содержание диссертационного исследования, но, вместе с тем, были добавлены и новые сведения из архивных источников. В главе об оккупационном корпусе приведены статистические данные о выплатах семейным солдатам, о денежном жаловании офицеров разных рангов и пр. Кроме того, в 2016 г. на страницах сборника материалов XIX-й научной конференции, приуроченной к годовщине Бородинской битвы, О. Ю. Захарова опубликовала статью «М. С. Воронцов – командующий

⁸ См. Захарова О.Ю. М.С. Воронцов в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии // Воронцовский сборник. Выпуск 6. М.С. Воронцов и его эпоха: историческая ретроспектива. К 200-летию Бородинского сражения посвящается. Одесса, 2013. С. 35–50; Она же. М.С. Воронцов и Р.Т. Вильсон. От Тильзита до Бородино: история взаимоотношений // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Музей Бородино, 2017. С. 207-218.

⁹ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

Русским оккупационным корпусом во Франции (1815-1818)»¹⁰, куда включила новые данные из документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ).

В 2004 г. российский писатель, один из основателей Воронцовского общества, В. А. Удовик в серии «Жизнь замечательных людей» опубликовал еще одну биографию М. С. Воронцова¹¹. Несмотря на то, что книга написана в научно-популярном жанре, глава об истории корпуса содержит достаточно подробный рассказ об участии русских войск в оккупации Франции. В качестве своих источников автор указал ряд ранее опубликованных документов, а также статью французского лингвиста Ж. Брейяра. Однако в тексте приведено без указания источников немало и частных эпизодов, очевидно, почерпнутых из работ О. Ю. Захаровой.

В целом отметим значительные за последние годы достижения отечественных авторов в разработке данной тематики: они ввели в научный оборот ценные источники из целого ряда архивных фондов РГАДА и ОПИ ГИМ. Документы же из Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА) привлекались ими лишь фрагментарно, а из французских архивов не привлекались вовсе. В итоге названные авторы предлагают скорее «воронцовский» или, в крайнем случае, сугубо «русский» взгляд на историю оккупационного корпуса.

Ко второй группе работ, так или иначе затрагивавших интересующую нас тематику, отнесем те исследования, где рассматривались различные аспекты оккупации русскими войсками Франции, но достаточного внимания непосредственно корпусу М. С. Воронцова не уделялось. К числу таковых относятся работы, посвященные имагологическому измерению контактов

¹⁰ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815-1818 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIX Международной научной конференции, 7-9 сентября 2015 г. / Сост. В.Р. Климов. Бородино, 2016. С. 143–161.

¹¹ Удовик В.А. Воронцов. М., 2004.

оккупантов и оккупированных. Значение их для настоящего исследования состоит в том, что в них, с одной стороны, раскрывается история формирования взаимных представлений русских и французов в эпоху Наполеоновских войн и оккупации, с другой – содержатся некоторые важные положения методологического характера.

Имевшие тогда место тесные контакты между российскими войсками и местными жителями не могли не повлиять на тот образ русских, который успел сформироваться у французов к моменту вступления армии Александра I на их территорию¹². С другой стороны, у российских военных также существовал уже сложившийся образ врагов, которому предстояло претерпеть определенные изменения в ходе непосредственных контактов с французским населением. Эти стереотипы, в свою очередь, оказывали влияние на отношения между солдатами и гражданским населением. Специфичность подобной коммуникации и ее следствия на заключительном этапе Наполеоновских войн и в первые послевоенные годы активно изучаются в историографии последних двух десятилетий¹³. В данном контексте наибольший интерес представляют работы российского историка А. В. Гладышева и русско-французской исследовательницы М. В. Губиной, раскрывающие социально-психологический контекст, в котором оказались солдаты к началу оккупации¹⁴.

М. В. Губина в своих работах анализировала представления французов о русских в первой половине XIX в., подразумевая под «русскими» всех представителей России, присутствовавших тогда во Франции¹⁵. Кроме того, на основе официальных документов из французских архивов – отчетов

¹² См. например: Кабакова Г. Свечкоед: образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 64-68; Goubina M. Les images des ennemis dans la perception des conquérants de l'Europe (1805-1812) // Annales historiques de la Révolution française. Paris, 2012. № 369. P. 81-93; Антрэ Ж. Использование образа казака и русских во Франции во время первой реставрации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4 (45). С. 16-23.

¹³ Губина М.В. Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814-1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга. М., 2000. Вып. 1. С. 136-141.

¹⁴ Болт В.С. Русские во Франции 1814-1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. № 1 (45). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001355-9-1/> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁵ См. Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153.

префектов, супрефектов, мэров и др. – М. В. Губина изучила особенности межкультурного взаимодействия русской армии с местным населением в течение всего периода ее нахождения на территории Франции¹⁶. Это позволяет сравнивать поведение солдат оккупационного корпуса и остальной российской армии в схожих условиях.

А. В. Гладышев, обращаясь преимущественно к истории военной оккупации Франции 1814 г., в ряде статей проанализировал образ казака в восприятии французов, видевших в казаках своего рода символ России¹⁷. В своей обобщающей монографии¹⁸ А. В. Гладышев, исходя из тезиса, что взаимные представления народов – феномены «большой длительности» и что архетипы и стереотипы проявляют порой удивительную устойчивость, обратился к истории формирования образа казака на Западе, начиная с XVIII в. Особо им акцентировалась роль наполеоновской пропаганды в формировании образа России. Следы этих пропагандистских кампаний сохранялись в сознании французов и в послевоенные годы.

Особенно важным для понимания того, как оккупационные войска М. С. Воронцова воспринимались французами, является тезис А. В. Гладышева о роли первого контакта, первой встречи гражданского населения Франции с враждебным «чужим»¹⁹, поскольку население русской оккупационной зоны 1815-1818 гг. ранее имело опыт такого контакта с русскими военнослужащими в период кампании 1814 г.

В плане постановки новых исследовательских вопросов, необходимо отметить статью А. В. Гладышева об изучении феномена оккупации в рамках

¹⁶ См.: Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame-s.html. (дата обращения: 17.03.2018); Idem. Les vainqueurs et les vaincus : découverte mutuelle: les Russes en France (1814-1818) // Revue des études slaves. Paris, 2012. Т. 83. №. 83. P. 1011–1022; Она же. Russes et Français (1812-1818). Paris, 2017.

¹⁷ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4(45); Он же. Казаки в Море-сюр-Луан или почему нельзя обижать жену мэра // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2015. Вып. 3. С. 10–15; Он же. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.

¹⁸ Гладышев А.В. «1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М., 2018.

¹⁹ Там же. С. 71–98.

исследований по военной антропологии²⁰. Избежать односторонней трактовки восприятия французами оккупационных войск позволяет работа того же автора о релятивизме «своих» и «чужих» и случаях коллаборационизма²¹.

М. В. Губина и А. В. Гладышев сходятся во мнении о том, что к моменту прихода русской армии во Францию население последней уже обладало почерпнутыми из различных источников стереотипными представлениями о русских в целом и о казаках в частности. В ходе военных действий пропаганда Первой империи активно использовала эти стереотипы для возбуждения воинственных настроений в народе, в отличие от послевоенного периода, когда французская пресса, следуя общей государственной стратегии режима Реставрации, стала ратовать за мирное отношение гражданского населения к иностранным солдатам.

Французская историческая наука на протяжении двух прошедших столетий уделяла гораздо больше внимания теме оккупации 1815–1818 гг., нежели российская. К тому же, в отличие от российских коллег, французские ученые нередко рассматривают события 1814 и 1815–1818 гг. как единый период, не разделяя их²². К тематике настоящей работы наиболее близкое отношение имеют труды французских исследователей А. Роже, Ж. Антрэ и Ж. Брейяра.

А. Роже посвятил иностранной оккупации Франции лета-осени 1815 г. свою диссертацию, которая в дальнейшем стала основой для монографии. Эту работу отличает подробный анализ отношений между французским правительством и главами союзных армий после окончательного поражения

²⁰ Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10-21; Он же. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. М., 2017. Т. 59. С. 136-151.

²¹ Гладышев А.В. Как французские роялисты-патриоты казаков полюбили // ЭНОЖ «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 08.01.2021).

²² De Beauchamp. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815, comprenant l'histoire politique et militaire des deux invasions de la France, de l'entreprise de Buonaparte au mois de mars, de la chute totale de sa puissance, de la double restauration du trône, et de tous les événements dont la France a été le théâtre, jusqu'à la seconde paix de Paris, inclusivement. Paris, 1816, 1817, 1818; Ledent A. Invasions de 1814-1815 et 1870 à Montargis. Paris, 1910; Rain P. L'Europe et la Restauration des Bourbons: 1814-1818. Paris, 1908; Guerrin Y. La France après Napoléon - Invasions et occupations (1814-1818). Paris, 2014.

Наполеона, а также тех дискуссий, которые шли вокруг ближайшего будущего Франции²³. Опираясь на официальные документы и переписку глав союзных государств, автор проанализировал факторы, повлиявшие на содержание заключенного в ноябре 1815 г. мирного договора, в котором были прописаны основные юридические условия предстоящей оккупации.

Ж. Брейяр, французский лингвист, занялся, по собственному признанию, историей оккупационного корпуса Воронцова из личных интересов, поскольку родился на северо-востоке Франции и детство провел в городке Авен, где до сих пор жива память о тех далеких событиях. Вероятно, в силу того, что события 1815-1818 гг. не были основным предметом его исследований, он не публиковал каких-либо обобщающих трудов, однако несколько его научных статей, вышедших не только на французском, но и на русском языке, охватывают достаточно широкий круг вопросов, таких как деятельность Воронцова на посту командира корпуса²⁴, участие русских офицеров в масонском движении²⁵, командование Г. Полиньяка Апшеронским пехотным полком²⁶. Автор использовал материалы местных архивов, прежде всего, документы, исходившие от региональных властей. Подняв тему повседневных взаимоотношений солдат русского корпуса с гражданским населением и обозначив целый ряд связанных с этим проблем, Ж. Брейяр не пытался дать всю картину целиком, вероятно, из-за ограниченности использованной источниковой базы. Тем не менее его статьи представляют значительный интерес, благодаря освещению в них различных сторон жизни военнослужащих русского оккупационного корпуса²⁷.

²³ Roger A. Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Châtillon-sur-Seine; Paris, 1924.

²⁴ Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1816-1818): fantasmes et réalités // Slavica Occitania, Toulouse, 1999. Т. 8. Les Russes et l'Orient. P. 67-113; Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобёже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. СПб., 2000. Вып. 6. С. 127-151; Брейяр Ж. О некоторых политических аспектах пребывания русской армии во Франции (1816-1818гг.) // Е. Р. Дашкова. Портрет в контексте истории: (По материалам IX Дашковских чтений, март 2003 г.). М., 2004. С. 102-113.

²⁵ Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818) // Slavica Occitania. Toulouse, 2007. Т. 24. P. 307-342.

²⁶ Breuillard J. Héraclius de Polignac et quelques aspects de l'occupation russe de 1816 à 1818 en France // l'influence française en Russie au XVIII-e siècle. Paris, 2004. P. 437-464.

²⁷ См. также: Breuillard J. L'occupation russe à Givet de 1816 à 1818, d'après les Memoires du general-baron V.I. Lowenstern // Revue historique ardennaise. 1977. № 12. P. 57-77.

Перу Ж. Антрэ принадлежит фактически единственная на сегодняшний день обобщающая работа об оккупации Франции русскими войсками, предметом исследования в которой являются не локальные события и биографии отдельных их участников, а антропологический контекст пребывания русских войск во Франции на протяжении всего периода оккупации²⁸. Анализируя преимущественно источники из французских архивов, автор предпринял попытку изучить особенности поведения военнослужащих оккупационных войск и выявить психологические факторы, определявшие его. Не обращаясь к статистике, он достаточно подробно осветил тему насилия в отношениях солдат и гражданского населения, детально исследовав отдельные его примеры, что определяет бесспорную информативную ценность его монографии.

Среди других работ зарубежных историков несомненный интерес представляет исследование К. Хэйнс, профессора истории университета Северной Каролины. Ее монография, опубликованная в 2018 г.²⁹, в некотором роде продолжает работу Ж. Антрэ, но в более широких географических рамках. В поле зрения исследовательницы входит вся оккупированная территория. При этом, обозначая языковые и культурные различия между разными частями оккупационной армии, автор сознательно акцентирует внимание на общих социальных проблемах, которые были во многом схожи для солдат, говоривших на разных языках.

Кроме названных обобщающих работ, французская историография включает в себя значительное количество исследований, посвященных отдельным регионам и городам и вводящих в научный оборот обширный пласт документов из местных архивов³⁰.

²⁸ Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005. Рецензию на книгу см. Гладышев А. В. Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ // История и историческая память. 2012. № 6. С. 260-287.

²⁹ Haynes C. Op. cit.

³⁰ Blancpain M. La vie quotidienne dans la France du Nord sous les occupations (1814-1944). Paris, 1983; Bérard A. Les Invasions de 1814 et de 1815 dans le département de l'Ain. Bourg, 1887; Bruchet M. L'Invasion et l'Occupation du département du Nord par les alliés. 1814-1818. Lille, 1920; Couteau C. L'Esprit public dans l'arrondissement de Douai-Valenciennes de l'avènement de la Première Restauration à la fin de l'occupation (1814-1818). S.p., 2001; Duvivier J. L'occupation étrangère dans la région du Nord de 1816 à 1818. Journal du lieutenant

Важное в методологическом плане значение для настоящей работы имели исследования, выполненные в русле военно-исторической антропологии – особого предметного поля, сформировавшегося в рамках военной истории. В России о появлении этого направления в начале 2000-х гг. заявила Е. С. Сенявская, автор исследований по военной психологии и повседневным практикам участников Великой Отечественной войны. В 2002–2006 гг. под ее руководством выходил журнал «Военно-историческая антропология», где публиковались статьи о военных событиях разных эпох, выполненные на стыке разных гуманитарных дисциплин: истории, экономики, социологии, психологии и др. Опыт авторов журнала демонстрирует пользу междисциплинарного подхода при изучении вопросов истории повседневности разных эпох.

В целом же, подводя итог обзору историографии темы, нужно констатировать, что история пребывания русского оккупационного корпуса во Франции пока не получила комплексного и всеобъемлющего освещения в научной литературе.

Цель настоящего исследования – изучение истории пребывания русского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. на территории Франции, повседневных практик его личного состава, особенностей межкультурного взаимодействия российских военнослужащих с местным населением, конфликты между ними и способы предотвращения и преодоления таковых. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд следующих задач:

- Анализ правовых и материальных условий пребывания во Франции русского оккупационного корпуса.
- Изучение повседневных практик военнослужащих русского оккупационного корпуса в период его нахождения на территории Франции.

danois Minier // Bulletin de la Commission historique du département du Nord. 1948. Т. 36. P. 47-49; Lannoy M. 1815-1818 – L'occupation russe à Valenciennes et Maubeuge // Comptes-Rendus des conférences du Cercle Archéologique et Historique de Valenciennes. Avesnes, 2011. Т. 86. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.histoire-valenciennes-cahv.fr/Memoires/index.php/CR-CAHV/article/view/831>. (дата обращения: 03.11.2017).

- Выявление специфики взаимодействия русского командования с центральными и локальными французскими властями.
- Анализ особенностей повседневных взаимоотношений российских солдат с французским гражданским населением.
- Оценка эффективности и результатов диалога между русскими военнослужащими и гражданским населением оккупированных территорий Франции.

Источники. Основную базу источников диссертационной работы составляют неопубликованные или лишь частично введенные в научный оборот архивные документы, хранящиеся в российских (РГВИА, ОПИ ГИМ, РГАДА) и французских (Archives nationales, Archives départementales de la Meuse, Archives départementales du Nord, Archives municipales de Nancy) архивах. В большинстве своем – это официальные документы, хотя используются также и некоторые источники личного происхождения.

Наиболее информативные документы по истории корпуса хранятся в РГВИА, а именно - приказы командира корпуса М. С. Воронцова и начальника штаба корпуса М. И. Понсета, которые содержатся в фондах 16267 (оригиналы) и 474 (микрофильмированные копии). Эти источники позволяют получить детальное представление не только о действиях командования, но и обо всем спектре проблем, с которыми личный состав корпуса сталкивался на протяжении оккупации. Благодаря наличию в корпусе походной типографии, отпечатанные копии этих приказов также можно найти в других архивохранилищах. В частности, они, подшитые по годам, находятся в собрании Государственной публичной исторической библиотеки. Именно эти документы чаще других привлекали внимание авторов, ранее исследовавших историю корпуса. Есть копии этих приказов и в фонде № 36 научного архива Санкт-Петербургского Института истории

РАН. Кроме того, журналы регистрации приказов, содержащие краткие описания таковых, хранятся в фондах РГАДА³¹ и ОПИ ГИМ³².

Фонд 16235 РГВИА содержит материалы расследований правонарушений, совершенных военными, и соответствующих судебных процессов. В данном отношении наибольший интерес представляет досье № 74 «Следственные дела, произведенные в отдельном корпусе возвратившемся из Франции, бывшем под командою Господина Генерал Адъютанта Гр. Воронцова с 13 го сентября 1815 го по 28 е генваря 1819 го». Если остальные дела фонда содержат документы по отдельным следствиям, то дело № 74 включает в себя все сохранившиеся документы по расследованию правонарушений в корпусе, а именно – рапорты командиров частей, допросные протоколы, письма свидетелей из гражданского населения, итоговые рапорты членов аудиториата и пр.

Столь же многочисленны, но практически не классифицированы, документы по истории корпуса, осевшие в личных фондах семьи Воронцовых. Сегодня они хранятся в РГАДА (фонд № 1261)³³ и ОПИ ГИМ (фонд № 60). По своему содержанию они носят преимущественно официальный характер: рапорты командиров подразделений, отчетные ведомости по различным вопросам (кондуитные списки, интендантские документы), входящая и исходящая корреспонденция. Оба эти архивные собрания представляют собой неотсортированные комплексы документов по абсолютно разным вопросам, находившимся в ведении М. С. Воронцова как командира оккупационного корпуса. Условно их можно разделить на следующие категории:

- Административно-хозяйственные документы, касающиеся взаимодействия с местной администрацией и местными жителями;

³¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2094, 2103.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2451, 2452.

³³ См. подробнее Болт В. С. Источники по истории российского Отдельного оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг.: обзор фондов РГАДА // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 9 (32) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000875-1-1/> (дата обращения: 04.04.2021).

- Документы командования союзной армии в целом и российского оккупационного корпуса в частности.

Источники первой группы содержат информацию относительно обеспечения оккупационных войск продовольствием, фуражом, топливом, тканями, расквартирования, обустройства казарм и бань, эксплуатации местных зданий в качестве госпиталей, использования проезжих дорог во время маневров.

Документы второй группы содержат сведения о внутренних приказах командования оккупационной армией, представленного герцогом Веллингтоном и начальником его штаба Дж. Мюрреем, и о распоряжениях российского военно-политического руководства в лице Александра I, П. М. Волконского, А. А. Закревского, М. С. Воронцова и др.

Материалы фондов Национального архива Франции, относящиеся к теме настоящей диссертации, ранее были лишь частично введены в научный оборот зарубежными и российскими историками, при том, что довольно значительный круг таких источников оставался вне поля зрения исследователей. Прежде всего, речь идет о серии F7, в которой находятся документы центрального полицейского управления, отсортированные по региональному принципу.

Кроме того, тематика взаимодействия командного состава корпуса с региональными французскими властями, а рядовых солдат с обычными гражданами, получила широкое отражение в документах местных французских архивов. В диссертации были использованы материалы фондов 8R архива департамента Мёз³⁴, 8R архива департамента Нор³⁵ и 4N муниципального архива города Нанси³⁶. Характер этих документов достаточно разнообразен: это и отчеты глав городов и поселений префекту о происшествиях, и документы по вопросам поставок товаров солдатам корпуса, и переписка по административным вопросам между префектами,

³⁴ Les Archives départementales de la Meuse (Далее ADM – В.Б.)

³⁵ Les Archives départementales du Nord (Далее ADN – В.Б.)

³⁶ Les Archives municipales de Nancy (Далее AMN – В.Б.)

мэрами и центральным правительством, и еще многое другое. Особенность структуры этих фондов состоит в том, что входящие в них бумаги рассортированы не по территориям, оккупированным разными корпусами, а по освещаемым в документах вопросам. Поэтому в одних и тех же томах находятся документы, касающиеся как русского, так и других корпусов, что позволяет сравнивать условия жизни солдат русского корпуса с тем, как обстояли дела в других соединениях оккупационной армии.

Кроме того, в настоящей работе использованы документы, опубликованные российским археографом П. И. Бартеневым в многотомном собрании «Архив князя Воронцова», изданном в 1870–1895 гг. по инициативе сына М. С. Воронцова – С. М. Воронцова³⁷. Для темы данного исследования наибольший интерес представляли 35-40 тома этого издания, включающие в себя переписку М. С. Воронцова со своим ближайшим окружением: С. Р. Воронцовым, А. П. Ермоловым, А. А. Закревским.

В 2015 г. российским историком С. Н. Хомченко был опубликован ценный источник личного характера – дневник полкового священника 41-го егерского полка Е. С. Левитского, находившегося со своей частью во Франции на протяжении всей оккупации³⁸.

Важным источником для настоящей работы стала также пресса, как российская, так и французская. В России заметки об оккупационном корпусе периодически появлялись в еженедельном журнале «Сын Отечества». По своему содержанию они представляли переводы статей, вышедших на страницах европейских изданий. Французские *Journal du département du Pas-de-Calais*, *Journal du département de la Moselle*, *Journal du département de la Marne*, *Journal du département de la Haute-Marne*, *Le Narrateur de la Meuse*, *Journal du département du Nord*, а также центральная газета *Moniteur*,

³⁷ Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартенева. Т. 35-40. М., 1889-1895. Подробный анализ сборника см. Ануфриева А.Ю. Архив князя Воронцова: история и состав публикации //Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 293.

³⁸ Левитский Е. Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского / ред. С.Н. Хомченко. М., 2015.

содержат некоторую, хотя и не слишком подробную, информацию об иностранных оккупационных войсках на территории Франции.

Методологическая основа. Представленное исследование базируется на принципах историзма, системности и научной объективности, что предполагает рассмотрение истории русского оккупационного корпуса в общем политическом, социально-экономическом и культурном контексте русско-французских отношений. Методологическая основа работы вобрала в себя как традиционные методы исторического исследования, так и новые, появившиеся в течение последних десятилетий.

В силу того, что событийная история корпуса Воронцова до сих пор изложена лишь в общих чертах, при освещении ее автор диссертации придерживался позитивистской модели исторического исследования, используя методы исторического нарратива и структурного анализа, на которых построена большая часть первой главы. Вторая и третья главы данной работы написаны с использованием методов, применяемых сегодня специалистами по военно-исторической антропологии, цель которой «не только и не столько специализация в исследовании войн, сколько интеграция знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками»³⁹. Соответственно применявшиеся в этой части диссертации методы находятся на пересечении дисциплинарных полей истории, философии и психологии. Речь идет, прежде всего, об исторической герменевтике и теории экзистенциализма. Оба подхода незаменимы при изучении поведения солдат на основе письменных свидетельств. С одной стороны, герменевтический метод позволяет на основании различных языковых конструкций не только констатировать факты как таковые, но и определять заложенный в них неявный смысл. В свою очередь категория «пограничной ситуации», разработанная философами-экзистенциалистами незаменима при изучении мотивов поведения отдельных людей в условиях

³⁹ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 14

сильнейшего стресса, каковой создается самой по себе ситуацией иностранной военной оккупации. В совокупности с методом микроисторического анализа эти подходы позволяют максимально подробно исследовать отдельные примеры взаимодействия участников событий. Кроме того, изучая отношения русских солдат и мирного населения Франции нельзя обойтись без методов исторической имагологии. Представления двух наций друг о друге являлись одним из наиболее важных факторов, определявших поведение отдельных их представителей.

Новизна настоящей диссертационной работы определяется тем, что она представляет собой первое в российской историографии комплексное исследование истории пребывания на территории Франции в 1815–1818 гг. русского оккупационного корпуса и осуществлявшихся в ходе оккупации массовых межкультурных контактов между представителями обоих народов.

Апробация исследования. Результаты работы были представлены автором на 12 конференциях международного и всероссийского уровней, а также в 9 статьях, 7 из которых опубликованы в изданиях, входящих в международную базу данных Web of Science. Результаты исследования могут применяться как в рамках системы образования на разных ее ступенях, так и при написании исторических исследований и информационных справочников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Из-за отсутствия в начале XIX в. международных правовых документов, определявших юридическое содержание оккупационного режима, правовой статус оккупационных войск был определен ситуативно. В силу этого режим оккупации 1815–1818 гг. представлял собой уникальный феномен в истории международного права.

2. Стремление по возможности предотвратить или хотя бы минимизировать конфликты между военнослужащими и гражданским населением являлось общей стратегией командования корпуса и французских властей всех уровней, что определяло готовность обеих сторон идти в случае

необходимости на компромисс во избежание коллизий, чреватых далеко идущими последствиями.

3. Правонарушения солдат и гражданского населения по отношению друг к другу носили преимущественно бытовой характер и не являлись следствием взаимной агрессии или межнациональной ненависти.

4. Важным условием предотвращения конфликтных ситуаций было установление максимально возможной степени бытовой обособленности военнослужащих от гражданского населения, что сокращало до минимума число контактов между ними и соответственно уменьшало вероятность возникновения конфликтов.

5. Несмотря на предшествовавший оккупации длительный период военного противоборства между Россией и Францией, наибольшую сложность во взаимоотношениях русских солдат с гражданским населением на оккупированной территории создавала не дихотомия «побежденные и победители», а различия национальных культур и языковые барьеры.

6. Скромная статистика правонарушений военнослужащих по отношению к гражданскому населению и друг к другу, а также низкий уровень дезертирства свидетельствуют об успешности политики командования корпуса по поддержанию дисциплины личного состава в экстремальной ситуации длительного пребывания в чужой культурно-языковой среде.

Глава 1. Правовые и материальные аспекты пребывания русского оккупационного корпуса на территории Франции

§ 1. Правовой статус оккупационных войск⁴⁰

К решению о продолжительной оккупации Франции страны, победившие Наполеона, пришли не сразу. После первого отречения французского императора и его заточения на острове Эльба идея о том, чтобы оставить во Франции значительный военный контингент, который содержался бы за счет проигравшей страны, если и обсуждалась, то не получила большого числа сторонников. Однако возвращение Наполеона в 1815 г. и, более того, та поддержка, которую ему оказали и гражданское население, и военные, продемонстрировали, сколь слабы позиции Бурбонов. С одной стороны, фигура императора для значительной части населения оставалась достаточно привлекательной, с другой - даже среди самих европейских монархов Людовик XVIII не пользовался большими симпатиями. Тем не менее победители связывали установление желанной стабильности с утверждением конституционной монархии Бурбонов и с изменениями в системе международных отношений.

Весьма образно сложившуюся ситуацию представил один из выпусков «Сына Отечества»: «В прежнее время Франция неминуемо подверглась бы разделению между победителями Бонапарта, но ныне было совершенно тому противное: Франция сохранила целость свою, уступила некоторые только пограничные крепости для обеспечения соседственных земель от действий ее мятежного духа, заплатила за издержки, причиненные сею войною, и обязалась содержать у себя войско блюстителей ее спокойствия. Меры необходимые, справедливые и великодушные, основанные на самых простых, истинных правилах! Так жители селения, видя объятый пламенем дом одного из соседей своих, спешат к нему со всех сторон на помощь, прекращают действия огня, охраняют имущество его от расхищения, и

⁴⁰ Болт В.С. Правовые аспекты оккупационного режима во Франции 1815–1818 гг. на примере русского корпуса // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840002427-8-1/> (дата обращения: 29.03.2021).

принимают меры, чтобы одно неосторожное семейство не сделалось виною гибели многих, меры для него тягостные, но заслуженные им и для всех необходимые. – Что сделали бы люди, несоединенные под законами общества? Расхитили бы горящий дом соседа»⁴¹.

Ожидаемые всеми изменения формально были прописаны в Парижском мирном договоре, заключенном в ноябре 1815 г. Одной из причин установления оккупационного режима в нем названы опасения перед «беспорядками, коими угрожал преступное возвращение Наполеона во Францию»⁴², поэтому предполагалось, что союзная армия в случае возникновения очагов нестабильности поможет правительственным войскам с ними справиться.

Еще одна причина – необходимость защиты реставрированной династии и принятой конституционной Хартии⁴³. Установление режима оккупации можно считать одним из первых шагов Священного Союза, который провозгласил среди своих целей защиту легитимных правительств. Соответственно для него восстановленные на троне Бурбоны, ранее два века правившие Францией, были предпочтительнее династии Бонапартов. Поэтому упрочение власти Людовика XVIII и было принято в качестве одного из условий для возможного сокращения периода оккупации. Как указывалось в договоре, в случае признания союзными державами «утверждения порядка и тишины во Франции» оккупация может быть окончена через три года вместо изначальных пяти⁴⁴. С другой стороны, «если же революционные начала, причинившие последнее похищение престола во Франции, вновь станут раздирать Францию и угрожать спокойствию других держав»⁴⁵, то каждая из держав обещала выставить по 60 тыс. солдат дополнительно к личному составу оккупационных корпусов.

⁴¹ Сын Отечества. СПб., 1816. Ч. 27. № 1. С. 37.

⁴² Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIV. Трактаты с Францией. 1807–1820. СПб., 1905. С. 291.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ Первое прибавление к 49 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1815. № 98. С. 2.

В ряде случаев эти пункты соглашения излишне буквально воспринимаются исследователями. Так, например, В. А. Удовик в своей работе утверждает: «Не надеясь на собственные силы, король [Людовик XVIII – В.Б.] обратился к государям стран-победительниц с просьбой оставить на время во Франции часть войск для обеспечения порядка»⁴⁶. Однако автор не ссылается на какой-либо конкретный документ, содержащий такую просьбу.

Ближе к истине, на мой взгляд, был французский историк А. Дебидур, отметивший в своей монографии, посвященной истории дипломатических отношений в Европе, что Людовик XVIII и Талейран были *не против* оккупации, так как она, в отличие от многих других требований союзников, хотя бы гарантировала режим Реставрации⁴⁷. Безусловно, у французского короля и правителей стран-победительниц имелись общие интересы в деле борьбы с Наполеоном и сохранении восстановленной династии. Вместе с тем, тот факт, что по окончании трехлетнего периода оккупации французское правительство сделало все возможное, чтобы убедить монархов вывести оккупационную армию из пределов Франции⁴⁸, показывает, что Людовик XVIII и его окружение воспринимали режим оккупации скорее как вынужденное зло, от которого было бы хорошо поскорее избавиться.

Устойчивость реставрированной династии была тесно связана с возвращением европейских держав к тому порядку международных отношений, что имел место при Старом порядке⁴⁹. Французская революция нарушила существовавшую ранее систему «европейского равновесия», приведя к безоговорочному доминированию на континенте одной-единственной державы, поэтому одним из приоритетов союзных правительств было восстановление прежней системы баланса сил.

⁴⁶ Удовик В.А. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. 1. Священный союз. М., 1947. С. 115.

⁴⁸ См. подробнее Nigohosian V.-A. La Libération du territoire français après Waterloo 1815–1818. Paris, 1929.

⁴⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 291.

Еще одним мотивом военной оккупации Франции была необходимость гарантировать выплату контрибуций. Его некоторые исследователи считают приоритетным для европейских монархов⁵⁰. После второго отречения Наполеона державы-победительницы потребовали от французского правительства 700 млн. франков в возмещение понесенных потерь. А из-за необходимости еще и содержать оккупационную армию, которая должна была гарантировать означенные выплаты, финансовые обязательства Франции возрастали почти вдвое: французский исследователь М. Брюше оценивает их в 130 млн. франков в год, плюс 50 млн. франков на жалование солдат, их экипировку и одежду, и все это без учета затрат на содержание используемых иностранными военными зданий⁵¹. В одном из номеров «Сына Отечества» приводился представленный Палате депутатов проект бюджета Франции на 1816 г. В нем пункт «чрезвычайные расходы» предусматривал 140 млн. франков на выплату контрибуции и 130 млн. на содержание союзных войск. При этом на собственную армию французское правительство предполагало потратить всего 180 млн и еще 48 млн на флот⁵². Ж. Антрэ в одной из своих статей обратил внимание на выводы префекта департамент Сена-и-Уаза (Seine-et-Oise), по подсчетам которого содержание союзной армии в ноябре 1815 г. стоило департаменту 100 тыс. франков в день⁵³, а в целом за 1815 и 1816 гг. – 40 млн франков⁵⁴. Своевременное и полное выполнение финансовых обязательств было одним из условий сокращения периода оккупации.

После подписания Парижского мирного договора большая часть европейских контингентов должна была покинуть пределы Франции, за

⁵⁰ См. например Lannoy M. L'armée russe en France 1814–1819 // Société archéologique et historique de l'Arrondissement d'Avesnes (Nord). Mémoires. Avesnes-sur-Help, 2016. Т. 40. Р. 112.

⁵¹ Bruchet M. L'invasion et l'occupation du département du Nord par les Alliés (1814-1818) (suite) // Revue du Nord. 1921. Т. 7. № 25. Р. 31.

⁵² Второе прибавление к I книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1816. № 2. С. 3.

⁵³ К. Хэйнс в своем исследовании, говоря о понесенных Францией финансовых потерях, для сравнения приводит данные Ж. Ружери, специалиста по социальной истории XIX века, который выяснил, что в 1815 г. заработная плата работника строительной или текстильной промышленности составляла 2-3 франка в сутки (Haynes C. Op. cit. P. 332).

⁵⁴ Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. P. 78.

исключением примерно 150 тыс. человек⁵⁵. Между тем, согласно отчету герцога Веллингтона от 7 сентября 1815 г. (то есть за два месяца до начала официальной оккупации), иностранный военный контингент во Франции составлял 1 млн. 135 тыс. человек, в том числе российских военнослужащих – около 250 тыс.⁵⁶ Е. Левитский в своем дневнике указал, что к моменту осмотра при Вертю, в августе 1815 г., в пределах Франции располагалось 240 тыс. солдат российской армии⁵⁷.

Любопытно, что таких формулировок, как «установление оккупационного режима» или «оккупация Франции» в привычном для современного русского языка значении, в Парижском договоре нет. Более того, в документах, имеющих отношение к российскому корпусу, крайне редко фигурирует определение «оккупационный», как правило используется формулировка «отдельный корпус Воронцова». В одной из своих статей Ж. Брейяр даже предположил, что термина «оккупационный» избегали (*était évitée*), но не объяснил причин этого⁵⁸. Одним из немногих, кто регулярно применял термины «оккупация» и «оккупационный корпус», был полковник Левенштерн⁵⁹.

Подобный разброс в терминологии связан с тем, что в рассматриваемый период отсутствовало какое-либо юридическое оформление практики пребывания иностранного контингента на территории другого государства в мирное время, поскольку формальное определение «оккупации», так же как и многие другие положения, появилось в международном праве только в конце XIX – начале XX вв.⁶⁰ Поэтому в 1815 г. потребовалось детальное согласование тех условий, на которых войска коалиции оставались на территории Франции.

⁵⁵ Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 33. С. 335.

⁵⁶ Roger A. Op. cit. P. 49.

⁵⁷ Левитский Е. Указ. соч. С. 63.

⁵⁸ Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818)... P. 312

⁵⁹ Mémoires du général-major russe Baron de Lowenstern (1776-1858) / par M.-H. Weil. Paris, 1903. Т. 2. P. 457.

⁶⁰ На это также обратил внимание А. Роже (Roger A. Op. cit. P. V.)

В современном международном праве разделяются понятия «военной оккупации» и «послевоенной оккупации»: в первом случае – целью является вооруженное давление на противника, во втором – «средство обеспечения выполнения государством, несущим ответственность за агрессию, своих обязательств»⁶¹. При этом общее определение «оккупации» по-прежнему формулируется на основе международных соглашений конца XIX – начала XX вв.⁶²

Безусловно, тот факт, что оккупационный режим не был к 1815 г. определен как юридическое понятие, не означает, что он не имел прецедентов в прошлом. К рассматриваемому периоду практика установления контроля над территорией побежденного государства для европейских стран была делом если не привычным, то точно знакомым, но опиралась она не на какие-либо признанные международным сообществом нормативные акты, а на те самые прецеденты из прошлого, которые, как известно, редко бывают одинаковыми⁶³.

Преподававший в конце XIX в. международное право в Санкт-Петербургском университете русский дипломат Ф. Ф. Мартенс, опираясь на документы международных конференций, в которых и сам участвовал, дал в своем двухтомном труде «Современное международное право цивилизованных народов» определение оккупационного режима как обстоятельства, «в силу которого местная государственная власть уступает свое место другой – неприятельской. Нет сомнения, что на одной и той же территории не могут одновременно существовать две верховные власти.

⁶¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юридических фак. и вузов. М., 2007. Т. 2. С. 355.

⁶² См. например, Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. и направлению "Юриспруденция" / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, В.Я. Суворова и др. М., 1999. С. 287; Толочко О.Н. Режим военной оккупации в современном международном гуманитарном праве / Альманах международного права / редкол. Кивалов С. В. (гл. ред.) и др. Одесса, 2009. С. 181.

⁶³ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. Т. 1. С. 199; Т. 2. С. 218. А. Роже считает, что ситуация во Франции 1815 г. не имела юридических прецедентов в прошлом, однако он не говорит об уникальности оккупации в целом как средстве военного давления на противника (Roger A. Op. cit. P. V). К. Хейнс в своем исследовании обращает внимание на то, что во Франции в 1815 г. была впервые установлена послевоенная оккупация, имевшая целью не военное давление, а восстановление мира и порядка. Таким образом, по ее мнению, принятое тогда решение об оккупации представляло собой новую концепцию в общей теории ведения войны и новый способ завершить военные действия, установив окончательный мир (Haynes C. Op. cit. P. 3)

Следовательно, одна власть должна вступить в права и занять место другой. Эта новая власть – власть неприятельского государства, войска которого заняли область»⁶⁴.

Однако в Парижском договоре 1815 г. данный тезис, ставший к концу XIX в. общепринятым, не был реализован. Союзные державы, напротив, всячески подчеркивали, что «сие военное занятие не будет ни в чем противно правам державной власти Его Христианнейшего Величества и неприкосновенности владений его, признанных и утвержденных настоящим трактатом⁶⁵». И далее: «Гражданское управление, все касающееся до дел судебных, собирания податей и налогов всякого рода, предоставляется чиновникам Е. В. Короля Французского. То же самое разуметь должно и в рассуждении таможен⁶⁶». Таким образом, исключался переход верховной власти на занятой территории к командованию оккупационных войск или государям, которым эти войска подчинялись.

Фактически на оккупированной территории должны были сосуществовать две разные системы власти: первая, местная государственная, распространявшаяся на французских граждан, и вторая, управлявшая военными служащими. Для первой главным должностным лицом оставался французский король, а регулятором – законы Франции. Во главе второй стоял главнокомандующий оккупационными силами, английский военачальник Артур Уэлсли, герцог Веллингтон. Его власть, согласно мирному договору, распространялась только на подчиненных ему военным служащих, не затрагивая местное население. Ему же подчинялись командиры отдельных оккупационных корпусов.

На первый взгляд может показаться, что такие условия были оптимальны для всех, и ни одна сторона не должна была доставлять другой каких-либо неудобств. Однако так было бы только в том случае, если бы солдаты и местное население жили изолированно друг от друга. В реальной

⁶⁴ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право... Т. 2. С. 182.

⁶⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 297.

⁶⁶ Там же. С. 315.

же ситуации остался один весьма неопределенный сектор ответственности: не вполне ясно было, в чьей компетенции находится разрешение конфликтов между гражданскими лицами и военнослужащими. Предполагалось, что при совершении преступления в расследовании участвуют обе администрации: и военная, и местная, но военнослужащие наказываются в полках, а местные жители - государственной пенитенциарной системой Франции. Таким образом, власть командования оккупационной армии распространялась только на свои войска и не затрагивала местное население, государственное имущество или местную администрацию. А. Роже отмечает, что необходимость подобного разделения властей далеко не для всех была очевидна: герцог Веллингтон, например, настаивал на том, что преступления в его армии должны расследоваться по английским законам, а среди местных жителей – по французским, прусское же командование требовало, чтобы все противоправные действия судились согласно с прусским законодательством⁶⁷.

Согласно итоговой формулировке, требования, которые союзное командование могло предъявлять гражданским лицам, ограничивались поставками ресурсов для жизнеобеспечения войск, оговоренными в приложенной к союзному договору конвенции: поставки продуктов, фуража, дров, расселение по квартирам и пр. Однако оставались два юридических аспекта, которые могли интерпретироваться по-разному.

Во-первых, мирным договором предусматривалось, что оккупационная армия должна была охранять порядок во Франции, то есть вмешиваться во внутренние дела страны при возникновении опасного движения на подконтрольной иностранным военным территории. При этом четкое определение опасности, при которой солдаты имели право использовать оружие, отсутствовало. А. Дебидур пишет, что герцог Веллингтон получил от союзников однозначные инструкции относительно сдерживания любых революционных инициатив и даже право на прямое вмешательство при

⁶⁷ Roger A. Op. cit. P. 127.

необходимости. Получать информацию о «настроении умов и положении дел во Франции» он должен был от четырех послов великих держав, оставленных в Париже⁶⁸. А. С. Лыкошин в кратком очерке о присутствии русских войск во Франции, подготовленном для юбилейного издания «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина, также упоминает о том, что главы союзных держав уполномочили герцога Веллингтона в случае надобности принимать «необходимые меры для защиты французского короля от новых революционных смятений...» и даже «... оставить союзные войска в окрестностях Парижа, если бы он признал это необходимым для обеспечения спокойствия столицы»⁶⁹. В одном из выпусков «Сына Отечества» за 1816 г. давалась ссылка на ноту, поданную министрами четырех союзных держав герцогу Ришелье, где цель, поставленная перед оккупационной армией, формулировалась следующим образом: «Войска союзников остаются во Франции во-первых в пользу подданных союзных держав, а во-вторых и для подания Королю Французскому помощи против всякого революционного движения; но как на сей случай нельзя дать предварительных инструкций, то представляется благоразумию Герцога Веллингтона решить, в каком случае содействие союзных войск будет нужно; но он не смеет действовать без согласия Короля Французского, и должен донести о том немедленно Союзным Монархам»⁷⁰. В этом тексте упомянутое Лыкошиным разрешение ввести при необходимости войска в Париж не фигурирует, однако полномочия герцога Веллингтона действительно представляются очень широкими⁷¹.

⁶⁸ Дебидур А. Указ. соч. С. 61

⁶⁹ Отечественная война и русское общество: 1812-1912. / Под ред. А. К. Джигелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1912. Т. 6. С. 147

⁷⁰ Первое прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1816. № 1. С. 2.

⁷¹ Также в одном из номеров «Сына Отечества», словно в подтверждение ранее сказанного, была в 1816 г. опубликована заметка, начинавшаяся словами: «Теперь Французы видят, как благоразумно поступили Союзные Монархи, оставив во Франции сильную армию». Дальше следовало описание волнений в департаменте Изер (Isère) и некоторых частях Пикардии, за которыми от герцога последовали распоряжения всем войскам находиться в режиме готовности, а английской армии быть готовой при необходимости усилить его корпус во Франции (Второе прибавление к 20 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1816. № 41. С. 88).

Во-вторых, оставалось, по определению Ф. Ф. Мартенса, право оккупационных сил на «заботу о собственной безопасности»⁷². Фактически его применение было оставлено на усмотрение командующих национальными корпусами, которые, хотя формально и подчинялись Веллингтону, обладали на своей территории значительной властью, которую распространяли, в частности, и на местные административные органы.

В системе местного управления Франции после восстановления на престоле Бурбонов имелось немало проблем. Одна из них заключалась в том, что в ходе военных действий чиновники на местах даже в сравнении с обычными гражданами испытывали на себе огромное давление: им приходилось доставлять продовольствие и фураж по требованию военных, организовывать восстановление пострадавших от разбоев домов и заниматься множеством других неотложных вопросов⁷³. Поэтому нередко мэры городов и поселений бросали свои посты и сбегали. Оставшиеся же на местах представители административной системы империи не знали, что с ними дальше будет, и проявляли максимальную осторожность⁷⁴. После заключения мира бежавшие чиновники возвращались на свои места, им обещали максимально возможное содействие со стороны оккупационных сил. Части наполеоновских префектов пришлось уйти с постов, но часть осталась. Однако, по мнению А. Роже, осенью 1815 г. союзники на занятой территории еще чувствовали себя полновластными хозяевами и нередко вмешивались в административные вопросы, опираясь на военную силу. Они отказывались объявлять ордонансы короля и пускать его представителей, заставляли снимать белые кокарды и белые флаги⁷⁵. О том же писал и М. Брюше, отмечая, что прусские офицеры не желали ни с кем делиться властью на оккупированной территории⁷⁶. Вместе с тем уже летом 1815 г.

⁷² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право... Т. 2. С. 219

⁷³ Так, в августе 1815 г. супрефект Авена писал префекту департамента Нор о том, что он лучше позволит посадить себя в тюрьму, чем согласится обеспечивать прусских солдат в том объеме, которого они требуют (Письмо супрефекта округа Авен от 19 августа 1815 - ADN. F. 8 R. D. 12).

⁷⁴ Breuillard J. Les Russes envahisseurs... P. 70; Roger A. Op. cit. P. 79, Haynes C. Op. cit. P. 30.

⁷⁵ Roger A. Op. cit. P. 104.

⁷⁶ Bruchet M. Op. cit. P. 56.

необходимость скорейшего восстановления нормального функционирования местных властных структур была всем очевидна, так как близился сбор урожая, от которого зависело благополучие не только французов, но и солдат союзных армий, кормившихся на этой земле. Поэтому правительство активно занялось возвращением на прежние места крестьян и чиновников, сбежавших от разбоев.

Так же, как и административная власть, не передавалась в управление оккупационной армии и государственная собственность. На ряд ее объектов распространялось право ограниченного их использования оккупационными войсками: местные власти должны были предоставить здания для обустройства казарм (если это было возможно), госпиталей, складов для артиллерийских запасов и казенных обозов, дороги использовались для перемещения войск, а в ряде случаев солдаты реквизировали у местных жителей подводы. Особый статус имели пограничные крепости, которые «в виде залога» переходили под контроль оккупационной армии. Комендантами в них назначались офицеры союзных войск, а оружие и провиант должно было поставлять местное население⁷⁷. Частная же собственность не передавалась даже в пользование: солдаты не имели права ходить по полям, удить рыбу в частных прудах, охотиться в частных лесах.

Одним из наиболее сложных для обеих сторон оказался вопрос обеспечения солдат оккупационной армии продовольствием и фуражом. В работе А. Роже подробно описан длительный процесс переговоров об условиях содержания иностранных солдат во Франции, поэтому останавливаться на нем нет смысла. Отметим лишь, что были созданы два совещательных органа: реквизиционная комиссия при французском правительстве и единый административный орган коалиционных армий. Оба они создавались для совместного обеспечения условий содержания оккупационных войск после ухода основных сил союзников⁷⁸. В итоге два

⁷⁷ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 326.

⁷⁸ Roger A. Op. cit. P. 64.

эти органа так и не смогли найти между собой взаимопонимания, и ордонансом короля от 1 февраля 1816 г. французская комиссия была упразднена⁷⁹. Это, по мнению исследователя, стало частным проявлением того, что диалог между представителями держав-победителей и французской властью не складывался вообще ни по какому вопросу: союзники не проявляли уважения к французскому правительству и чаще принимали решения после обсуждения их в своем кругу, а не с французской стороной⁸⁰. Это касалось не только общих вопросов: некоторые командиры союзных подразделений не подчинялись запрету на самостоятельное проведение реквизиций и продолжали взывать необходимые им товары с местных жителей. По войскам даже пришлось распространить специальный циркуляр, предписывавший командирам частей на местах не вмешиваться в финансовые дела французской администрации, а именно – не назначать реквизиций, не требовать недоимок, не изымать государственную собственность⁸¹. В итоге единственным реальным результатом совместной работы стал сбор достаточно подробной информации об экономическом положении на местах, что было необходимо для определения городов, которые смогли бы содержать солдат.

Эти же сведения должны были помочь чиновникам на местах лучше узнать состояние подвластных им территорий, ведь согласно конвенции об условиях содержания оккупационной армии, основные контролирующие функции закреплялись именно за ними. Помимо обязанностей собирать средства для выплаты контрибуции и контролировать содержание военнослужащих, формально этим чиновникам предоставлялось право в частном порядке разрешать с учетом местных особенностей возможные противоречия с иностранными военнослужащими⁸². Это фактически

⁷⁹ Ibid. P. 68.

⁸⁰ Ibid. P. 62.

⁸¹ Ibid. P. 94.

⁸² Ibid. P. 183.

означало, что вопросы размещения и снабжения каждого конкретного формирования должны решаться на местах.

Командование российского корпуса будет прилагать огромные усилия, чтобы поддерживать максимально ровные отношения с местным населением на протяжении всего периода оккупации. Официальные документы корпуса: приказы командира и его переписка с различными французскими чиновниками – содержат многочисленные просьбы жителей изменить условия поставок дров или угля, свечей, мяса, вина и пр., обращения глав селений уменьшить количество солдат, назначенных для постоя. Подрядчики периодически менялись, когда удавалось договориться о более удобном режиме поставок или когда кто-либо из поставщиков утрачивал доверие. При этом М. С. Воронцов обращался к герцогу Веллингтону или кому-либо из французских министров крайне редко – только для решения наиболее сложных вопросов.

§ 2. Состав и структура оккупационного корпуса

Согласно Парижскому договору ноября 1815 г., российский корпус в количестве около 30 тыс. человек⁸³ входил в оккупационную армию под командованием герцога Веллингтон и составлял примерно 1/5 ее часть. В сентябре 1815 г. М. С. Воронцов получил письмо от Александра I, где император объяснял, что назначает его командиром оккупационного корпуса в знак того доверия, которое генерал заслужил своими военными талантами и непрестанной заботой о дисциплине во вверенных ему войсках⁸⁴. Вместе с тем, в корпусе оставался равный Воронцову по званию, но более старший по возрасту генерал-лейтенант И. И. Алексеев.

⁸³ К моменту вывода корпуса из пределов Франции в 1818 г. по штатному положению состояло «людей 30277, лошадей строевых 3446, артиллерийских 1235, подъемных и казачьих 4766, офицерских: верховых 897 и вьючных 966». См.: РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 164. Св. 13. Л. 16.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2095. Л. 2.

В чем же проявились таланты М. С. Воронцова, позволившие ему выделиться среди коллег? Начал он служить в чине поручика лейб-гвардии Преображенского полка, хотя по закону мог как камергер получить сразу звание генерал-майора. Чтобы проверить себя в настоящем деле, молодой офицер при протекции своего дяди А. Р. Воронцова отправился в 1803 г. волонтером в корпус П. Д. Цицианова, расположенный в Грузии. Первый раз отличился он, вынеся с поля боя раненого товарища, второй раз – командуя ротой и отбивая атаки лезгин. Правда, его дипломатическая миссия к царю Имеретии успеха не принесла. В дальнейшем он участвовал в стычках с персами под Эриванью и походе в Осетию. Прослужив таким образом почти два года в действующей армии на Кавказе, в мае 1805 г. М. С. Воронцов продолжил службу в звании капитана уже в столице. В том же году он участвовал в незавершенной экспедиции корпуса генерал-лейтенанта П. А. Толстого в Ганновер, в конце 1806 г., находясь в миссии при короле Пруссии, занимался организацией взаимодействия между русскими и прусскими войсками. Участвовал в битве под Пултуском, за что получил чин полковника. В 1807 г. командовал 1-м батальоном Преображенского полка в сражениях при Гутштадте и Хайльсберге. В ходе переговоров с Наполеоном в Тильзите находился со своим батальоном при Александре I. В 1809 г. в качестве командира Нарвского пехотного полка получил назначение в действующую армию генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона, сражавшуюся на Балканах с турками. За участие в штурме крепости Базарджик в 1810 г. получил звание генерал-майора. В кампанию 1811 г. воевал на Балканах под командованием М. И. Кутузова. Таким образом, М. С. Воронцов проявил себя как боевой офицер, получавший повышение по службе и награды за реальные боевые заслуги.

Войну 1812 г. молодой генерал начал во главе сводно-гренадерской дивизии, с которой участвовал в арьергардных боях при Мире, Романове, Салтановке. В Бородинском сражении, обороняя со своей дивизией Семеновские флеши, получил ранение. Но уже в октябре он вновь вернулся в

строй, приняв командование над авангардом 3-й армии П. В. Чичагова. В кампанию 1813 г. М. С. Воронцов возглавлял летучий отряд, находясь в подчинении у П. Х. Витгенштейна. В феврале 1813 г. получил звание генерал-лейтенанта. Отличившись в битве при Лейпциге в составе авангарда корпуса Ф. Ф. Винценгероде, М. С. Воронцов был награжден орденом Святого Александра Невского. В кампанию 1814 г. отряд М. С. Воронцова продолжал действовать в составе корпуса Ф. Ф. Винценгероде.

Четко следуя установкам союзного командования⁸⁵, М. С. Воронцов старался избегать эксцессов по отношению к местному населению. Позже он получит от жителей городов Ретель и Вузье золотые медали за спасение их от разорения⁸⁶. Славу М. С. Воронцову принесло участие в сражении при Краоне. В нем они с П. А. Строгановым возглавляли русские войска, которые устояли под атаками французов под командованием самого Наполеона и, нанеся противнику тяжелые потери, организованно отступили. После заключения 18 (30) мая 1814 г. мира с Францией М. С. Воронцов был назначен командующим 12-й дивизией, дислоцированной в Польше. На этом посту он составил «Некоторые правила для обхождения с нижними чинами», направленные на укрепление дисциплины вверенного ему личного состава. Во главе этой дивизии он принял участие в торжественном смотре при Вертю в августе 1815 г.⁸⁷

Таким образом, М. С. Воронцов являлся боевым генералом, блестяще проявившим свои военные таланты в целом ряде крупных военных кампаний начала XIX в. Не остались без высочайшего внимания и его непрерывные усилия по укреплению дисциплины во вверенных ему частях. Однако достаточно ли было этого, чтобы возглавлять российский контингент в составе оккупационной армии союзников?

⁸⁵ Рей М.-П. Царь в Париже. М., 2017. С. 16, 53-54; Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». С. 52- 71.

⁸⁶ Более подробно о военных заслугах М.С. Воронцова см. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи.

⁸⁷ Богданович М.И. Смотри при Вертю в августе 1815 года. Б.м., б.г. С. 233-234.

Российские биографы М. С. Воронцова сходятся во мнении о том, что Александр I, назначая его командующим корпусом, учитывал прежде всего личные достоинства молодого генерала: хорошее образование, многочисленные связи в военных и политических кругах разных стран, дипломатичность и сдержанность, заслуженное уважение среди солдат⁸⁸. К этому можно добавить, что одним из главных критериев при выборе командующего была его «цивилизованность» в европейском понимании того времени. Сын дипломата, М. С. Воронцов обладал прекрасным вкусом, умением вести беседу, свободно держаться в любом обществе, включая общество коронованных особ. Россию во Франции перед оккупационными и местными властями должен был представлять «европеизированный», но русский человек.

О. Ю. Захарова, ссылаясь на уже упомянутое письмо Александра I, отметила в качестве одной из причин выбора Воронцова то, что командующий корпусом «должен был иметь хорошие отношения и общие взгляды с главнокомандующим герцогом Веллингтоном»⁸⁹. Уточним, что Александр I действительно рекомендует в своем письме с уважением относиться к английскому полководцу, однако не упоминает о каких-либо уже существующих личных отношениях между Веллингтоном и Воронцовым.

Далее, развивая свой тезис, О. Ю. Захарова пишет, что «факты о дружеских отношениях между герцогом Веллингтоном и М. С. Воронцовым» содержатся в «неопубликованных материалах фонда Воронцовых РГАДА в Москве»⁹⁰. Однако вероятнее всего такие отношения, если и были дружескими, то возникли либо уже в ходе самой оккупации, либо после нее, и едва ли могли повлиять на назначение Воронцова. В сентябре 1815 г. царь

⁸⁸ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 81; Удовик В.А. Указ. соч. С. 96; Захарова О.Ю. М.С. Воронцов - командующий Русским оккупационным корпусом. С. 143.

⁸⁹ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815-1818 гг.). С. 143.

⁹⁰ Там же. С. 144.

мог рассчитывать лишь на потенциальную способность молодого графа наладить такие отношения с прославленным английским военачальником.

Впрочем, в ходе оккупации они действительно смогли найти общий язык. Так, например, после праздника, который герцог устраивал по окончании очередного военного смотра, один из приглашенных писал в своем рапорте, что именно к Воронцову Веллингтон отнесся с наибольшим вниманием⁹¹. В журнале «Сын Отечества» 1816 г. была напечатана небольшая заметка о том, как проходил октябрьский⁹² смотр оккупационной армии. В ходе маневров было реконструировано сражение при Денене 1712 г. (один из эпизодов Войны за испанское наследство). В ролях противостоявших тогда друг другу полководцев - маршала Виллара и принца Евгения Савойского – выступили соответственно Веллингтон и Воронцов⁹³. Н. И. Греч в своих воспоминаниях, излагая рассказанную ему очевидцем историю, произошедшую на приеме у герцога, отмечает доброе отношение того к Воронцову⁹⁴. Позднее Веллингтон станет посаженным отцом на свадьбе графа с Екатериной Ксаверьевной Браницкой⁹⁵. Вероятно, не последнюю роль в их отношениях играло и английское воспитание Воронцова, проведенное детство и юность с отцом в Лондоне.

Для отца М. С. Воронцова, Семена Романовича, выбор императора тоже оказался несколько неожиданным. В письме сыну он отметил, что государь оказал тому, лишь недавно получившему чин генерал-лейтенанта, своим назначением огромное доверие, поскольку более ожидаемо было бы увидеть во главе корпуса генерала от инфантерии⁹⁶.

Дальнейшие события показали, что Александр I не ошибся в своем выборе: М. С. Воронцов действительно проявил себя хорошим администратором, старательным в исполнении монаршей воли и

⁹¹ Письмо главного комиссара полиции в Камбре в управление полицией департамента Нор от 17 августа 1817 г. – АН. Ф. 7. 9901.

⁹² 29 сентября / 11 октября (Левитский Е. Указ. соч. С. 94).

⁹³ Первое прибавление к 45 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1816. № 90. С. 2.

⁹⁴ Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 244.

⁹⁵ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. С. 117.

⁹⁶ Архив князя Воронцова. Т. 17. С. 419.

требовательным к собственным подчиненным. Хотя и не всем современникам эти его качества нравились. Полковник В. И. Левенштерн, с которым Воронцов был знаком задолго до того, отмечал в своих записках зимой 1813 г.: «Граф Воронцов – человек безусловно почтенный; служить под его начальством приятно, но ему нельзя противоречить. Он с виду скромн и нетребователен. Но этому нельзя доверять; он любит, чтобы ему подчинялись беспрекословно, и не терпит противоречий. Тот, кто высказывает мнение, несогласное с его взглядами, делается ему неприятен. Как человек знатного происхождения, он не довольствуется ревностной службою подчиненных; он требует от них преданности»⁹⁷.

Говоря об отношении Воронцова к поставленной императором задаче, исследовательница М. В. Самойлова полагает следующее: «Командующий русским оккупационным корпусом за три года пребывания во Франции не изменил своей первоначальной точки зрения, что длительное нахождение в этой стране российских войск не нужно и бесполезно как для них самих, так и для блага французского государства. Кратко его позиция выражается словами (в письме Л. М. Логинову от 6/18 февраля 1817 г. – В. Б.): “на месте Государя я бы взял <...> корпус отселе и оставил бы немцев, французов и англичан как им угодно – впрочем Его воля святая”»⁹⁸. Схожие мысли можно встретить и в письме Воронцова своему другу, дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому в январе 1817 г.: «...в Париже идет большой толк об уменьшении здесь союзной армии. Не знаю, чем кончится, но ежели бы по моему, то лучше весь российский корпус отозвать назад»⁹⁹. Однако следует отметить, что оба письма были написаны уже по прошествии двух лет после начала оккупации. Сведений же о том, что именно такова была «первоначальная точка зрения» Воронцова в момент его назначения на этот пост, нет. Для человека с амбициями, каким по общему мнению

⁹⁷ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. СПб., 1902. Т. 111. С. 180.

⁹⁸ Самойлова М.В. Указ соч. С. 135.

⁹⁹ Сборник Императорского Русского Исторического общества. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1890. Т. 73. С. 487.

современников был молодой Воронцов, постановка столь важной задачи давала замечательную возможность проявить себя. Это подтверждают и те вопросы, которые он поставил перед командованием, узнав о своем назначении. В письме от 3 сентября 1815 г. М. Б. Барклай-де-Толли сообщал императору, что Воронцов хочет сразу определить широту своих полномочий и то, в какой степени он должен подчиняться фельдмаршалу Веллингтону, «как-то например коли захотят раздробить корпус его, отделяя части под начальство чужестранного генерала, или коли захотят отдать крепости, кои, как я полагаю, заняты будут нашими войсками, в другие руки»¹⁰⁰.

Начальником штаба корпуса стал генерал-майор Михаил Иванович Понсет¹⁰¹, занимавший эту же должность при Воронцове и до начала оккупации¹⁰². Сошлись их пути еще в конце 1812 г., когда граф получил под свое начало один из отрядов армии Чичагова, где Понсет к тому времени уже занимал квартирмейстерскую должность. Вместе воевали они в 1813 г. и в Германии, а снова встретились в январе 1814 г., когда излечившийся после ранения Понсет вернулся к войскам и присоединился к дивизии Воронцова, в составе которой принял участие в сражении при Краоне¹⁰³. Как и многие другие офицеры корпуса Воронцова, генерал Понсет к 1815 г. обладал внушительным послужным списком, имея также значительный опыт квартирмейстерской службы. Письмо Воронцова Понсету, написанное в декабре 1814 г., свидетельствует о теплоте и доверии в их отношениях¹⁰⁴. Вероятно, это сыграло свою роль в выборе Понсета на должность начальника штаба. Прямых указаний в сохранившихся документах на это нет, однако, как отмечали в своих письмах А. А. Закревский и И. В. Сабанеев, Воронцов

¹⁰⁰ Оккупационный корпус во Франции. Из собственноручного всеподд. письма Барклая-де-Толли от 3 сентября 1815 г. // Русская старина. СПб., 1900. Т. 104. С. 88.

¹⁰¹ Михайловский-Данилевский А.В. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб., 1848–1849. Т. 5. С. 267.

¹⁰² Записки генерала В.И. Левенштерна. С. 181.

¹⁰³ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996. Т. 7. С. 519–520; Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М., 2011. С. 236.

¹⁰⁴ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 351.

очень требовательно относился к подбору подчиненных¹⁰⁵, а потому вероятнее всего командира штаба себе он выбирал сам.

Состав штаба корпуса определен самыми первыми приказами Воронцова: обер-квартирмейстером¹⁰⁶ назначен полковник Шуберт, дежурным штаб-офицером¹⁰⁷ – полковник Ахшарумов, старшими адъютантами¹⁰⁸ – майор Попов, штабс-ротмистр Франк¹⁰⁹, капитан Казначеев и поручик Бутлеров, главным врачом¹¹⁰ – надворный советник Бутков, ранее являвшийся главным врачом 8-й дивизии, главным интендантом - чиновник 4-го класса Брем, обер-кригс-комиссаром – чиновник 8-го класса Агафонов, членом комиссариатского комиссионерства – чиновник 8-го класса Шутенков (он же назначен главным смотрителем магазина амуниции в Нанси), казначеем комиссариатского комиссионерства – чиновник 9-го класса Тарасов, оберъ-провиантмейстером¹¹¹ – чиновник 8-го класса Дубецкой, оберъ-гевальдигером¹¹² – поручик Осипов¹¹³.

После выхода основных сил из Франции, с Воронцовым оставались две пехотные дивизии (12-я и 9-я), одна драгунская (в некоторых источниках она фигурирует как 3-я, в некоторых – как сводная), пионерная рота капитана Рослякова, два донских казачьих полка (А. А. Ягодина и А. М. Гревцова) и два артиллерийских парка – 2-й и 4-й¹¹⁴. Все подразделения непосредственно перед оккупацией входили в состав действующей армии: 9-я и 12-я пехотные дивизии находились в авангарде генерала Ермолова, а 3-я драгунская – в 3 пехотном корпусе генерала Дохтурова¹¹⁵. Согласно первому полумесячному

¹⁰⁵ Там же. Т. 39. С. 406.

¹⁰⁶ Командующий вопросами размещения солдат по казармам и квартирам.

¹⁰⁷ Старший офицер, уполномоченный следить за делопроизводством штаба и отчетами об исполнении приказов командного состава.

¹⁰⁸ Чины для особых поручений.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 4.

¹¹⁰ Командир по медицинской части.

¹¹¹ Интендантские, провиантские и комиссионерские чины несли ответственность за продовольственное, непродовольственное, медицинское, денежное обеспечение солдат.

¹¹² Командующий военно-полицейским надзором.

¹¹³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 6.

¹¹⁴ Там же. Д. 539. Л. 4.

¹¹⁵ Отечественная война и русское общество... С. 132.

отчету, поданному Михаилом Семеновичем герцогу Веллингтону 15 декабря 1815 г., корпус насчитывал 36 334 человека при 11 425 лошадях¹¹⁶.

Включение в оккупационный корпус 12-ой пехотной дивизии было вполне логичным, так как М. С. Воронцов командовал ей с 1814 г.¹¹⁷ В период оккупации ее возглавлял генерал-лейтенант Григорий Иванович Лисаневич (1756-1832), участник штурма Очакова и Праги, сражений под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и Фридрихсфельдом, боевых действий на Дунае в 1809-1811 гг.¹¹⁸, с которым Воронцов знаком был как минимум с периода совместной службы под командованием Цицианова в Грузии¹¹⁹.

Как и в 1812 г. 12-я дивизия (позднее, в 1833 г., она будет переименована в 6-ю пехотную дивизию) состояла из трех бригад. Первая, под руководством генерал-майора Андрея Васильевича Богдановского¹²⁰, состояла из Смоленского (командиры: с 1812 по сентябрь 1815 гг. – подполковник А. А. Рененкампф, с сентября 1815 по 1817 гг. – полковник В. К. Тизенгаузен, а с 1817 г. – полковник Н. В. Арсеньев) и Нарвского пехотных полков (командиры: 1811-1815 гг. – А. В. Богдановский, с июня 1815 по январь 1816 гг. – полковник И. С. Букинский, с января 1816 по июль 1817 гг. – полковник П. М. Каменский, с октября 1817 г. – полковник В. А. Обручев)¹²¹. Вторая, находившаяся под командованием генерал-майора графа Александра Дмитриевича Гурьева – из Алексопольского (командир – подполковник, затем полковник И. С. Повало-Швейковский¹²²) и Новоингерманландского (командир – полковник И. Л. Жуков¹²³) полков. Третьей бригадой командовал генерал-майор Иван Дмитриевич Иванов 1-й. Она состояла из двух егерских полков: 6-го (командир – подполковник

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2105.

¹¹⁷ М.П. Щербинин указывал, что командиром 12-й пехотной дивизии Воронцов был назначен в мае 1814 г., когда после первого отречения Наполеона российская армия стала покидать пределы Франции См.: Щербинин М.П. Указ. соч. С. 160.

¹¹⁸ Захарова О.Ю. «Я князь коль мой сияет дух...». С. 143.

¹¹⁹ Щербинин М.П. Указ. соч. С. 12.

¹²⁰ Годунов В., Королев А. История 3-го Уланского Смоленского Императора Александра III полка. 1708-1908 г. Либава, 1908. С. 397.

¹²¹ Российский М.А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка. М., 1904.

¹²² Ловчинский И.В. Краткая история 31-го пехотного Алексопольского полка. Варшава, 1909.

¹²³ Пирожников А.И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913.

П. А. Божан) и 41-го (командир – полковник П. П. Лашкевич)¹²⁴. К ней же относилась 12-я полевая артиллерийская бригада, включавшая в себя 23-ю и 24-ю (командир – подполковник Синельников) легкие артиллерийские роты.

Эта же дивизия и размещалась ближе других к штабу корпуса: Смоленский и Нарвский пехотные полки располагались в Мобёже (Maubeuge) и его округе, части Алексопольского полка – между Авенном (Avesnes-sur-Helpe) и Ландреси (Landrecies), где располагался штаб полка¹²⁵. Новоингерманландский полк сначала стоял в городе Люневиль (Lunéville), а в декабре 1815 г. передвинулся в Солем (Solesmes)¹²⁶. Район Ле Като-Камбрэзи (Le Cateau-Cambrésis) занимали 6-й и 41-й егерские полки¹²⁷.

9-я пехотная дивизия с 1812 г. подчинялась генерал-лейтенанту Евстафию Евстафьевичу Удому 2-му (1760-1831), участнику русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и боевых действий на Дунае в 1811 г.¹²⁸ Она также состояла из трех бригад. Первая, под командованием с 1815 по 1817 гг. генерал-майора Михаила Федоровича Ахлестышева 1-го включала в себя Нашебургский (командир – полковник П. А. Жохов 2-й) и Апшеронский (командир – полковник граф И. И. Полиньяк) полки. Вторая состояла сначала под руководством генерал-майора Алексея Ивановича Юшкова, затем с 1814 по 1817 гг. генерал-майора Константина Марковича Полторацкого 1-го, а с 1817 г. – генерал-майора Михаила Федоровича Ахлестышева 1-го. В ее состав входили: Ряжский (командир – полковник Я. А. Медынец, а с сентября 1816 г. – подполковник Листовский) и Якутский полки (командир – подполковник, затем полковник П. А. Угрюмов 2-й¹²⁹). Третью бригаду возглавлял генерал-майор К. К. Панцербитер, в нее входили: 10-й (с декабря 1815 г. командир – подполковник В. П. Щербов 1-й) и 38-й (командир – подполковник А. М. Тихоцкий 1-й) егерские полки. В дивизию входили

¹²⁴ Шенк В.К. Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1909.

¹²⁵ AN. F. 7. D. 9901; Lannoy M L'armée russe en France 1814-1819. P. 117.

¹²⁶ Пирожников А.И. Указ. соч. С.185, 186; Lannoy M. L'armée russe en France 1814-1819. P. 117.

¹²⁷ Lannoy M. L'armée russe en France 1814-1819. P. 118.

¹²⁸ Захарова О.Ю. «Я князь коль мой сияет дух...». С. 143.

¹²⁹ Материалы для составления полковой истории 42-го Якутского полка. Кременец, 1895.

также легкие артиллерийские роты – 17-я (командир – подполковник Лавров) и 18-я (командир – подполковник Пустошкин).

Штаб 9-й дивизии, как и 12-й, располагался в Мобёже. Размещение Апшеронского полка достаточно подробно описал в своей книге Л. Богуславский: зимой 1815–1816 гг. полк квартировал в городе Авене, где находился его штаб, и в окрестных деревнях: Марбе, Картины, Марузли, Домпиер, Прише и Авенеле¹³⁰. Нашебургский полк, по словам французской исследовательницы М. Лануа, располагался в Сольре-ле-Шато (Solre-le-Château), Ряжский полк – в Нувьоне¹³¹, а Якутский полк – в Ирсоне (Hirson)¹³².

3-я (сводная) драгунская дивизия во время первого вступления союзников в Париж входила в состав корпуса барона Сакена. Командовал ею генерал-майор Семён Давыдович Панчулидзе 2-й, но летом 1815 г. он по состоянию здоровья ушел в отставку, и командиром дивизии стал генерал-лейтенант Илья Иванович Алексеев (1773–1830) – участник штурма Измаила, русско-шведских войн 1788-1790 гг., 1808-1809 гг. и кампании 1807 г. В 1812 г. он командовал кавалерийской бригадой в корпусе Витгенштейна¹³³. В апреле 1815 г. 3-я драгунская дивизия покинула пределы Польши и двинулась во Францию, присоединившись во время перехода через Германию к корпусу М. С. Воронцова, стоявшему в то время у крепости Люценштейн¹³⁴.

Согласно регламенту, драгунская дивизия состояла из двух бригад: первая, которой командовал генерал-майор Балабин, состояла из Смоленского драгунского (командир – полковник А. В. Деконский) и Тверского (командир – полковник А. А. Набель) полков, вторая (командир – генерал-майор Каблуков) – из Кинбурнского (командир – полковник

¹³⁰ Богуславский Л. История Апшеронского полка: 1700-1892. СПб., 1892. Т. 1. С. 344.

¹³¹ Здесь автор, вероятнее всего, путает город Нувьон (Nouvion), расположенный намного западнее зоны оккупации, с городом Новьон-Порсьен (Novion-Porcien).

¹³² Lanno M. L'armée russe en France 1814-1819. P. 117.

¹³³ Захарова О.Ю. «Я князь коль мой сияет дух...» С. 143.

¹³⁴ Подушкин Н.А. Прошлое Кинбурнских драгун (1788-1796, 1798-1898). Ковель, 1898. С. 66.

С. И. Лесовский) и Курляндского (командир – полковник граф В. В. Гудович) полков. В эту же дивизию входила и 25-я конная артиллерийская рота (командир – капитан Фальксиберг), которая в сентябре 1816 г., согласно приказу императора о смене номеров конно-артиллерийских рот при кавалерийских дивизиях, стала 19-й¹³⁵.

Драгунская дивизия размещалась дальше всех от штаба корпуса: основная часть полков была расквартирована в округе Вузье (Vouziers), на юго-востоке от Мобёжа. Смоленский драгунский полк в декабре 1815 г. переместился на новые квартиры в округе Ретель (Rehethel). Штаб полка размещался в селении Шато-Порсьен (Château-Porcien)¹³⁶.

Два донских полка – Алексея Антоновича Ягодина 2-го (командир – есаул Д. М. Киселев) и войскового старшины Амвросия Матвеевича Гревцова 3-го – сначала подчинялись напрямую генерал-лейтенанту Алексееву, а в марте 1816 г. были переподчинены прибывшему в корпус генерал-майору Нарышкину, назначенному командиром казачьей бригады. Тот, в свою очередь, подчинялся Алексееву. В декабре 1817 г. есаулу Киселеву было отказано от командования донским казачьим полком генерал-майора Ягодина из-за многочисленных замечаний по службе¹³⁷. Оба полка размещались в Брикете (La Briquette, ныне часть коммуны Вузье) и окрестностях.

Из всего командного состава положение командиров полков на протяжении всего периода оккупации оставалось наиболее трудным. На них Воронцов возлагал основную ответственность за любые нарушения подчиненными устава или распорядка, поэтому они чаще остальных подвергались жесткой критике. Поэтому же некоторые из них в этот период были заменены на своих постах преемниками. Так, например, произошло с командирами Нарвского пехотного полка, которые за 1815–1817 гг.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 139.

¹³⁶ Годунов В., Королев А.С. Указ. соч. С. 162.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 60.

сменились дважды¹³⁸. Из них не вполне однозначной была история с П. М. Каменским, который стал командиром Нарвского полка в январе 1816 г. и о котором в июне того же года в одном из своих приказов М. С. Воронцов отзывался весьма положительно¹³⁹. Однако летом 1817 г. Каменский был отставлен от командования полком и заменен полковником В. А. Обручевым 2-м¹⁴⁰. Высказывалось мнение, что причиной тому была дурная слава брата Каменского. В одном из писем А. А. Закревский, очевидно, продолжая начатый прежде диалог, упоминает об известных своей жестокостью «брате и отце», вероятно, имея ввиду Сергея Михайловича и Михаила Федотовича, и настаивает на том, что того же нельзя сказать о Николае Михайловиче Каменском, к тому времени уже умершем¹⁴¹. Однако больше никто из братьев в этом письме не упоминается, а потому об истинных мотивах такого обсуждения остается только догадываться.

Как бы то ни было, Каменского Воронцов от командования полком все же освободил, причем, судя по письму того же Закревского, не доложив об этом императорскому штабу: «Мудрено вас переубедить, – пишет Закревский, – что вы странно сделали на счет Каменского сдачею полка на законном основании, не донеся Государю; ибо таковые сделки, как вы пишете, партикулярные, в армии нашей доселе не существовали, да и полезны быть не могут»¹⁴². В одном из последующих писем Закревский сообщит, что Каменский и сам выразил желание сложить с себя командование Нарвским полком¹⁴³. Его преемник Обручев 2-й оставался командиром этого полка до самого конца оккупации.

В Смоленском пехотном полку также произошла смена командира. 24 января 1816 г. эту должность занял полковник В. К. Тизенгаузен¹⁴⁴. Однако

¹³⁸ Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796-1825). Справочное пособие. М., 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo/shefcom_n.html#Narvski_mush_p (дата обращения: 24.02.2019).

¹³⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 100.

¹⁴⁰ Российский М.А. Указ. соч. С. 401; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 44.

¹⁴¹ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 286.

¹⁴² Там же. С. 297.

¹⁴³ Там же. С. 305.

¹⁴⁴ Подмазо А.А. Указ. соч.

уже в конце 1816 г. он получил выговор от Воронцова, а в начале 1817 г. был заменен лейб-гвардии Преображенского полка Арсеньевым, получив увольнение со службы с правом ношения мундира¹⁴⁵. Это решение Воронцов и Закревский также обсуждали в переписке, и последний поддержал решение Воронцова: «Видно, не один ваш Тизенгаузен молодец; у меня его брат, командующий фельдъегерями корпуса, зазнался и стал умничать разными гнусностями и наущничеством графу Аракчееву, что меня вынудило просить о сем Государя, и велено от меня удалить»¹⁴⁶.

Таким образом за три года оккупации Воронцов сменил целый ряд командиров полков. Далеко не всегда о причинах таких замен сообщалось в приказах по полку. Так, в них не было и упоминаний о каких-либо выговорах Полторацкому и Каблукову. Однако в марте 1817 г. А. А. Закревский писал Воронцову: «Последнее ваше письмо... с князем Лобановым получил. Он мне объявил, что вы желаете удалить Полторацкого и Каблукова из корпуса; теперь представится вам случай...»¹⁴⁷ Более того, в следующем письме Закревский упоминал об «отправлении генералов согласно с их желаниями»¹⁴⁸, из чего можно сделать вывод, что проблема, очевидно, состояла в не сложившихся отношениях Воронцова с этими командирами полков. В итоге Полторацкий действительно покинул корпус, а Каблуков остался до конца оккупации.

В начале 1817 г. пошли слухи о возможном сокращении оккупационного контингента. 1 февраля А. А. Закревский написал Воронцову, очевидно, в ответ на высказанные тем пожелания: «На счет уменьшения наших войск по Франции Государь никак не согласится»¹⁴⁹. Но уже через две недели Закревский прислал новое письмо: «На счет уменьшения у вас войск Государь хочет взять бригаду 9-й пехотной дивизии; но я буду стараться, чтобы исполнить ваше желание – взять на место пехоты

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 15.

¹⁴⁶ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 289.

¹⁴⁷ Там же. С. 293.

¹⁴⁸ Там же. С. 299.

¹⁴⁹ Там же. С. 291.

бригаду кавалерии»¹⁵⁰. В апреле 1817 г. командованием корпуса было получено высочайшее повеление о возвращении на родину Курляндского полка, который 20 апреля отправился в Россию. После его ухода Тверской и Кинбурнский полки составили бригаду генерал-майора Каблукова со штаб-квартирой в Вузье, а Смоленский драгунский полк и 19-я конно-артиллерийская рота – бригаду генерал-майора Деконского со штаб-квартирой в Ретеле (его назначение в итоге не было утверждено императорским штабом¹⁵¹)¹⁵².

В середине мая 1817 г. было получено еще одно распоряжение – отправить в Россию два полка 9-й пехотной дивизии – Апшеронский и 38-й егерский. Первый из них отозвали на родину из-за подозрений в том, что он «офранцузился» под влиянием полкового командира графа Полиньяка, француза по происхождению. Причем подозрение это, судя по письму Закревского, высказал сам Воронцов, пожелавший отправить полк в Россию. Однако Полиньяка тем не менее предлагалось оставить в составе корпуса, что вызвало удивление Закревского: «Видно, он из первейших в ложе вашей Масонов?»¹⁵³ Немного позже Закревский даже предложил поставить Полиньяка во главе Нарвского полка¹⁵⁴, однако в итоге сообщил в одном из последующих писем: «Полиньяку велено состоять по армии и находиться при вашем корпусе с тем, чтобы вы ему не давали никакой команды»¹⁵⁵. На просьбу Воронцова произвести Полиньяка в генерал-майоры был получен отказ. Более того, Закревский заверил: «...Теперь ему (Полиньяку – В.Б.) верно никогда не быть в Российской службе генералом»¹⁵⁶.

Назначенные к отправлению домой полки под командой генерал-майора Полторацкого, вместе с сопровождавшей их командой неспособных к службе и дезертиров (600 человек), двинулись 5 июня к морю побатальонно

¹⁵⁰ Там же. С. 292.

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 44.

¹⁵² Там же. Л. 29.

¹⁵³ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 299.

¹⁵⁴ Там же. С. 305.

¹⁵⁵ Там же. С. 311.

¹⁵⁶ Там же. С. 312.

и, пройдя через район, занятый английскими войсками, прибыли между 16 и 19 июня к Дюнкерку, где расположились по деревьям и некоторое время ожидали прибытия присланной за ними из Балтийского моря русской эскадры вице-адмирала Кроуна. 21 июня полки погрузились на суда и в первых числах июля прибыли в Ораниенбаум¹⁵⁷. Остававшиеся во Франции полки 9-й дивизии перераспределились следующим образом: Рязский и Якутский полки вместе с 17-й артиллерийской батареей ротой и 17-я легкая артиллерийская рота вошли в бригаду генерал-майора Ахлестышева, а Нашебургский и 10-й егерский полк вместе с 18-й легкой артиллерийской ротой составили бригаду генерал-майора Иванова¹⁵⁸.

Михаил Бестужев, будущий декабрист, а в 1817 г. еще молодой моряк, вместе с братьями служивший на корабле «Не тронь меня», участвовал в эвакуации этой части оккупационных войск¹⁵⁹ и в своих воспоминаниях заметил, что офицеры корпуса подверглись сильному влиянию французских нравов. По его мнению, именно это стало причиной расформирования корпуса по возвращении в Россию¹⁶⁰. Действительно, после окончания оккупации участвовавшие в ней полки были рассредоточены по разным регионам. 41-й егерский и Апшеронский отправились на Кавказ к генералу А. П. Ермолову¹⁶¹. В ноябре 1818 г. Воронцов написал барону Сакену, главнокомандующему 1-й армией, что, по его сведениям, 12-я пехотная дивизия по вступлении в границы Царства Польского должна двинуться по направлению к 1-й армии в Черниговскую губернию, 9-я пехотная – во 2-ю армию в Таврическую губернию, драгунские полки - по своим дивизиям, а казаки - на Дон¹⁶².

Если верить слухам, периодически попадавшими на страницы «Сына Отечества», вопрос о сокращении оккупационной армии был вновь поднят в

¹⁵⁷ Отечественная война и русское общество... С. 153.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 35.

¹⁵⁹ Барановская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. С. 53.

¹⁶⁰ Воспоминания Бестужевых / Под ред. Азадовского М.К. Москва, Ленинград, 1951. С. 240.

¹⁶¹ Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: дис... к.и.н. Ставрополь, 2005. С. 40.

¹⁶² РГВИА. Ф. 37. Оп. 1\191. Д. 164. Св. 13. Л. 14.

конце 1817 г.¹⁶³ Подтверждений тому в документах М. С. Воронцова не встречается, но, возможно, его мнения, как и в предыдущий раз, особо не спрашивали. Тем не менее, второго сокращения корпуса не было.

Таким образом, командный состав корпуса во многом определялся личными предпочтениями М. С. Воронцова: отчасти он сам выбирал офицеров по своему усмотрению, а 12-й пехотной дивизией ранее командовал лично. Безусловно, это должно было способствовать лучшему взаимопониманию между командованием и личным составом. Тем не менее, как показали дальнейшие события, командиры полков нередко попадали и в немилость у Воронцова по тем или иным причинам. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что не все из них успешно адаптировались к необычным обстоятельствам, с другой – о том, что Воронцов внимательно следил за обстановкой в корпусе, ни секунды не ослабляя контроль и не мешкая отстранять от должности даже высших офицеров, если они, по его мнению, не справлялись с поставленными задачами.

§ 3. Материальные условия размещения корпуса

Территориально зона союзной оккупации располагалась вдоль северной и северо-восточной границ Франции, включая в себя крепости Конде (Condé), Валансьен (Valenciennes), Бушен (Bouchain), Камбре (Cambrai), Ле-Кенуа (le Quesnoy), Мобеж (Maubeuge), Ландреси (Landrecies), Авен (Avesnes sur-Helpe), Рокруа (Rocroy), Живе (Givet) с Шарлемоном (Charlemont), Мезьер (Mézières), Седан (Sedan), Монмеди (Montmédy), Тионвиль (Thionville), Лонгви (Longwy), Бич (Bitche) и мостовое укрепление в Фор-Луи (Fort-Louis)¹⁶⁴.

¹⁶³ Второе прибавление к 35 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1817. № 70. С. 1.

¹⁶⁴ Мартенс Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 297.

Оккупируемая территория делилась между четырьмя крупными контингентами: русским, австрийским¹⁶⁵, английским и прусским¹⁶⁶, которые насчитывали примерно по 30 тыс. человек каждый. К ним присоединились менее многочисленные баварцы – 10 тыс., датчане, саксонцы, вюртембержцы и ганноверцы – по 5 тыс. человек. Главная штаб-квартира располагалась в Камбрэ (Cambrai)¹⁶⁷. Изначально зоной дислокации российского корпуса должны были стать департаменты Мёрт и Мозель, Мец, Марна и Верхняя Марна, а местом размещения штаб-квартиры - город Нанси¹⁶⁸. Однако затем решено было передислоцировать корпус севернее. В итоге русские войска частично заняли три департамента: Нор (округа Валансьен, Камбрэ, Авен), Эна (округ Вервен) и Арденны (округа Шарлевиль-Мезьер, Ретель и Вузье)¹⁶⁹. 25 ноября 1815 г. герцог Веллингтон подписал соответствующее распоряжение¹⁷⁰, а 7 декабря корпус двинулся на отведенные ему квартиры¹⁷¹.

В журнале «Сын Отечества» в 1816 г. появилась заметка, где констатировалось, что оккупационные силы успешно заняли отведенные им территории. Здесь же обозначалась территория расположения русского корпуса: «Левое их [русских войск – В.Б.] крыло упирается в Шарлемонт, а правое в Мобеж. Центр, более всего выдавшийся вперед, простирается до

¹⁶⁵ Командир – Иоганн Мария Филипп Фримон, штаб-квартира располагалась в Кольмаре.

¹⁶⁶ Командир – Ганс Эрнст Карл фон Цитен, штаб-квартира располагалась в Седане.

¹⁶⁷ Bruchet M. Op. cit. P. 30.

¹⁶⁸ А. Роже в своем исследовании очертил границы территорий, занимаемых союзниками летом-осенью 1815 г. По приведенной им информации, в этот период русские войска располагались в департаментах Сена и Марна, Марна, Эн, Об, Верхняя Марна, Мёрт, Мёз, Мозель и Вогезы (Roger A. Op. cit. P. 54). Следовательно, фактически все время своего присутствия во Франции русские войска размещались на одной и той же территории.

¹⁶⁹ Ж. Брейяр в своей статье пытался очертить примерную карту расположения русских войск, опираясь на статистические данные префектур Лилля, Лана и Шарлевиля. По полученным им данным северная граница оккупированной зоны проходила недалеко от города Сен-Сольв в окрестностях Валансьена, затем проходила к югу, охватывала города Солем и Ле-Като. Округ Авена был полностью оккупирован. Дальше граница проходила по северной части округа Вервена, охватывая город Ирсон. В департаменте Арденн были заняты полностью три округа Рокруа, Ретеля и Вузье. «Таким образом, русская зона раскинулась вдоль “бельгийской” границы на территории длиной в 120 км, средней шириной в 40 (от 20 до 60) км» (Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобёже. С. 130). Таким образом, очерченная им карта полностью совпадает с той, что вырисовывается на основе российских источников.

¹⁷⁰ Удовик В.А. Указ. соч. С. 97.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 29.

Лаона»¹⁷². Последнее утверждение не вполне точно, так как, согласно официальным источникам, расположение корпуса не простиралось далее Ретеля.

После передислокации к северу штаб-квартира корпуса разместились в городе Мобеж, а из крепостей российскими частями в декабре 1815 г. были, помимо самого Мобежа, заняты Авен, Ландреси, Рокруа, Живе и Шарлемон¹⁷³. Как отмечал А. С. Лыкошин, почти весь этот регион до прибытия сюда русского корпуса был занят прусскими войсками¹⁷⁴, «которые его совершенно разорили». Перечисленные крепости были полностью опустошены: пруссаки вывезли из них всю артиллерию и военные припасы¹⁷⁵. В декабре 1815 г. М. С. Воронцов писал отцу: «У нас для занятия пять крепостей. Из них, я полагаю, только Шарлемон в его сегодняшнем состоянии может называться крепостью. Остальные до этого были заняты Пруссаками, которые вывезли оттуда всю артиллерию и разрушили все, что не смогли вывезти»¹⁷⁶. С января 1816 г. комендантские посты были назначены также в Бавак, Лакапель (La Capelle), Ирсон, Бельвю (Bellevue), Мобер-Фонтен (Maubert-Fontaine), Фюме (Fumay), Вире (Vireux-Molhain), Обиньи (Aubigny-les-Pothées), Гран-Шан (Grandchamp) и Ретель.

Плотность размещения определялась командованием корпуса по согласованию с местными властями. Например, согласно отчету, полученному министром полиции в марте 1817 г., гарнизон Ландреси насчитывал 360 солдат Алексопольского полка, остальные 2200 человек были расселены в окрестностях¹⁷⁷. В то же время в Мобеже, согласно этому же докладу, располагались пять «главных офицеров» (очевидно, имелось в виду командование корпуса), большое количество старших офицеров,

¹⁷² Второе прибавление к 5 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1816. № 12. С. 3.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 26.

¹⁷⁴ В частности район Мобёжа на протяжении 6 месяцев был занят прусскими войсками (См. Lannoy M. 1815–1818 – L'occupation russe à Valenciennes et Maubeuge).

¹⁷⁵ Отечественная война и русское общество... С. 148.

¹⁷⁶ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 490.

¹⁷⁷ Письмо чиновника администрации города Ландреси в полицейское управление г. Камбрэ от 30 марта 1817 - АФ. Ф. 7. 9902.

командование Смоленского и Нарвского полков. Каждый из этих двух полков насчитывал примерно по 2200 человек. Из них 2700 человек составляли гарнизон крепости, остальные были расселены по окрестностям¹⁷⁸. В мартовском номере газеты *Le Narrateur de la Meuse* приводились сведения о том, что в округе Вузье расположились 3000 русских солдат¹⁷⁹. Авторы работы по истории Смоленского драгунского полка, который стоял тогда в округе Ретель, привели следующие сведения, к сожалению, не указывая своих источников: «Во Франции полк стоял на самых широких квартирах, частью в городах в казармах, частью по деревням на квартирах обывателей. На каждую деревню полагалось не более одного взвода, т. е. 36–40 человек»¹⁸⁰.

Комендантские пункты служили связующим звеном между остальными частями: сюда постоянно прибывали почтовые курьеры, этапы с арестованными и все остальные чины, командированные с различными задачами¹⁸¹. Кроме того, на некоторых пунктах, а именно: в Мобеже, Живе, Шарлемоне, Авене и Ретеле содержались арестанты¹⁸². Этапный комендант контролировал обеспечение продовольствием всех проходящих мимо команд, арестантов и посыльных¹⁸³, а поскольку количество находившихся на этапе солдат постоянно менялось, это не всегда позволяло заранее определить количество провианта, который мог потребоваться в определенный период. Поэтому этапные коменданты имели право пополнять свои запасы в соответствии с ситуацией и в случае срочной необходимости брать продукты у населения. После этого жители должны были получать компенсацию в натуральной форме от подрядчика или магазина¹⁸⁴. Полное продовольственное обеспечение как для себя, так и для лошадей здесь могли получить все нижние чины. Офицеры же в силу того, что получали

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ *Le Narrateur de la Meuse*. 1816. № 895. 13 mars. P. 142.

¹⁸⁰ Годунов В. Королев А. Указ. соч. С. 162.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 14.

¹⁸³ Там же. Д. 540. Л. 18.

¹⁸⁴ Там же.

содержание деньгами, не могли во время командирования требовать себе на этапах продовольствие: комендант должен был кормить только «людей их и лошадей»¹⁸⁵. Сами же этапные коменданты получали увеличенные рационы и дополнительно по тысяче франков в год, чтобы компенсировать, кроме прочего, расходы на письменные принадлежности¹⁸⁶.

В ряде населенных пунктов местная администрация была обязана организовать военные госпитали. Под них предусматривалось выделение общественных зданий: в Ретеле и Вузье на 100 человек, а в Живе, Рокруа, Авене, Мобеже, Ландреси и Лекато на 200 человек. Содержание лазарета предполагало поставки для больных определенного количества провизии, бытовых принадлежностей, таких как постельное белье, умывальники и пр. Аптека при госпитале в обязательном порядке укомплектовывалась лекарственными препаратами на месяц вперед. По возможности рядом с госпиталем следовало иметь баню, а перед входом в больничный покой обязательно устроить помещение, где новые пациенты могли бы помыться, прежде чем пройти к остальным больным¹⁸⁷. Палаты предполагали раздельное размещение рядовых и офицеров¹⁸⁸. Работа в госпитале осуществлялась совместно обеими сторонами: на российских медиков возлагались основные врачебные функции, в то время как французская администрация отвечала за все хозяйственное обеспечение, поставки всего необходимого в аптеку и обслуживание больных с расчетом один служащий на двадцать больных.

Для основной массы солдат, размещенных в городах и селениях, в качестве обязательного обеспечения требовались жилище и питание. Командование корпуса изначально стремилось разместить максимальное количество рядовых в казармах, соглашаясь ставить их на постой в дома только там, где не было никакой возможности возвести новую или выделить

¹⁸⁵ Там же. Л. 26 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 31.

¹⁸⁷ Там же. Л. 39–40 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 39.

уже существующую постройку под казарму. Согласно отчету, который граф Воронцов составил для императора по итогам всего периода оккупации, в казармах проживало почти 2/3 личного состава корпуса¹⁸⁹. Нельзя сказать, что до этого казармы не использовались совсем: практически во время всего пребывания во Франции русское командование старалось по возможности размещать солдат в незанятых постройках¹⁹⁰. Однако именно в условиях послевоенной оккупации, предполагавших длительное проживание солдат на одной и той же территории, появилась возможность вывести из домов местных жителей максимальное количество солдат и расселить их небольшими группами по незанятым постройкам, которые либо уже предназначались для общественных целей, либо должны были сооружаться специально.

Содержание казарм по понятным причинам для населения было меньшим бременем, чем постой в домах, так как в казармах солдаты обслуживали себя сами: сами себе готовили и поддерживали порядок. Однако казармы еще нужно было устроить. И, хотя требования к предназначенным для этой цели зданиям не были слишком высокими, тем не менее помещения должны были подходить для немудреного солдатского быта. А поскольку российский император приказал минимизировать конфликты с населением, то споры между командирами подразделений и местными чиновниками о том, можно ли солдатам жить в предоставленных условиях, порой длились достаточно долго.

Для ускорения организации казарм командирам подразделений было приказано не слишком привередничать¹⁹¹. Например, при нехватке кроватей следовало соглашаться на широкие кровати, на которых солдаты могли спать по двое, но при условии, что к таковой будут прилагаться три простыни и два

¹⁸⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 164. Св. 13. Л. 177.

¹⁹⁰ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 22.

¹⁹¹ При этом в январе 1817 г. Воронцовым было подписано очень подробное «Положение о казармах офицерских и солдатских», где было расписано все, что обязательно в казарме должно быть (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2130).

одеяла¹⁹². Единственная обязанность, которая в данной связи возлагалась на жителей – стирка солдатского белья, но зимой это происходило раз в месяц, а летом – раз в двадцать дней. В остальное время солдаты должны были стирать самостоятельно¹⁹³. Пищу солдаты тоже готовили себе сами. Неудивительно, что при таких условиях некоторые подразделения не спешили занимать казармы, предпочитая оставаться на постое¹⁹⁴. За это командиры нередко получали выговоры.

Само по себе описание условий жизни солдат корпуса Воронцова дает гораздо меньше, чем их сравнение с теми условиями, в которых примерно в то же время жил Кавказский корпус, также размещенный за пределами собственно российской территории. По свидетельству генерала А. П. Ермолова, там солдаты в основном жили в землянках, где активно распространялись болезни, а редкие казармы, «сырые, тесные и грозящие падением», скорее подходили для содержания арестантов¹⁹⁵. Во Франции солдаты тоже нередко жаловались на неудовлетворительное состояние казарм, однако в целом корпус Воронцова жил в гораздо более комфортных условиях.

Рядовые французы в подавляющем своем большинстве не имели отношения к продовольственным поставкам: как правило, командование заключало договоры с конкретными подрядчиками, что облегчало контроль как за качеством продуктов, так и за отчетными документами. Поставщики, в свою очередь, заключали договоры с французским правительством, которое должно было компенсировать им затраты. Это же касалось и фуража. Продовольствие для рядового состава рассчитывалось по тарифу, а поставляться должно было в натуральном виде. Для фиксации поставок использовались квитанции определенного образца, выполнявшие функцию талонов на питание: с периодичностью, предусмотренной частным

¹⁹² Там же. Д. 540. Л. 16.

¹⁹³ Там же. Л. 36 об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 36, 105 об.

¹⁹⁵ См.: Нечитайлов М.В. Указ. соч. С. 39.

договором, от подразделения для получения продуктов направлялся человек, чьи полномочия подтверждались аттестатом. Забирая продовольствие, он отдавал французской стороне квитанции на русском и французском языке. Раз или два в месяц команды должны были отчитаться ведомостями о получении продовольствия перед штабом корпуса.

Первый тариф для оккупационной армии был объявлен по корпусу 23 декабря 1815 г. До этого довольствие поставлялось по нормам, прописанным для находящихся здесь главных армий¹⁹⁶. Таким образом, в среднем «солдаты во Франции получали: каждый ежедневно – 2 фунта хлеба из смешанной пшеничной и ржаной муки (3 к 1), 1/4 фунта круп, 1/2 фунта свежей без костей говядины, 1/10 литра водки, 1/20 фунта соли, свет и дрова»¹⁹⁷. В качестве замены крупы по договору командира полка с подрядчиком можно было принимать горох, бобы или чечевицу (1/2 фунта). Свежие же овощи разрешалось «принимать только в самых необходимых случаях» по 1,5 фунта на порцион¹⁹⁸. Мясная порция не должна была включать в себя голов, ног и внутренностей. По взаимному согласию также можно было принять живой скот, который потом забивался на полковой бойне¹⁹⁹. В период поста от местных жителей получали вместо мяса либо рыбу, либо живой скот, который потом можно было продать²⁰⁰, а по случаю праздника нижним чинам могли выдать двойную порцию мяса и вина²⁰¹. То есть продовольственное содержание солдат в целом соответствовало тому тарифу, который был подготовлен генерал-интендантом Канкриным для периода заграничного похода²⁰². Как отметили Ж. Антрэ и К. Хейнс, согласно прописанному тарифу, содержание даже рядовых было лучше, чем ежедневный рацион обычного француза: хлеб потреблялся в одинаковом

¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 43.

¹⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. С. 342; Пирожников А. Указ. соч. С. 185.

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 70.

¹⁹⁹ Там же. Л. 70 об.; Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 162.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 43.

²⁰¹ Там же. Л. 134.

²⁰² Отечественная война и русское общество... С. 140.

количестве, а вот мяса солдаты получали почти на 50% больше, чем потребляли даже обеспеченные парижане²⁰³.

Сами по себе продовольственные нормы были не единственным определяющим процесс поставок фактором: тариф содержал конкретное количество всех товаров, которые должны были регулярно выдаваться солдатам, но фактически приемка, согласно корпусному регламенту, должна была производиться после вычета того, что не использовали из прошлой партии²⁰⁴. Сроки получения продуктов руководители подразделений могли сами с местными властями обсуждать и изменять, но существовали и настоятельно рекомендации М. С. Воронцова, выраженные в приказе. Так хлеб, соль, крупы, овощи, водка и фураж должны были поставляться раз в четыре дня. У мясной порции был отдельный график: зимой – раз в два дня, а летом – каждый день. Смысл этого решения становится более понятен при сравнении, например, с условиями, в которых жил Кавказский корпус: его солдаты получали мясо раз в неделю, что сильно уменьшало ежедневную порцию на каждого солдата. Когда М. С. Воронцов позднее прибудет туда на службу, он изменит распорядок поставки мяса на более частые в меньшем количестве подобно тому, как это практиковалось в его корпусе во Франции. Поскольку мясо в солдатском рационе было основным источником жира и белка, наглядным показателем эффективности системы снабжения являлось количество заболевших в корпусе, а оно, судя по регулярным отчетам, было в период нахождения графа Воронцова во главе Кавказского корпуса невысоко²⁰⁵.

Также был предусмотрен очень серьезный контроль за качеством хлеба: русский комиссар должен был следить за всем процессом его приготовления, а при получении товара плохого качества мог требовать испечь в своем присутствии хлеб из проверенной муки и сравнить результаты. Можно было и по личному уговору полкового командира с

²⁰³ Haynes C. Op. cit. P. 59.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 158.

²⁰⁵ Нечитайлов М.В. Указ. соч. С. 55.

подрядчиком получать хлебную порцию не готовым товаром, а мукой, но тогда подрядчик должен был поставлять и все необходимое для выпечки, включая дрова.

Присутствовала в пайках солдат и винная порция. Изначально должна была выдаваться она хлебной или можжевелевой водкой крепостью в 18 градусов французского ареометр картье²⁰⁶ (около 40 % об.). Однако к лету 1816 г. этих сортов стало не хватать и в июле был объявлен приказ, согласно которому в качестве винной порции следовало принимать и «винную» (виноградную) водку²⁰⁷. За ее поставками также должен был вестись строжайший надзор: в то время как хлеб или мясо солдаты могли при определенных условиях получать непосредственно от жителей, на получение винной порции от населения был объявлен строжайший запрет с угрозой прогнать сквозь строй виновного в его нарушении²⁰⁸. В случае, если качество алкоголя, поставляемого подрядчиком, не устраивало русскую сторону, выдавать его должен был сам земский начальник либо уполномоченный чиновник²⁰⁹.

Фураж мог поставляться либо сеном, либо свежей травой, которую по требованию командира подрядчик мог либо сам привезти, либо предоставить пастбище со всем необходимым для выпаса: кольями, жердями, веревками. Фуражная порция составляла 80 фунтов свежей травы или 24 фунта сена²¹⁰.

Наряду с продовольствием в списке обязательного обеспечения значились и дрова. Трудность состояла в том, что за время военных кампаний 1814–1815 гг. продвигавшиеся по стране армии выбрали практически все, что могло служить для отопления. Уже в 1814 г. российские солдаты собирали на дрова виноградную лозу²¹¹. Вероятно, поэтому конвенция содержала не только точные размеры продовольственных пайков, гарантированных

²⁰⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 70.

²⁰⁷ Там же. Л. 115.

²⁰⁸ Там же. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

²⁰⁹ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 43.

²¹⁰ Там же. Л. 71.

²¹¹ Там же. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 69. Л. 15 об.

солдатам, но и указание на то, что они могли рассчитывать на поставки определенного объема дров, «смотря по обширности и по надобности»²¹². Это, фактически, означало, что данный вопрос тоже должен был решаться путем договоренности между местными властями и командирами соединений. Воронцов рекомендовал своим солдатам брать дров столько, сколько нужно, но не больше, и указывать взятое количество в квитанциях, по которым потом можно было бы судить о солдатских потребностях. Это, однако, касалось только казарм, а солдаты, стоявшие на постое в частных домах, «должны пользоваться общим в покоях отоплением и освещением»²¹³.

Табак был для солдат своего рода «предметом роскоши», имея для них особенную ценность²¹⁴. В конвенции поэтому было прописано, что, поскольку многие солдаты «по дорогой цене табаку во Франции» не могут себе его позволить, оккупационные войска имеют право на ежемесячные поставки табака низшего сорта, но хорошего качества, в объеме полкило на человека. Стоить такая порция должна была не более 60 сантимов²¹⁵.

Офицеры на протяжении всего периода оккупации размещались на постой в домах местных жителей. От этого были полностью освобождены лишь дома священнослужителей и сборщиков казенных податей, селиться к которым было запрещено. В каждом конкретном случае количество и качество занимаемых постояльцем комнат зависели от его офицерского чина, но существовали и общие рекомендации командира корпуса, которые касались, прежде всего, офицеров среднего звена. Так, например, комнаты для «помещения», то есть для дневного времяпрепровождения, обязательно должны были отапливаться, а вот спальней военному приходилось довольствоваться той, которую предлагал хозяин, даже если она не

²¹² Полное собрание законов Российской империи. С. 342.

²¹³ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 319.

²¹⁴ Полковник Левенштерн в своих мемуарах не без удовольствия описывал, как, вступив в Ла-Шапель в начале 1814 г., солдаты завладели большим табачным складом, содержимым которого потом не только сами пользовались, но и продавали его (Записки генерала Левенштерна // Русская старина. СПб., 1902. Т. 111. С. 194).

²¹⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 321

отапливалась²¹⁶. Некоторые офицеры жили вместе с семьями, однако им строго запрещалось содержать в своих квартирах сожительниц, связь с которыми не была узаконена²¹⁷.

Суточные продовольственные нормы офицеров рассчитывались так же, как и нормы рядовых, но размер их возрастал соответственно чину: обер-офицеры получали одну, капитаны и штабс-капитаны – две, майоры – три, подполковники – четыре, полковники – пять, а генерал-майоры – семь порций ежедневно. И выдавалось содержание не в натуральной форме, а деньгами на месяц из расчета одна порция - три франка²¹⁸. С начала 1816 г. тем офицерам, которые получали одну порцию, стали по приказу российского императора доплачивать по одному франку в день²¹⁹. Натурой офицеры получали только дрова или уголь от земских начальников.

Непродовольственное обеспечение, в частности ремонт конского состава, покупку обмундирования, а также жалование, которое получали военнослужащие оккупационной армии, французское правительство должно было компенсировать деньгами. Как прописано в договоре, оно обязалось осуществлять выплаты «ежегодно по пятидесяти миллионов франков комиссарам союзников звонкою монетою, по равным частям каждый месяц, начиная с 1 декабря 1815 г.»²²⁰ Российские кавалерийские полки годовое обеспечение лошадьми должны были получать из ремонта, состоявшего при находящихся в России резервных эскадронах тех полков. Командиры полков должны были сами покупать для своих полков подъемных лошадей²²¹. Таким образом, французы лошадей не поставляли, но в крупных населенных пунктах были обязаны держать наготове три подводы на экстренный случай²²². Правда, командир корпуса не раз напоминал в своих приказах, что

²¹⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 46.

²¹⁷ Там же. Д. 540. Л. 80.

²¹⁸ Там же. Л. 28, 72. К. Хэйнс приводит цифру в 2,61 франка за порцию, что, по ее словам, в сумме давало больше 925 тысяч франков в месяц на офицеров всей оккупационной армии (Haynes C. Op. cit. P. 58).

²¹⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 43 об. Д. 540. Л. 16.

²²⁰ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций... С. 311.

²²¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 48.

²²² Там же. Д. 539. Л. 46 об.

пользоваться этими подводами следует только в крайнем случае, так как лошади обходятся очень дорого.

В расходы французской стороны входили также поставки ткани для починки солдатского обмундирования. В послевоенной Франции ощущался постоянный дефицит необходимых материалов, что заставляло солдат проявлять смекалку и обходиться тем, что есть, сохраняя надлежащий вид²²³. Так, в феврале 1816 г. оказалось, что совсем не осталось каразеи, а потому был отдан приказ использовать на подкладку мундиров серый холст²²⁴. Порой приходилось соглашаться на поставки сукна более низкого качества или просто экономить на некоторых деталях. Например, в июне 1816 г. для экономии ткани офицерам было разрешено носить рейтузы, вместо панталонов, и шляпы, вместо киверов²²⁵. Нередко приходилось сукно красить самостоятельно, когда выдавали для мундиров разноцветную ткань, а к ней – деньги на покраску в черный цвет: по 10 франков на каждые 25 аршин²²⁶. Сапожный товар и фламское полотно корпусу доставляли из Петербурга.

Зато французская сторона не должна была нести расходов на поддержание оружия оккупационных войск в надлежащем виде. В одном из приказов Воронцов распорядился, если полк наймет оружейника, выплачивать тому по 500 франков в год, а в остальных случаях нести соответствующие расходы самостоятельно²²⁷.

На протяжении всей оккупации финансовый вопрос оставался для М. С. Воронцова одним из наиболее приоритетных. Он неоднократно пытался увеличить довольствие своих войск, для чего обращался к Веллингтону, Каподистрии, Ришелье, писал лично императору. Полевой аудиторiat периодически выявлял случаи краж продовольствия, а еще чаще – фуража, спекуляции винной порцией. Тем не менее, к концу пребывания корпуса во Франции М. С. Воронцов мог с гордостью констатировать, что

²²³ Там же. Л. 102.

²²⁴ Там же. Л. 36.

²²⁵ Там же. Л. 106.

²²⁶ Там же. Л. 44, 115, 125.

²²⁷ Там же. Д. 540. Л. 80.

ему удалось сэкономить и вернуть казне часть средств. В свою очередь, Ф. Ф. Вигель, приехавший в Мобёж к брату, заведовавшему главным корпусным госпиталем, писал в мемуарах, что «находящиеся тут русские имели право жить постоем; но у них было много денег, и они предпочитали жить шире и показывать себя щедрыми, чего в соседстве не делали ни англичане, ни прусаки»²²⁸. Сам же М. С. Воронцов в сентябре 1816 г. писал А. А. Закревскому: «В последние три недели прибыли сюда из России по крайней мере 6 или 7 офицеров, переведенные или просто прикомандированные по протекции сюда, для того только, чтоб пользоваться здешним содержанием... Помните, что всякий штаб-офицер стоит здесь Государю ежегодно от 8 до 14 000 рублей. Прислали Витгенштейна, коему, по его же словам, нельзя ничего поручить. Прислали Шарлемана, чтобы лечиться в отпуску и все получать как будто бы служит и проч.»²²⁹»

Некоторые трудности у командования корпусом вызвало обустройство бань. Проблема заключалась в том, что в конвенции оно не оговаривалось: вероятно, никто, кроме российских солдат, таковыми не пользовался, и население не обязано было их ни строить, ни содержать. Но Воронцов настаивал на том, что бани обязательно нужно иметь по одной в каждой роте, в чем командиры должны были убедить местную администрацию. Компромисс был найден в том, что место и материалы предоставлялись мэрами, а вопросы строительства и отопления военнослужащие должны были решать сами²³⁰. Штаб, в свою очередь, на их строительство и содержание в зимний период выделял по сто франков каждой пехотной и артиллерийской роте и по пятьдесят франков каждой казачьей сотне²³¹.

В договорах о содержании не были также прописаны и ритуальные услуги. Поэтому Воронцов приказал в соответствующих случаях покупать гроб на деньги умершего, а если же таковых не оставалось, обещал выделять

²²⁸ Вигель Ф.Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Ч. 5–7. С. 139.

²²⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. С. 483.

²³⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 48 об; Д. 540. Л. 32.

²³¹ Там же. Д. 540. Л. 36 об.

необходимую сумму из корпусной казны²³². Для совершения же самих ритуальных обрядов в корпусе имелись священники, получавшие денежное обеспечение, которое до апреля 1816 г. было равно содержанию субалтерн-офицеров, с апреля – капитанов и штабс-капитанов (то есть шесть франков в сутки)²³³.

Говоря о решении союзников в первой половине 1817 г. вывести часть оккупационных сил, А. Дебидур в качестве одной из причин тому назвал доверие союзных держав к созданному в сентябре 1816 г. новому правительству Людовика XVIII, которое «удачно поработало над восстановлением Франции»²³⁴. Регулярная выплата контрибуции успокаивала союзные державы, что понимало и французское правительство, взявшее для поддержания этой стабильности в январе 1817 г. заем у английских и голландских банкиров²³⁵.

Решение о сокращении контингента стало итогом длительных и непростых переговоров. Еще в октябре 1816 г. герцог Ришелье писал маркизу д'Осмону, французскому дипломату в Лондоне, о том, что герцог Веллингтон весьма негативно отреагировал на предложение сократить оккупационную армию²³⁶. В России новости на эту тему сообщал журнал «Сын Отечества», периодически публиковавший без указания источника те или иные слухи, например, о том, что одной из причин сокращения войск, на которую указывало французское правительство, была чрезмерная дороговизна хлеба²³⁷, или о том, что из всех держав только Австрия не согласна сокращать свой корпус «по причине расстройств ее финансов»²³⁸.

²³² Там же. Л. 34.

²³³ Там же. Л. 80.

²³⁴ Дебидур А. Указ. соч. С. 139.

²³⁵ Сахаров А.Н., Орлик О.В. и др. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 141.

²³⁶ *Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816-1818 / publiées par Sébastien Charlety. Paris, 1939. P. 70.*

²³⁷ Первое прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1817. № 1. С. 3.

²³⁸ Третье прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1817. № 3. С. 1. К. Хэйнс также высказалась, что причина согласия Веллингтона на сокращение армии заключалась в трудностях обеспечения необходимого количества продовольствия для солдат, а отнюдь не в благополучном выполнении французами своих финансовых обязательств. (Haynes C. Op. cit. P. 72).

Здесь же появилась заметка о том, что Веллингтон против сокращения подчиненных ему войск и грозитя вовсе отказаться от командования ими²³⁹.

Окончательный вывод корпуса с территории Франции начался в конце 1818 г. в соответствии с условиями подписанного в Ахене соглашения²⁴⁰. 15 октября 1818 г. Воронцов отдал приказ о возвращении своих подразделений в Россию²⁴¹. По воспоминаниям Е. Левитского, 41 егерский полк выступил в поход 4 ноября, а 12 ноября пересек французскую границу²⁴². В материалах Якутского пехотного полка сохранилась дата выступления полка из Франции – 22 октября²⁴³. Согласно последнему отчету на имя Веллингтона, сделанному в январе 1819 г., корпус насчитывал в тот момент около 24 тыс. чел.²⁴⁴ Неспособных к перемещению больных было решено оставить во французских госпиталях с расчетом на их возвращение в Россию в течение 1819 г.²⁴⁵ Согласно рапорту, поданному рижским военным губернатором на имя П. М. Волконского, к 23 января (4 февраля) 1819 г. во французских госпиталях находились «1 штаб-офицер, 19 обер-офицеров, 6 лекарей 1 класса, 8 лекарей 2 класса, 165 выздоровевших и 427 больных»²⁴⁶. Сам М. С. Воронцов получил в конце 1818 г. отпуск по личным обстоятельствам, в связи с чем возвращением войск в Россию руководил генерал-лейтенант И. И. Алексеев²⁴⁷. Однако перед уходом в отпуск командир корпуса постарался максимально подстраховать своих сослуживцев от возможных трудностей. В частности, он подал на имя П. М. Волконского рапорт с просьбой обеспечить возвращающиеся войска продовольствием, фуражом, сапожным материалом и деньгами при прохождении их по территории Царства Польского²⁴⁸.

²³⁹ Первое прибавление к 3 книжке журнала «Сын Отечества». СПб., 1817. № 6. С. 1.

²⁴⁰ Дебидур А. Указ. соч. С. 147.

²⁴¹ Удовик В.А. Указ соч. С. 110.

²⁴² Левитский Е. указ. соч. С. 102-103.

²⁴³ Материалы для составления истории 42-го пехотного Якутского полка. Кременец, 1895. С. 7.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2105. Л. 78.

²⁴⁵ РГВИА. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.

²⁴⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 164. Св. 13. Л. 174 об.

²⁴⁷ По воспоминаниям Е. Левитского Воронцов покинул корпус в 20-х числах декабря в прусском городе Торгау (Левитский Е. Указ. соч. С. 110).

²⁴⁸ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 542. Л. 3.

Оставив после окончания военных действий во Франции значительный военный контингент на несколько лет, европейские монархи, тем не менее, прекрасно осознавали пределы тех требований, которые они могли предъявлять побежденной стороне. Эти рамки определялись как тяжелым экономическим положением, в котором находилась Франция, так и опасением спровоцировать в ней очередной виток политической нестабильности. Кроме того, монархи-победители не хотели, чтобы кто-то из них извлек больше преимуществ из сложившейся ситуации, чем остальные, а потому отказались от большинства своих прерогатив на оккупированной территории: не предъявляли притязаний ни на административную власть, ни на государственную, ни на частную собственность. Как показали события, последовавшие за Парижским договором, все стороны стремились как можно скорее выполнить свои обязательства и покончить с оккупацией, поскольку осуществление ее требовало достаточно серьезных усилий.

§ 4. Организация военной подготовки и вспомогательных служб в корпусе

Порядок службы в оккупационном корпусе носил особый характер, отличавшийся от привычного порядка как военного, так и мирного времени. С одной стороны, М. С. Воронцов периодически напоминал в своих приказах, что солдаты должны постоянно помнить об опасности, которая им грозит на территории чужого государства. С другой стороны, обстановка, в которой находились как офицеры, так и рядовые, на деле не многим отличалась от той, в которой они бы несли службу в военных поселениях или в пограничных гарнизонах.

Российское командование понимало, что одним из главных условий благоприятного для всех завершения оккупации должно стать осознание всеми сторонами, что отныне их жизнь входит в мирное русло. Воронцов практически сразу дал это понять своим солдатам, подписывая приказ об отправлении домой всех, кто отслужил в армии положенный срок. Все чины,

выполнившие свой долг перед государством, получали подорожные документы, одежду и провизию и отправлялись домой. Разумеется, тех, кто желал остаться с корпусом во Франции, оставляли, но они могли уволиться по первому своему пожеланию. Это было фактически официальное доказательство того, что жизнь оставшихся во Франции военнослужащих перешла в режим мирного времени. Более того, в свободное от служебных обязанностей время офицерам было позволено носить штатское платье²⁴⁹.

В то время, как стратегические цели размещения оккупационной армии во французских границах были более или менее четко прописаны в союзном договоре, задачи, стоявшие непосредственно перед личным составом, выглядели не столь определенными. Каких-либо боевых задач император перед корпусом не ставил, так же как не было и приказа поддерживать, например, в случае какой-либо форс-мажорной ситуации правительственные войска или оказывать какую-либо помощь местной власти, исключая те обстоятельства, которые представляли очевидную опасность либо для правящего дома, либо для самих военных. Фактически оккупационная армия и российский корпус в ее составе, служили гарантией прочности политического режима, пришедшего на смену наполеоновской империи, а также молчаливым напоминанием для всех о пристальном внимании европейских держав к происходящему во Франции. Поэтому главной практической задачей для живших здесь солдат становилась периодическая демонстрация силы, а основным занятием – регулярные учения и физические упражнения.

Воронцов, не первый год состоявший на службе и имевший среди хороших знакомых приближенных к императору людей, прекрасно понимал, как важны для главного императорского штаба парадные выходы. Как отмечает российский историк В. М. Безотосный: «С 1815 г. на передний план вышла чисто внешняя сторона армейской действительности: разводы, плац-парады, церемониальные марши тихим и скорым шагом, красота строя,

²⁴⁹ Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 162.

муштра, доведение до автоматизма манипуляций с оружием, выправка, этишкеты, ремешки и т.д. Армия втянулась в каждодневную рутину экзерцирмейстерства в ущерб боевой подготовке... Изменились и критерии успеха по службе. Они стали измеряться не заслугами на полях сражений, а строевыми “достижениями” и “удачами”, доскональным знанием “фрунтовой” и “ремешковой” науки, уставными мелочами»²⁵⁰. Еще в августе, при подготовке знаменитого смотра при Вертю, после длительного прохода из Польши, Воронцов попросил С. И. Маевского, командира 13-го егерского полка, прислать ему на три-четыре дня офицера, знающего различные тонкости: «как держать шпаги, где стоять унтер-офицерам во взводах и полувзводах, где стоять барабанщикам и пр.»²⁵¹ Кроме того, в 1815 г. три офицера от 38-го егерского, Якутского и Нарвского пехотных полков были отправлены в 11-ю пехотную дивизию изучать правила выправки, чтобы в конце 1816 г. проверить обе пехотные дивизии оккупационного корпуса на предмет соблюдения этих правил²⁵².

В целом вся обстановка во Франции этого периода придавала дополнительную значимость парадным выходам европейских армий. Территория королевства стала своего рода большим бальным залом, где военные щеголи хвастались друг перед другом своими умениями. В таких условиях честолюбие Воронцова побуждало его искать возможности продемонстрировать руководству свое усердие. Тем более что периодически появлялись поводы это сделать. Крупные смотры с участием подразделений из разных корпусов устраивались каждый год. Первый из них состоялся 22 сентября 1816 г. близ Рокруа в ужасной грязи и болоте²⁵³, второй – ровно через год, 29 сентября 1817 г.²⁵⁴ Незадолго перед этим, 26 августа 1817 г.

²⁵⁰ Безотосный В.М. Россия в эпоху 1812 года: Цена и результаты победы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 1(17) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000006-5-2> (дата обращения: 03.12.2017)

²⁵¹ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 432.; Российский М.А. Указ. соч. С. 399.

²⁵² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 156 об.

²⁵³ Там же. Д. 540. Л. 144.

²⁵⁴ Там же. Д. 541. Л. 50; AN. F. 7. D. 9901.

Воронцов от имени прусского короля объявлял благодарность своим войскам за участие в смотре при Его Королевском Величестве²⁵⁵.

Кроме того, смотры устраивались и специально по поводу приезда великих князей Михаила и Николая Павловичей. Высказывалось мнение, что одной из причин приездов братьев императора были многочисленные слухи об излишнем либерализме Воронцова, якобы приведшего к порче нравов его подчиненных²⁵⁶. Великий князь Николай Павлович в начале марта 1817 г. присутствовал на маневрах русских войск в Ваттиньи, между Авенном и Мобёжем²⁵⁷. Характерно, что в таких смотрах наряду с российскими военными участвовала французская национальная гвардия²⁵⁸. Великий князь остался доволен увиденным²⁵⁹.

С. А. Лыкошин (очевидно, опираясь на воспоминания князя Паскевича²⁶⁰ – В.Б.) привел в своей работе описание смотра корпуса перед великим князем Михаилом Павловичем в мае 1818 г. Здесь же он высказал мнение, что брат императора прибыл к солдатам с конкретной целью – проверить слухи о том, что «войска наши “офранцузились”, что гр. Воронцов не обращает внимания на высочайше утвержденные правила фронтового обучения и вводит у себя “татарщину”»²⁶¹. Однако А. Щербатов, автор биографии князя Паскевича, сопровождавшего великого князя в его путешествии, предположил, что Паскевич опасался не столько «татарщины», сколько свойственной самому Воронцову невнимательности к солдатской выправке²⁶².

Сам Александр I присутствовал на смотре корпуса только в октябре 1818 г. вместе со своими братьями Константином и Николаем, когда посетил

²⁵⁵ Там же. Д. 540. Л. 46.

²⁵⁶ Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 59.

²⁵⁷ Письмо в полицейское управление города Камбре от 30 марта 1817 – АН. Ф. 7. Д. 9901; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 13.

²⁵⁸ Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 60.

²⁵⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 13.

²⁶⁰ Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: 1782–1826. СПб., 1888. Т. 1. С. 336.

²⁶¹ Отечественная война и русское общество. С. 152.

²⁶² Щербатов А. Указ. соч. С. 337.

оккупированную территорию после участия в Аахенском конгрессе. Французский исследователь XIX в. З. Пьерар привел внушительный список присутствовавших при этом зрителей: помимо императора и двух великих князей, здесь же находились нидерландский принц, русские графини Волконская, Меншикова и Уварова, лорд Веллингтон, герцоги Девонширский и Кент «и многие другие представители коалиции»²⁶³. Воронцов в своем приказе сообщил, что император выразил свое удовольствие увиденным. Правда, Н. К. Шильдер, автор одной из наиболее известных биографий Александра I, считает, что императору и Константину Павловичу смотр не понравился, но они промолчали из-за того, что Веллингтон очень лестно отозвался о русских войсках²⁶⁴. После этого мероприятия было объявлено, что все военные чины, кроме тех, кто по состоянию здоровья пока не может перемещаться на большие расстояния, возвращаются домой.

Основную же часть своего времени личный состав корпуса посвящал военным учениям, которые проходили весьма динамично. Осень и зима в силу неблагоприятных погодных условий становились временем краткого отдыха, когда совместные учения не проводились, а практиковались только марш-броски в полной походной амуниции на расстояние от 15 до 25 верст для пехотных дивизий, проходившие в течение всего года²⁶⁵. Интересно, что большие смотры, напротив, проводились как раз либо осенью, либо весной, когда ненастная погода порою создавала дополнительные трудности. В драгунской дивизии генерал-лейтенант Алексеев сам определял распорядок занятий²⁶⁶.

Самую большую трудность при организации учений составлял выбор территории. Согласно приказу от марта 1816 г.²⁶⁷ для военных учений было

²⁶³ Piérart Z. Recherches historiques sur Maubeuge, son canton et les communes limitrophes, avec des notes sur les villages de l'ancienne prévôté de cette ville. Maubeuge, 1851. P. 87.

²⁶⁴ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 120.

²⁶⁵ Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 59; Российский М.А. Указ. соч. С. 402.

²⁶⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 158.

²⁶⁷ Там же. Л. 61.

разрешено использовать только ту местность, где не было сельскохозяйственных угодий, либо где они были не слишком прибыльными. Поскольку такие территории чаще всего занимали небольшую площадь, учения в большинстве случаев проводились поротно. Учения для всего полка проводились только после сбора урожая и освобождения полей, но до начала осенней непогоды²⁶⁸.

Тренировки солдат проходили под пристальным наблюдением командира корпуса. Правила организации полковых учений были присланы из Петербурга. Для лучшего их изучения Воронцов предписал сначала должным образом подготовить офицеров: из каждого батальона приглашались все офицеры и по восемь рядовых от взвода, чтобы тренироваться до тех пор, пока не будет достигнут нужный результат, после чего занятия проводились уже со всем полком²⁶⁹. Кроме того, были сделаны выписки из сухопутного устава Петра Великого. Их распечатали для каждой роты и эскадрона и обязали зачитывать нижним чинам раз-два в неделю²⁷⁰. При успешном результате Воронцов не скупился на поощрения, объявляя приказом похвалу за должную выправку или выдавая денежное вознаграждение за успехи на стрельбище²⁷¹.

Помимо регулярных учений с апреля 1816 г. каждый из полков по установленной заранее очереди должен был в течение десяти дней стоять лагерем близ корпусной квартиры. Для этого существовала договоренность с местной администрацией, предоставлявшей палатки для организации лагеря. Судя по письму А. А. Закревского, сначала Воронцов попросил прислать эти палатки из России, на что получил эмоциональный отказ и упрек: «Как можно присылать нарочно к вам палатки, которых перевозка дороже будет стоить, нежели сшить новые?»²⁷² Все чины полка выводились с прежнего места дислокации и должны были жить только в лагере; единственная

²⁶⁸ Там же. Л. 60.

²⁶⁹ Там же. Л. 54.

²⁷⁰ Там же. Л. 84.

²⁷¹ Там же. Л. 127.

²⁷² Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 270.

квартира в Мобёже предоставлялась командиру бригады, к которой принадлежал выведенный полк²⁷³. Целью таких выходов, отмечал командир корпуса, было более близкое его ознакомление с дисциплиной, выправкой, усердием, оснащённостью и другими качествами каждого полка для «заведения в корпусе по всем частям службы совершенного единообразия»²⁷⁴.

Постоянные упражнения помимо отработки боевых навыков служили и поддержанию физического здоровья солдат, что являлось одной из поставленных императором целей²⁷⁵. По мнению Е. С. Сенявской, физическое состояние солдат помимо гарантии боеспособности военного подразделения, имеет очень важное значение для морального состояния войска в целом: пребывание на чужой территории и так было стрессом, а излишние потери могли существенно понизить боеготовность личного состава²⁷⁶. По этой причине все, что так или иначе оказывало влияние на здоровье солдат, подвергалось строгому контролю. Вплоть до конца оккупации Воронцов периодически отдавал приказы, в которых прописывались с дотошной подробностью правила проверки качества продовольствия, напоминалось командирам регулярно проверять казармы на наличие заболевших. За недосмотр офицеры получали строгие выговоры. Так, в ноябре 1816 г. был объявлен выговор командиру Смоленского полка из-за слишком большого числа заболевших, хотя болезни эти были разными и не тяжелыми. Ему было велено внимательнее следить за чистотой в полку²⁷⁷.

Подробные инструкции по контролю за обеспечением личного состава продовольствием содержались в приказах по корпусу. Так, приказ от 12 мая 1816 г. гласил, что каждый день в магазин, где солдаты получали продукты,

²⁷³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 93.

²⁷⁴ Там же. Л. 59.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2095. Л. 2.

²⁷⁶ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Победа. М., 2010. Т. 3. С. 202.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 154

должен приходиться офицер и проверять все товары, испорченные выбрасывать, а на остальные выдавать свидетельство о проверке и, уходя, оставлять часового. После такой проверки ничего из продуктов заменять было нельзя²⁷⁸. При обнаружении некачественного товара следовало дожидаться французского чиновника, который его должен был вывезти. Все это время при магазине обязан был находиться часовой²⁷⁹. Также в октябре 1817 г. вышло предписание на бойни ставить дежурного офицера, чтобы поставщики мяса для солдат не забивали «худой скот»²⁸⁰.

Не меньшее внимание уделялось и гигиене личного состава. Бани, строительство которых стало предметом для дискуссий, должны были обязательно топиться раз в две недели. Также в каждом госпитале, помимо бани, отводилось специальное помещение для того, чтобы поступающие на лечение солдаты могли там обмыться, чтобы не заносить грязь в больничный покой. Казармы периодически проверялись не только на предмет возможных повреждений стен и крыши, но и на предмет чистоты.

В целом, приказов относительно факторов, определяющих здоровье солдат, было подписано немало. Однако из-за отсутствия источников личного происхождения, подробно описывающих детали быта солдат оккупационного корпуса, трудно оценить, в какой степени эти приказы соблюдались. Тем не менее, отчеты штаба корпуса о состоянии контингента позволяют судить о результатах применения этих приказов, в частности, касательно здоровья солдат. Согласно рапортам Воронцова герцогу Веллингтону, в сентябре 1816 г. в корпусе было зафиксировано 909 заболевших, в сентябре 1817 г. – почти 1850, в сентябре 1818 г. - 1624²⁸¹ Судя по одному из отчетов главного врача 12-й дивизии, под болезнями понимались, в основном, такие инфекционные заболевания, как горячка,

²⁷⁸ Там же. Л. 96

²⁷⁹ Там же. Л. 113.

²⁸⁰ Там же. Л. 53.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2105.

лихорадка, чахотка, водянка и слабость – к ним добавлялись наружные болезни вообще, глазные и венерические заболевания²⁸².

В конце лета 1817 г. в корпусе была зафиксирована эпидемия болезни глаз²⁸³. У Е. Левитского инфекция поразила правый глаз и в своем дневнике он кратко описал, что чувствовал: «[Глаз] зделался красен, как бы в середине песок насыпан»²⁸⁴. Коснулось заболевание трех полков 12-й пехотной дивизии: 6-го и 41-го егерских и Алексопольского пехотного. Возникла она, судя по рапорту командира 41-го егерского полка, еще в начале 1816 г., но сразу не была опознана как заразная, а потому никаких дополнительных мер для изоляции заболевших не принималось²⁸⁵. То, что инфекция легко передается от человека к человеку, стало понятно летом 1817 г., когда уже было зафиксировано большое число заболевших: к 1 июля в трех пехотных полках насчитали около 150 больных, а к концу сентября – 351²⁸⁶. Более того, появились и ослепшие, и даже безвозвратно потерявшие один глаз. Кроме того, само течение болезни стало очень тяжелым, и она перестала поддаваться обычному медикаментозному лечению.

Воронцов распорядился создать комиссию, которая должна была выяснить причины распространения инфекции и возможные меры борьбы с ней²⁸⁷. Эта комиссия, в которую вошли главные медики корпуса, подготовила многочисленные отчеты, в которых, однако, было не слишком много полезной информации для непосредственной борьбы с недугом. Более или менее конкретно была сформулирована только одна его причина – распространение болезни из английских полков, расквартированных в Валансьене, где она «с меньшей жестокостью свирепствовала в прошедшем (1816 – В.Б.) году»²⁸⁸. Остальные причины были отвергнуты: климат и содержание - из-за того, что болезнь коснулась только трех полков,

²⁸² ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2497. Л. 13.

²⁸³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 57.

²⁸⁴ Левитский Е. Указ. соч. С. 93.

²⁸⁵ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 587.

²⁸⁶ Там же. Л. 611.

²⁸⁷ Там же. Л. 568.

²⁸⁸ Там же. Л. 614 об.

в то время как весь корпус жил примерно в равных условиях; заражение от местных жителей – из-за того, что французские медики сообщили, что среди гражданского населения такого заболевания не наблюдалось.

В результате Воронцов пришел к выводу, что одним из главных факторов, благоприятствовавших распространению заразы, было слишком тесное совместное проживание большого количества солдат. Далее последовало самое очевидное решение: больных изолировать и даже в госпиталях помещать отдельно от остальных, а здоровых срочно из казарм вывести и разместить по домам местных жителей. Выждав некоторое время, пока зараза «выветрится» из казарм, солдаты вернулись обратно. Нельзя сказать, удалось ли болезнь победить окончательно, однако упоминаний об эпидемии в документах больше не встречается.

Поскольку в сохранившихся донесениях нет точного названия инфекции, остается лишь строить предположения о ее природе. Это могла быть небезызвестная трахома, в тот период достаточно широко распространенная в российской армии. Так, в 1817 г. она имела место в Литовском корпусе, где в 1820 г. было зафиксировано более тысячи заболевших, из которых более ста в итоге ослепли²⁸⁹.

Для лечения солдат был создан ряд госпиталей, в которых работали русские и французские медики. Попутно был объявлен строжайший запрет устраивать лазареты в полках или держать больных на квартирах и в казармах²⁹⁰. К каждому госпиталю был приписан комиссар из офицеров бригады, расположенной в том же месте. Разрешение хозяйственных вопросов и различные внутренние службы, в том числе и приготовление лекарств осуществлялось французскими служащими под контролем местной администрации. Французские же власти назначали и директора госпиталя²⁹¹. Непосредственно лечением и назначением лекарств занимались российские

²⁸⁹ Столетие военного министерства: 1802-1902. Главное военно-медицинское управление / Под ред. Д.А. Скалон. СПб., 1902. С. 289.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 48 об.

²⁹¹ Там же. Д. 540. Л. 39 об.

врачи. Им же было строжайше наказано следить за качеством препаратов, хранившихся в госпитальных аптеках. Дивизионные медики в свою очередь должны были постоянно проверять госпитали на соблюдение санитарных норм²⁹². Кроме того, при каждом госпитале существовало две канцелярии: русская и французская. Обе должны были вести реестры поступающих и выбывающих, отчитываясь о том каждая перед своим начальством: русская – перед командованием корпуса, французская – перед военным министром.

Подобный контроль требовал не менее тщательной канцелярской работы: каждое событие, каждый факт взаимодействия с местной администрацией или местными жителями – все должно было фиксироваться письменным образом либо в рапортах, либо в различных ведомостях, образцы которых были распространены по всем полкам в печатном виде. При заполнении этих документов какие-либо исправления не допускались: документ с ними считался недействительным²⁹³. Также все приказы обязательно рассылались в печатном виде по одному экземпляру на каждую роту и каждый эскадрон²⁹⁴. Поэтому любая канцелярская служба при командирах полков, при госпиталях, при комиссионерствах и полковых судах находилась под строжайшим контролем.

Для проверки всех отчетностей по провианту, например, при штаб-квартире корпуса, организовывалась специальная счетная комиссия, подчинявшаяся обер-провиантмейстеру корпуса, коллежскому асессору Дубецкому. Состояла она из интендантских чиновников, назначенных чиновником 4-го класса Бремом²⁹⁵.

Воронцов предъявлял самые серьезные требования не только к личным качествам людей, занимавшихся в корпусе канцелярскими делами, но и к уровню их образования. Между тем, отмечал он в приказе от 20 июня 1816 г.,

²⁹² Там же. Л. 53.

²⁹³ Там же. Л. 12, 72.

²⁹⁴ Там же. Л. 11.

²⁹⁵ Там же. Л. 12.

грамотных в корпусе слишком мало, «отчего трудно производить в унтер-офицеры»²⁹⁶.

Решать проблему неграмотности значительной части рядового состава предполагалось с помощью солдатских школ. Устройство таких заведений получило из всех инициатив командира корпуса наиболее противоречивые отклики как от его друзей, так и от недоброжелателей, хотя подобная практика имела аналоги и в прошлом, и в это же время. В апреле 1816 г. И. В. Сабанеев писал Воронцову, что также хочет «составить небольшой курс познаний нужных для субалтерн-офицеров <...> дать ему первоначальные правила математики, необходимые для глазомерной съемки и составления и копировки планов, дать идею об осмотре дорог, некоторые краткие сведения практической артиллерии <...> краткие познания полевой фортификации <...> Когда офицеры иметь оныя будут, тогда всякий бедный дворянин, да и богатый, не пожалеют отдать своего сына в службу скорее нежели в корпус <...>»²⁹⁷ Однако даже в европейских армиях подобные предприятия организовывались не часто, а потому российской военной элитой опыт Воронцова был воспринят крайне скептически.

Тем не менее корпус активно включился в учебный процесс. К июню 1816 г. «особые грамотные школы» уже были организованы в Смоленском и Нарвском полках, и командование осталось вполне удовлетворено результатами их работы, которая строилась по так называемой ланкастерской методе и представляла собой занятия в группах под руководством одного из наиболее грамотных офицеров. Занятия проводились для всех чинов, без разделения на офицеров и рядовых²⁹⁸. Литературу для них сначала выписывали из России, о чем говорит письмо А. А. Закревского, полученное Воронцовым 13 (25) июня 1816 г.: «По желанию вашему 100 Русских азбук и 100 прописей Рыкова при сем посылаются. Прописей же Подлесова ни в

²⁹⁶ Там же. Л. 108.

²⁹⁷ Архив князя Воронцова. Т. 39. С. 411.

²⁹⁸ Пирожников А.И. Указ. соч. С. 187.

одной лавке не найдено»²⁹⁹. Часть учебного материала печаталась в Королевской типографии в Париже. Авторы заметки о школах в корпусе, помещенной в один из номеров «Сына Отечества», даже утверждали, что напечатанные в Париже таблицы³⁰⁰ были потом привезены в Петербург и использовались в организованном по ланкастерскому же методу обучении в училище при Военно-сиротском отделении³⁰¹. В 1817 и 1818 гг. в полковой типографии даже были опубликованы небольшие пособия для чтения: «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы русских солдат, приспособленная равно и для детей» и «Собрание стихотворений для чтения в солдатских школах отдельного российского корпуса во Франции»³⁰². Как отмечал А. С. Лыкошин, Воронцов возлагал большие надежды на эту методику обучения для солдат и надеялся, что ее будут применять в остальной армии, и первое время это действительно имело место. В организации учебной работы графу активно помогал С. И. Тургенев³⁰³. В послании к Вяземскому Н. И. Тургенев так отзывался о младшем брате: «Он готовится принимать в Мобеже государя императора и показывать ему героев его, читающих по Ланкастеровой методе русские книги, в Мобеже напечатанные»³⁰⁴. Между тем, Воронцов далеко не был новатором в этой области. В одной из заметок «Сына Отечества» за 1816 г. упоминается благотворительное общество, появившееся в Париже незадолго до описываемых событий, которое по аналогии с похожим обществом в Лондоне и занималось образованием столичной молодежи по ланкастерскому методу³⁰⁵. Российские исследователи Л. И. Борейко и О. В. Панкова даже

²⁹⁹ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 264.

³⁰⁰ Н.И. Греч в своих воспоминаниях рассказал о своей встрече в Париже в 1817 г. с Н.А. Старынкевичем, который при его появлении сидел «за какими-то огромными таблицами, на которых начертана была русская азбука, и на вопрос мой: что это значит? отвечал: “это таблицы для обучения чтению, по недавно изобретенной удивительной методе, ланкастерской. При пособии ея сотни человек могут без учителя учиться грамоте в самое короткое время. Эти таблицы составлены для обучения солдат нашего корпуса в Мобеже”» (Греч Н.И. Указ. соч. С. 328–329).

³⁰¹ Сын Отечества. СПб., 1818. Ч. 48. № 33. С. 9–10.

³⁰² Российский М.А. Указ соч. С. 403.

³⁰³ В фонде ИРЛИ РАН сохранилась записка С.И. Тургенева о ланкастерской системе обучения, где он в общих чертах описал свои представления о ней (ИРЛИ РАН. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1926).

³⁰⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. С. 131.

³⁰⁵ Сын Отечества. СПб., 1816. Ч. 27. № 5. С. 212.

говорят о «ланкастерском движении» в России, которое просуществовало с 1818 по 1821-1822 гг.³⁰⁶ К слову, Н. И. Греч в своих воспоминаниях рассказывает, что принимал деятельное участие в организации подобных училищ в Петербурге, а познакомился с этим методом обучения впервые как раз во Франции, когда посещал Старынкевича, Тургенева и Воронцова³⁰⁷. Однако, «после волнения в Семеновском полку в 1820 г. они были закрыты, так как возникло подозрение, что беспорядки возникли под влиянием ланкастеровских школ»³⁰⁸.

Помимо канцелярской службы, по мнению Воронцова, достаточно высокий уровень грамотности необходим был офицерам аудиторiatской службы. Система военного суда в корпусе полностью отвечала принятому в российской армии регламенту: у каждого полка имелась своя аудиторiatская служба³⁰⁹, а для контроля за ними был учрежден полевой аудиторiat корпуса³¹⁰. Несмотря на то, что в историографии нередко фигурирует тезис об особой гуманности, отличавшей судебную систему корпуса, и о том, что Воронцов, вопреки ретроградным мнениям старых офицеров, искоренял традиционные наказания рядовых палками по приказу командира полка и вводил новую систему наказаний, призванную беречь честь каждого солдата³¹¹, в действительности никаких принципиальных новшеств он не инициировал. В период Заграничных походов военно-полевой аудиторiat работал следующим образом: полковая аудиторiatская служба вела следствие по представлению командного состава, выносила приговор и отдавала его на конфирмацию в главное управление аудиторiatата всей армии, которое подчинялось непосредственно главнокомандующему. Кроме того, у командиров бригад оставалось традиционное право упрощенного порядка

³⁰⁶ Борейко Л.И., Панкова О.В. О распространении ланкастерских школ в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №4 (55). С. 98.

³⁰⁷ Греч Н.И. Указ. соч. С. 329.

³⁰⁸ Отечественная война и русское общество. С. 152.

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 45.

³¹⁰ Там же. Л. 46.

³¹¹ См.: Захарова О.Ю. М.С. Воронцов - командующий Русским оккупационным корпусом во Франции. С. 151; Годунов В. Королев А. Указ. соч. С. 163.

судопроизводства в случае незначительных правонарушений³¹². Наказание же по приказу командиров полков действительно запрещалось, и применявшие его получали выговоры за самоуправство³¹³. Сам же Воронцов считал такие наказания недостаточно показательными. В январе 1816 г., например, был издан приказ по корпусу о наказании дезертира с дополнением, что оно должно быть сурово потому, что за прошлые побегі его уже наказывали только розгами, но действия это, очевидно, не возымело и до солдата не дошло, насколько тяжко его преступление³¹⁴. По той же причине в марте 1816 г. готлангеру³¹⁵ Ивану Свиначуку за второй побег назначили наказание шпицрутенами посредством прохождения сквозь строй из пятисот человек четыре раза, так как за первый побег он был наказан только палками³¹⁶. Такую практику осуждал А. А. Закревский, написавший Воронцову в июне 1817 г.: «Замечаем из ваших приказов, что много гоняют сквозь строй нижних чинов за неважные преступления, за которые можно бы наказать палками; может сделать дурное впечатление в войсках: ибо всякий солдат, наказанный шпиц-рутенами, теряет по службе все привилегии и уважение, которые заслуживаются долговременною службою. Всякий штраф шпиц-рутенами записывается в формуляр, а палки почти никогда»³¹⁷.

Такой порядок военного правосудия уже предполагал передачу полномочий на вынесение наказаний от командиров полков в специально созданный централизованный аппарат. Однако судебная практика в корпусе не предусматривала полного отказа от традиционных наказаний в полках, использование которых считалось вполне приемлемым при совершении мелких нарушений. Созыв следственной комиссии по каждому, даже незначительному правонарушению превратил бы все пребывание корпуса в оккупации в один нескончаемый судебный процесс. Приказом от 16 января

³¹² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 61.

³¹³ Там же. Л. 155.ч

³¹⁴ Там же. Л. 14.

³¹⁵ Должность в артиллерийском расчете

³¹⁶ Там же. Л. 57.

³¹⁷ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 307.

1816 г. Воронцов распорядился всем командирам бригад провести проверки поведения своих солдат в деревнях, опросить местную администрацию, собрать все жалобы и «тотчас на месте разобрать оные, а в важном случае отдавать виновных под суд, в случаях же меньше важных по точному исследованию и известным правилам велеть тогда же произвести строгое наказание»³¹⁸. С точки зрения гуманного отношения к солдатам рассмотрение их дел командирами полков, которые нередко подавали Воронцову рапорты с просьбой смягчить приговор, оставляло правонарушителям больше надежды, нежели принятие решения об их судьбе на уровне командования корпусом.

Вместе с тем, к проверке решений, принятых в полках, Воронцов подходил очень внимательно, нередко выказывая неудовольствие неправомерным, на его взгляд, следствием или неверным приговором и отправляя в таких случаях дела на пересмотр в другую комиссию³¹⁹. Именно поэтому он требовал от офицеров-аудиторов высокого уровня грамотности. В своей работе они руководствовались правилами, изданными для действующей армии в 1812 г., и артикулом Петра Великого. Единственным новшеством, которое командир корпуса требовал от них, была максимальная фиксация всех итогов следствия. В «Некоторых замечаниях о производстве в корпусе военных судов» Воронцов обращал внимание на то, что во время активных боевых действий можно для экономии времени опрашивать свидетелей устно, но в данный период необходимость торопиться отсутствует, поэтому все показания обязательно должны быть записаны.

Особое внимание командованием уделялось почтовой службе. Приказ о ее организации вышел еще в декабре 1815 г. Доставкой корреспонденции в корпусе занимались драгуны и казаки³²⁰. Сортировочные пункты находились в Мобёже, Авене, Ландреси, Рокруа, Живе, Шарлемоне, Баваке, Лакапеле, Ирсопе, Бельвю, Мобер-Фонтене, Фюме, Вире, Обиньи, Гран-Шане и

³¹⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 11.

³¹⁹ Там же. Л. 56.

³²⁰ Там же. Л. 26.

Ретеле³²¹. Пункт в Мобер-Фонтене был узловым, отсюда шли две дороги - на Ретель и Живе, поэтому здесь полагалось постоянно держать наготове 12 казаков, в то время как на остальных пунктах для почтовых поручений находились по шесть казаков или драгун. Назначенные в почтовую службу военные чины временно выходили из подчинения своих командиров полков и переподчинялись этапным комендантам, которые несли полную ответственность за доставку почты. Возлагать на означенные чины какие-либо другие задачи, будь то командировки или конвои, строгойше запрещалось: они должны были всегда находиться в готовности к отправке с почтовым поручением. Находившимся на постах казакам и драгунам выделялись усиленные порции и по 4 франка на ковку лошадей. Доставка почты была столь же четко организована, как и другие службы в корпусе: для всех передвижений курьеров устанавливалось конкретное время отправления и прибытия из каждого этапного пункта и лишь в случае крайней необходимости, обоснованной кем-то из командного состава, этот график мог нарушаться.

Право пользоваться почтовой службой имели все чины. Транспортировку корреспонденции по Европе Воронцов оплачивал из средств корпуса, а для доставки ее от российской границы до места назначения просил начальство выделять рядовым деньги из казны, либо брать плату с получателей, чтобы солдаты могли писать домой вне зависимости от наличия у них денег. Это решение очень часто упоминается биографами Воронцова в подтверждение его уважения к подчиненным и гуманности.

Деятельностью почтовой службы корпуса занимались этапные коменданты, которые в большинстве своем назначались и сменялись по приказу Воронцова. Иногда комендант назначался по приказу герцога Веллингтона, как, например, полковник Левенштерн³²². На территории

³²¹ Там же.

³²² Там же. Л. 78.

этапного поселения комендант был главным представителем военной власти. Он следил за порядком в городе, принимал и обеспечивал необходимым продовольствием и фуражом командированных или почтовых курьеров, содержал арестантов³²³, следил за тем, чтобы здесь всегда можно было получить подводы³²⁴. Кроме того, на некоторых этапных пунктах хранились полковые запасы, поэтому там коменданты отвечали еще и за сохранность имущества.

Несмотря на расстояние, которое отделяло солдат российского оккупационного корпуса от родины, для него, как и для остальной армии Александра I, война с Францией закончилась в 1815 г. Поставленная перед графом М. С. Воронцовым задача осуществления оккупации части французской территории означала перевод вверенных ему войск из активного боевого режима в режим военного поселения. Функции корпуса определялись теми гарантиями, что были предусмотрены мирным договором: защита восстановленной династии, наблюдение за обстановкой внутри страны и готовность оказать помощь правительству в случае возникновения беспорядков. Воронцову же предстояло на протяжении всего периода оккупации поддерживать на самом высоком уровне боеспособность вверенных ему войск, для чего необходимо было максимально пристально следить за физическим и моральным здоровьем военнослужащих. Далекое не все принимаемые для этого Воронцовым решения можно определялись исключительно его личными взглядами. В наиболее принципиальных вопросах он очень четко следовал общей стратегии управления войсками, принятой императорским военным штабом в предшествующий период. Это касается как организации военной юстиции, так и обеспечения солдатского быта. Тем не менее, в целом ряде аспектов Воронцов действовал по своему личному усмотрению в соответствии со своими убеждениями и личным

³²³ Там же. Л. 26.

³²⁴ Там же. Л. 73.

опытом, как, например, в организации порядка работы почтовой службы корпуса и солдатских школ.

Хотя оккупационная армия имела право применить оружие в случае возникновения беспорядков, она перешла фактически на режим мирного времени: военнослужащие налаживали отношения с местным населением и бытовые вопросы приобретали все большее значение. При разрешении таких Воронцов проявил себя способным администратором, что, вероятно впоследствии повлияет на его назначение кавказским наместником. Он успешно организовал во всех деталях систему жизнеобеспечения корпуса: снабжение продовольствием и необходимыми предметами, судебную, медицинскую и почтовую службы. Вместе с тем, вверенные ему войска продолжали повседневную работу по поддержанию необходимого уровня боеготовности.

Глава 2. Социокультурные аспекты оккупации

§ 1. Повседневные практики взаимодействия российского командования с местными властями

Согласно мирному договору 1815 г., оккупационные войска располагались на территории Франции с позволения ее законного монарха и с целью защиты общих интересов, что должно было исключить в диалоге солдат с местным населением деления на «победителей» и «побежденных», превращая всех в союзников, стремящихся к взаимопониманию. Отказ от мести французам за деяния Наполеона был общим стратегическим решением командования коалиционной армии. Английские, прусские и австрийские военачальники активно распространяли среди населения прокламации с заверениями, что союзники пришли воевать не со всеми французами, а только с Бонапартом³²⁵. Ту же мысль развивала и официальная правительственная пропаганда Бурбонов. Октябрьский *Moniteur* за 1816 г., например, писал, что «русская армия смотрит на французов как на друзей и на свое пребывание во Франции как на способ помочь легитимной власти привести в порядок нацию»³²⁶.

Соответственно одним из главных правил, установленных Александром I для своих войск, стало предписание по возможности воздерживаться от насилия по отношению к мирному населению и избегать с ним конфликтов. На практике, конечно, соблюдать эти принципы получалось не у всех и не всегда: и в отечественной, и в зарубежной историографии встречаются упоминания о конфликтах между солдатами и местным населением в 1814-1815 гг.³²⁷ Между тем, в архивном фонде Первой (до 1816 г. большой действующей) армии хранятся следственные дела, свидетельствующие о том, что за насилие по отношению к местным жителям

³²⁵ Roger A. Op. cit. P. 7.

³²⁶ Ibid. P. 142.

³²⁷ См. Например: Ledent A. Op. cit. P. 14; Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. С. 149, 166; Летчфорд С.Е. Указ. соч. С. 39; Ливен Д. Указ. соч. С. 597.

солдат наказывали³²⁸. Об этом красноречиво высказался в своих мемуарах А. И. Михайловский-Данилевский, участник Отечественной войны и Заграничных походов: «Наши (солдаты – В.Б.) опасались иметь какой-либо спор с Французами, потому что начальство наше, при разбирательстве, обыкновенно оправдывало обывателей»³²⁹.

После ухода основных сил армии Александра I на родину это правило продолжало действовать в оставшемся во Франции корпусе Воронцова. Более того, в новых условиях за его соблюдением следить стало намного проще. Однако Александр I и главнокомандующий его армией в своих приказах определили лишь общие положения, которым должны были следовать войска, а потому графу Воронцову пришлось на основе этих принципов разработать конкретные правила поведения военнослужащих вверенного ему контингента, принимая во внимание многочисленные проблемы повседневной коммуникации.

Французские власти также старались не дать иностранным солдатам лишнего повода доставать оружие, но при этом максимально снизить потребление ими местных ресурсов, которые после войны были весьма ограничены. Характерно в данном отношении письмо министра внутренних дел префекту департамента Нор в апреле 1818 г., где отмечается, что отношение жителей к солдатам оккупационной армии ухудшается и это может повредить французскому государству особенно в тот момент, когда активно обсуждается тема вывода всей коалиционной армии из его пределов. А потому местным властям необходимо приложить максимум усилий, чтобы сохранить спокойствие на оккупированной территории и не раздражать союзников³³⁰.

Таким образом, и командование корпуса, и местные французские власти понимали необходимость ведения постоянного диалога. В этом они находили поддержку на самом высоком уровне. Премьер-министр Франции,

³²⁸ РГВИА. Ф. 16231.

³²⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1841. С. 114.

³³⁰ Письмо от 1 апреля 1818 г. - ADN. F. 8R. D. 10.

герцог Ришелье, ранее многие годы провел на русской службе, занимая пост генерал-губернатора Новороссийского края, и был сторонником сохранения взаимопонимания между обеими странами. Российский же посол во Франции, граф К. О. Поццо ди Борго, до Революции служил Людовику XVI и теперь пользовался большим влиянием при дворе его брата, поддерживая связь королевского правительства с союзными войсками³³¹. К ним обоим Воронцов периодически обращался за содействием в разрешении возникавших перед его корпусом проблем.

Как уже выше отмечалось, согласно мирному договору, на оккупированной территории параллельно действовали две системы власти. Одна из них - военная - была представлена командованием корпуса, а именно командующим и его штабом, командирами дивизий и полков. Вторая – гражданская - местными французскими чиновниками: префектами, супрефектами, мэрами и их администрациями. Для лучшего их взаимодействия при русском штабе существовала смешанная комиссия (*la commission mixte*), в которую входили комиссары – чиновники, назначавшиеся туда как центральным правительством³³², так и префектами³³³.

Для обеих сторон условия сосуществования были весьма непростыми. Хотя в договоре и были детально перечислены те материальные ресурсы, которые обязалась поставлять французская казна, что должно было защитить французов от чрезмерных и необоснованных требований со стороны оккупационных войск, но после многих лет военных действий изыскать даже это было довольно сложно. Как отмечает историк С. Куто «Три армии прошедшие через департамент (Нор – В.Б.), окончательно вытоптали посевы, которые не могли быть восстановлены, за исключением тех, что оказались под водой во время затопления крепостей. Таким образом, экономическая

³³¹ См.: Di Borgo C.A.P. *Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode...*: 1814–1818. Paris, 1890. Т. 1. Р. 237; Танышина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

³³² Письмо супрефекта округа Авен префекту департамента Нор от 28 августа 1817 г. - ADN. F. 8R. D. 10.

³³³ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2463. Л. 24.

ситуация в регионе к концу 1815 г. была не слишком радужной. Однако в следующем году ситуация еще больше усугубилась. Непогода лета 1816 г. стала новым бедствием и привела к сокращению урожая и голоду среди крестьян»³³⁴. К. Хейнс в своей монографии напоминает, что одной из причин резкого ухудшения погоды в 1815-1817 гг. ученые называют знаменитое извержение индонезийского вулкана Тамбора в апреле 1815 г., вызвавшее резкое понижение температуры в Западной Европе и Северной Америке и превратившее 1816 г. в «год без лета» или в «тысяча восемьсот насмерть замерзший»³³⁵.

Самым тяжелым последствием этих бедствий стало повышение цен на хлеб. Ж. Антрэ в своей статье, посвященной механизму сбора реквизиций в 1814–1815 гг. на примере одного департамента (Сена-и-Уаза), приводит сведения об изменениях цен на зерно в разные годы. По его словам, на рынке в Ла Рош-Гийон хлеб был значительно дешевле весной 1814 г., нежели весной 1813 г., при этом в 1815 г. зерно стоило гораздо дороже нежели в два предыдущих года³³⁶. Это же подтверждает и В. И. Левенштерн, писавший в мемуарах, что 1816 г. для Франции был совсем голодным, так как зерна практически не собрали³³⁷.

Из-за дефицита продовольствия обстановка оставалась напряженной даже после прекращения боевых действий и отказа от сбора реквизиций. Население то тут, то там устраивало беспорядки, за которыми внимательно наблюдали из России. Журнал «Сына Отечества» раз за разом публиковал сообщения о волнениях, прокатывавшихся по разным французским территориям (регион Тулузы, Вандея, Бретань), считая главной тому причиной чрезмерную дороговизну хлеба³³⁸. Не менее опасно выглядело

³³⁴ Couteau C. Op. cit. P. 46.

³³⁵ Haynes C. Op. cit. P. 225.

³³⁶ Hantraye J. Les réquisitions dans les environs de Paris. P. 124.

³³⁷ Mémoires du général-major russe Baron de Lowenstern. P. 459.

³³⁸ Второе прибавление к 48 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 97. С. 1; Первое прибавление к 49 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 98. С. 3; Второе прибавление к 24 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 49. С. 4; Первое прибавление к 25 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 50. С. 2; Второе прибавление к 25 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 51. С. 1; Первое прибавление к 26

появление большого количества бродяг, расшатывавших и без того хрупкое спокойствие. В октябрьском номере 1817 г. напечатано следующее сообщение: «В Арденском департаменте толпы нищих числом от 80 и до 100, а по слухам до 2000 человек, шатались по всему департаменту, просили подаяние, причиняли беспокойства и называли себя авангардом армии хищника»³³⁹. Один из январских номеров 1817 г., ссылаясь на берлинские «Ведомости» сообщал: проблема неурожая настолько значительна, что в ноябре 1816 г. герцог Ришелье объявил иностранным державам о неспособности французского правительства выполнить обязательства по контрибуции за январь и февраль, обещав компенсировать их в последующие шесть месяцев³⁴⁰. В том же году публиковались сообщения о помощи населению со стороны солдат: в апреле запасы хлеба в городе Шарлевиль были столь малы, что, располагавшийся там прусский гарнизон вынужден был поделиться с населением мукой, чтобы избежать волнений³⁴¹. В журнале также появилось небольшое сообщение о помощи обедневшему населению со стороны русских солдат, но никаких подробностей этого не приводилось³⁴².

В РГАДА сохранилась записка неизвестного автора о пребывании русского корпуса в Мобёже, Авене, Ретеле и Рокруа, «печальные окрестности» которых, писал он, совсем не походили на ту Францию, которой любуются на берегах Роны и Луары³⁴³. Отведенная русскому корпусу территория не менее печальной показалась и полковнику Шуберту, отправленному туда для ознакомления. В своем письме от декабря 1815 г. он

книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 52. С. 1; Первое прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 53. С. 1.

³³⁹ Первое прибавление к 22 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 42. С. 1.

³⁴⁰ Второе прибавление к 2 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 5. С. 3.

³⁴¹ Второе прибавление к 21 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 31. С. 3.

³⁴² Первое прибавление к 5 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 10. С. 2.

³⁴³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1.

выражал беспокойство из-за бедности проживающего здесь населения, что могло, по его мнению, затруднить размещение солдат и лошадей³⁴⁴.

Присутствие иностранного контингента оказывало заметное влияние и на внутренний рынок страны. Ж. Антрэ проанализировал процесс восстановления внутреннего рынка и соотношение объемов продовольствия, поставляемого магазинами и изымаемого непосредственно у жителей в ходе пополнения войсками своих запасов в 1814-1815 гг. Историк констатирует, что при вступлении коалиционных сил на территорию Франции пополнение запасов продовольствия происходило преимущественно за счет реквизиций у населения, но уже летом (где-то раньше, где-то позже) 1815 г. местные рынки начали восстанавливаться и обязанность продовольственных поставок легла на крупных оптовиков, которым правительство компенсировало соответствующие расходы за счет экстраординарных налогов, выплачиваемых населением³⁴⁵.

Таким образом, в 1814–1818 гг. союзные контингенты становились участниками рыночных отношений на местах. Подробно эта тема исследователями практически не изучалась: в историографии встречаются лишь отрывочные свидетельства современников, позволяющие хотя бы в некоторых чертах представить экономическую обстановку в оккупированных регионах. Так, авторы книги об истории Смоленского драгунского полка ссылаясь на «одного из современников» пишут, что «союзники-иностранцы <...> буквально затопили Париж золотом. У купцов <...> дневная выручка удесятилась; все молодые иностранные офицеры содержат дорогостоящих любовниц, абонируют первые ряды в театрах, кутят у Вэри <...> “Да здравствуют наши друзья-враги!” – кричал Париж и торопился богатеть за чужой счет»³⁴⁶. Б. Менаже также отметил, что присутствие оккупационных сил положительно сказывалось на региональных рынках, так как военные

³⁴⁴ См.: Ballery B. L'occupation Russe de 1816–1818. Les Bornes de distances Russes // Salut! Ça va? 2017. № 48. P. 5.

³⁴⁵ Hantraye J. Les réquisitions dans les environs de Paris (1814-1816). P. 121. Здесь же он приводит пример расчета этих налогов, показывая их различия в разные периоды времени.

³⁴⁶ Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 163.

тратили во Франции очень большие суммы³⁴⁷. Между тем, Р. Брокар в статье, посвященной пребыванию в 1814 г. Александра I и союзников в городе Лангр (департамент Верхняя Марна) писал, что из-за присутствия русских в городе кормов для лошадей осталось мало и они очень дороги, а магазины почти совсем опустели³⁴⁸. Столь же негативно реакцию внутреннего рынка на появление иностранных войск оценивает С. Куто. Ссылаясь на документы муниципального архива Валансьена, он приводит цитату из отчета мэра этого города о том, что английские портные активно расселяются на оккупированной территории, провозят контрабанду и отбивают клиентов у французских портных, и отмечает, что подобные факты были достаточно распространенным явлением³⁴⁹.

Проблема конкуренции на оккупированных территориях английских и французских предпринимателей обсуждалась даже в России. В 1816 г. «Сын Отечества» опубликовал краткую заметку: «Французские фабриканты жалуются на чрезмерный привоз запрещенных Английских изделий, которые вредят успехам их промышленности»³⁵⁰. В одном из последующих выпусков появилась схожая заметка, но касалась уже Германии: «Немецкие фабриканты прилагают все силы свои, чтобы воспрепятствовать ввозу английских изделий в Германию. Г. Адам Миллер, австрийский консул в Саксонии, напечатал в одном журнале статью, в которой просит членов собирающегося Германского Союза войти в положение Германских фабрик и мануфактур, и освободить их от монополии Англичан»³⁵¹. Иными словами, от экономической экспансии Англии на континенте в тот послевоенный период страдали не одни только французы.

³⁴⁷ Ménager B. L'étranger au temps de l'occupation de 1815 à 1818 // L'image de l'autre dans l'Europe du Nord-Ouest à travers l'histoire, Villeneuve-d'Ascq, actes du colloque du CHRN / Éd par J.-P. Jessenne. 1996. P. 117.

³⁴⁸ Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie, Petit-fils de l'Impératrice Catherine II, hôte «non invité» de la ville de Langres en 1814 // Bulletin de la Société historique et archéologique de Langres. Langres, 1987. T. 19. № 289. P. 95.

³⁴⁹ Couteau C. Op. cit. P. 47.

³⁵⁰ Второе прибавление к 16 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 33. С. 3.

³⁵¹ Второе прибавление к 40 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 81. С. 3.

После войны в крайне плачевном состоянии находились и дороги. Нередко связи между населенными пунктами, где размещались солдаты, вообще не было³⁵². Воронцов даже пробовал обращаться с письмом в ведомство, отвечавшее за дороги и мосты, прекрасно понимая, что плохие коммуникации не только ограничивают мобильность войск, но и являются одной из причин сбоев в поставках его корпусу продовольствия и фуража³⁵³.

Вот в такой сложной ситуации послевоенного кризиса командованию русского корпуса и французской администрации приходилось налаживать мирное сосуществование. Одним из наиболее болезненных вопросов было размещение солдат. Очевидно, что длительный период военных действий на территории их страны привел к снижению уровня жизни большинства французских обывателей, а потому необходимость содержать солдат в своих домах была для них крайне обременительной: постояльцев полагалось кормить, обеспечивать спальными местами и необходимыми бытовыми принадлежностями. Если добавить к этому незнание русскими нижними чинами французского языка и местных обычаев, то неизбежность конфликтов становится очевидной. Проблема эта была хорошо известна всем участникам событий еще по предыдущим годам, когда, ссорясь с кем-то из должностных лиц сельской администрации, офицеры пугали их тем, что разместят у них солдат на постой. В сентябре 1817 г., пишет Ж. Брейяр, в городе Ла Капель произошла стычка между русскими солдатами и местными жителями. В наказание горожанам Воронцов определил им на постой 150 человек³⁵⁴.

Очевидно, что в условиях многолетнего пребывания оккупационных войск во Франции подобную нагрузку с жителей следовало хотя бы частично снять. В ноябрьском договоре отдавалось предпочтение размещению солдат в казармах, однако сформулировано это было достаточно расплывчато: «Квартиры в казармах будут распределяемы по обстоятельствам и с согласия

³⁵² Ballery В. Op. cit. P. 5.

³⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2482. Л. 14.

³⁵⁴ Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобёже... С. 140.

гг. Командующих»³⁵⁵. Фактически, это означало, что в каждом отдельном населенном пункте устройство казарм должно зависеть от личной заинтересованности местных властей и командира подразделения. Б. Менаже отмечает, что англичане менее активно переводили солдат из домов в казармы, чем русские³⁵⁶.

В приказе Воронцова от 4 января 1816 г. говорилось о необходимости разместить максимальное количество солдат по «отдельным избам», где могло бы помещаться до двадцати человек и где солдаты были бы «отделены от обывателей и приготавливали бы сами себе пищу, получая все им следующее продовольствие»³⁵⁷.

Помимо декларируемого желания снизить нагрузку на местных жителей, что демонстрировало им добрую волю командования корпуса, граф Воронцов объяснял необходимость селить солдат отдельно еще и тем, что жизнь в домах гражданских лиц могла излишне расслабить нижние чины корпуса и негативно сказаться на дисциплине. Здесь же он отмечал такой важный фактор, как необходимость сохранения отечественных обычаев, которым могли бы повредить «беспрестанные смешения их (солдат – В.Б.) с местными жителями»³⁵⁸. В данной связи весьма характерно отсутствие такого учебного предмета, как французский язык, в организованных позднее солдатских школах. И это при том, что незнание французского языка большей частью личного состава корпуса периодически приводило к возникновению конфликтных ситуаций³⁵⁹. Очевидно, что командование стремилось к сохранению значительной степени обособленности своих подчиненных от местных жителей, к созданию замкнутых сообществ, в которых должны были жить в привычной для себя обстановке русские солдаты при минимально возможном количестве бытовых контактов с

³⁵⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций. С. 324.

³⁵⁶ Ménager В. Op. cit. P. 119.

³⁵⁷ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 10.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Супрефект Дуэ, например, докладывал префекту о том, что при проверке продовольствия для солдат незнание русскими французского «порождает миллион трудностей» (AN. F. 7. D. 9901)

французами. В докладе императору Воронцов отмечал, что, по его мнению, главный недостаток казарм – умножение больных, но «я почитал зло сие меньшим в сравнении пользы от них получаемой»³⁶⁰.

Размещение военнослужащих корпуса в местах постоянной дислокации произошло в начале 1816 г. Ранее он дислоцировался южнее. В декабре 1815 г., после того как союзные армии начали покидать пределы Франции, Воронцов приказом объявил, что корпус передислоцируется к северу, где ему и предстоит расположиться на ближайшие несколько лет. Занятие русскими войсками оккупируемой территории происходило вполне организованно. В ноябрьском договоре точно были определены только крепости и крупные города, попадающие под оккупацию. Размещение же солдат в том или ином небольшом селении происходило по согласованию с местными властями. В фонде Воронцовых ОПИ ГИМ хранится письмо мэра коммуны Марли, близ Валансьена, который обращался к герцогу Веллингтону с просьбой избавить его местность от постоя русских солдат, так как ее жители не в состоянии содержать даже небольшое подразделение из-за крайнего разорения³⁶¹. Там же сохранились письма командиру корпуса от ряда французских чиновников и крупных землевладельцев с просьбой в подотчетных им населенных пунктах либо вовсе не ставить солдат, либо уменьшить их количество³⁶². Как правило, на такие просьбы граф Воронцов отзывался с пониманием и шел на возможные уступки.

В первой половине 1816 г. довольно неоднозначной оказалась ситуация в Нанси, где изначально разместился штаб корпуса. Зимой 1815 г., после начала передислокации, русские солдаты должны были покинуть этот город. Однако в городском архиве сохранилось письмо барона Засса мэру Нанси от 11 мая 1816 г., в котором русский военачальник просит у административных

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 2об.

³⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2478. Л. 19.

³⁶² Например: письмо герцога де Бурбона от 24 января 1816 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 8) или письмо военного министра герцогу Веллингтону с просьбой не размещать в Авене более 600 чел. пехоты или 100 чел. кавалерии из-за того, что город и без того пострадал в ходе предыдущих событий (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2099. Л. 3).

властей помощи. Дело в том, что к тому моменту город покинули далеко не все солдаты: там еще оставались казаки и унтер-офицеры, количество которых барон не указал. Квартировали они в домах горожан, которые объявили, что ни держать их у себя, ни кормить больше не будут. Барон в свою очередь просил мэра способствовать разрешению ситуации хотя бы до того времени, пока Воронцов не распорядится о более конкретных мерах³⁶³. Переписка эта, хоть и не очень активная, продолжалась на протяжении нескольких месяцев. Как видим, несмотря на все попытки упорядоченного распределения солдат по отведенной для этого территории, между формальными распоряжениями и их исполнением всегда имела место некоторая неопределенность, вызывавшая у местного населения чувство тревоги и сомнение в способности властей контролировать ситуацию.

Если вопрос выбора населенных пунктов для дислокации частей корпуса разрешился в основном достаточно быстро, то проблема обустройства казарм и переселения туда солдат оказалась гораздо сложнее. Казарменное содержание военнослужащих, безусловно, должно было стать для гражданского населения меньшим бременем, чем постой в домах, однако под казарму нужно было либо построить новое здание, либо выделить какое-то из уже существующих³⁶⁴. И помещение это должно было быть пригодным для жилья. Затем выбранные постройки нужно было снабдить положенным комплектом бытовых принадлежностей: кроватями, одеялами и прочим³⁶⁵. А.С. Лыкошин в своей заметке описывает этот процесс следующим образом, к сожалению, без ссылок на источники: «Обыкновенно коммуна отводила для казарм отдельный дом, снабдив его постельными принадлежностями и необходимою мебелью, иногда казармы устраивались сообща несколькими коммунами, распределявшими между собою расходы по найму домов и их

³⁶³ AMN. F. 4H. D. 48.

³⁶⁴ Например, в Лилле весной 1816 г. один из чиновников управления госимущества был вынужден освободить под казармы здание, где находилось его бюро (ADN. F. 8R. D. 12.)

³⁶⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 16.

оборудованию. А в некоторых случаях для казарм строились новые дома вне селений, поблизости к полковым и батальонным квартирам»³⁶⁶.

Подготовка казарм к проживанию оказалось нелегкой задачей. В декабре 1817 г. генерал-майор Каблуков, командир драгунской бригады, жаловался, что его подчиненные уже длительное время не могут занять положенные им казармы из-за того, что те почти все находятся в ужасном состоянии: стены покосились, крыши текут. А селить солдат в таких непригодных для жизни помещениях ни в коем случае нельзя³⁶⁷.

Из оснащения казарм труднее всего было раздобыть кровати. В августе 1816 г. префект департамента Нор получил из канцелярии министра внутренних дел письмо, где говорилось, что к министру поступает очень много жалоб на то, что города часто отказываются предоставить необходимое количество кроватей. Префекту поручалось проверить на этот предмет обстановку в каждом городе его департамента и, при обнаружении недостатка кроватей, самому распорядиться о выделении необходимых сумм из бюджета для выполнения данного обязательства³⁶⁸.

Иногда проблемы создавали сами солдаты, очевидно, не желавшие перебираться из гражданских домов, где их кормили и обстирывали хозяева, в казармы, где солдатам самим приходилось готовить и стирать³⁶⁹. Таким образом, препирательства по поводу размещения солдат продолжались достаточно долго.

Хотя совместный быт рядовых и гражданского населения Воронцов считал фактором, негативно влиявшим на солдатскую дисциплину, сотрудничество с местными жителями и властями, особенно в конфликтных ситуациях, поощрялось и активно практиковалось.

Так, например, деятельность французских таможенных служб довольно часто приводила к столкновениям таможенников с солдатами. Порою дело

³⁶⁶ Отечественная война и русское общество... С. 148.

³⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2489. Л. 27.

³⁶⁸ Циркуляр министра внутренних дел № 111 от 3 августа 1816 - ADN. F. 8R. D. 10.

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 36, 105; ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2482. Л. 2 об.

доходило до смертоубийства. Для решения этой проблемы местные власти предложили разделить бремя обязанностей: русские военнослужащие должны были помогать таможенникам, а взамен могли забрать в награду часть контрабандных товаров в случае их обнаружения³⁷⁰. Предполагалось, что это снизит число конфликтов.

Еще одним примером удачного взаимодействия служит организация патрульной службы жителями некоторых городов из-за многочисленных случаев воровства и пожаров. Муниципальные власти сообщили командованию корпуса, что горожане собираются по ночам патрулировать улицы и просили не чинить препятствий. Воронцов не просто дал на это свое согласие, но рекомендовал командирам выделять в помощь патрульным по три рядовых с унтер-офицером. Кроме того, он посоветовал организовать такую же службу в тех городах, которые этим пока еще не озаботились³⁷¹. Б. Менаже, ссылаясь на документы архива министерства обороны, отмечает, что русские солдаты действительно участвовали в патрулировании улиц для защиты обывателей от бродяг, количество которых увеличилось из-за продовольственного кризиса³⁷². В российских документах, к сожалению, никаких подробности об этом нет.

Продовольственное и непродовольственное обеспечение также вызывало нарекания на протяжении всей оккупации. Безусловно, отмена реквизиционной системы, предусмотренная ноябрьским договором, заметно облегчала бремя населения по обеспечению армии союзников, так как помимо того, что в ней были прописаны четкие объемы поставляемых товаров и компенсации за них. Как показал опыт военных кампаний 1814-1815 гг., практика самостоятельного изъятия военными продовольствия у населения легко могла привести к злоупотреблению силой с их стороны³⁷³.

³⁷⁰ Там же. Л. 33.

³⁷¹ Там же. Л. 159.

³⁷² Ménager В. Op. cit. P. 14.

³⁷³ В фонде 16231 РГВИА есть дело № 68, в котором содержатся документы полевого суда над казачьего Киреева полка сотником Родионовым, который 22 марта 1814 г. вместе с группой казаков около 180 человек, по свидетельству местных жителей, был отправлен в селение Бьевр для сбора хлеба и овса. Прибыв

В ходе оккупации местные власти привлекали обычных жителей к снабжению оккупационных войск только в форс-мажорных ситуациях – в случае грубых нарушений договоров о поставках. Если безответственный поставщик долгое время не выполнял взятые на себя обязательства или поставлял продовольствие плохого качества, представителям оккупационных войск следовало обращаться с жалобой в местную администрацию. И лишь в том случае, если она отказывала в содействии, военные могли потребовать непосредственно у населения то, что им полагалось по договору. На практике до таких крайностей дело доходило редко. Воронцов в своих приказах периодически напоминал, что эта мера крайне нежелательна для российского корпуса и может применяться только в случае больших злоупотреблений со стороны поставщиков и местной администрации³⁷⁴.

Помимо продовольствия, нередко причиной конфликтов становился фураж. В тот период от качества лошадей в немалой степени зависела боеспособность армии в целом, и об их содержании военные заботились порой не меньше, чем о своем собственном. С. Е. Летчфорд в статье о пребывании союзных войск в Париже в 1814 г. приводит замечания французского политического деятеля Э. Д. Паскье о том, что «казак легко может обойтись без пищи в течение трех дней, но, если его лошадь остается некормленной даже три часа, начинает волноваться и способен на все»³⁷⁵. Если продовольствие солдаты воровали крайне редко (самое большее, их

на место, он отдал соответствующие распоряжения местному мэру, а сам отправился вместе с приехавшим к нему сотником Диченко, приписанным к военной полиции, в один из домов, где они устроили пирушку. После обильного возлияния Родионов уснул, а Диченко уехал. Некоторое время спустя Родионова разбудил урядник из его команды, назначенный следить за сбором продовольствия, и доложил, что хлеба собрали недостаточно. Не проспавшийся до конца Родионов затеял ссору с мэром, доказывая, что жители должны недостаток возместить. Тут вернулся Диченко, тоже еще не вполне протрезвевший, и, будучи наделенным полицейскими полномочиями, начал мэра защищать. Закончилось все ссорой двух казачьих офицеров, в разгаре которой Родионов отдал своей команде приказ самим собирать недоимку по домам. В результате казаки не только изъяли недостающий хлеб и фураж, но и сломали двери в многих домах, попортили имущество, залезли в винные погреба. На суде Родионов, естественно, показал, что грабить дома солдатам он не разрешал, и, в итоге, был осужден только за пьянство и невнимательность. Однако описанный случай наглядно показывает, сколь легко военные прибегали к применению силы в спорных ситуациях.

³⁷⁴ См. например РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 17, 82, 143.

³⁷⁵ Летчфорд С.Е. Союзники в Париже в 1814 году (по материалам французской мемуаристики) // Заграничные походы русской армии 1813–1815 гг. (К 190-летию): Доклады академии военных наук. М., 2004. № 12. С. 39.

могли поймать на краже яблок в саду), то фураж, напротив, был одним из самых распространенных объектов краж³⁷⁶.

Подписание мира в 1815 г. ознаменовало для французов завершение долгой череды войн, после чего наступило время экономического и демографического восстановления страны. От быстроты восстановления французской экономики, помимо прочего, зависело снабжение оккупационной армии, сроки самой оккупации, определявшиеся тем, как скоро Франция выплатит положенную контрибуцию, и отношение местного населения к оккупационным войскам. Между тем, ситуация в экономике была крайне сложной: многие крестьяне просто разбежались из деревень³⁷⁷ и зима 1815 г. всем грозила голодом. Поэтому еще в августе 1815 г. французское правительство поручило местным властям убеждать крестьян вернуться к своим хозяйствам, обещая защиту от чрезмерного на них давления³⁷⁸. Соответственно и командование российского корпуса строго воспрещало своим подчиненным какое бы то ни было вмешательство в хозяйственную деятельность местных жителей. Воронцов в своих приказах неоднократно предупреждал, что будет строго наказывать даже за небольшие проступки, если они наносят вред хозяйству французов. Строжайше запрещалось топтать поля³⁷⁹ и разорять сады. Отдельными приказами объявлялись начало и конец сезонов охоты, за рамками которых охота строго запрещалась. Также запрещалось использовать взрывчатые или ядовитые вещества для добычи рыбы.³⁸⁰ Даже переселяться из дома в дом настоятельно не рекомендовалось в период сбора урожая, так как хозяева, испытывая на первых порах недоверие к новому постояльцу, вынуждены будут оставлять для присмотра за домом одного из членов семьи, лишаясь в поле пары

³⁷⁶ См. например РГВИА. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 3. Л. 161, 178.

³⁷⁷ Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1816-1818). P. 69.

³⁷⁸ Roger A. Op. cit. P. 36.

³⁷⁹ К. Хэйнс в качестве примера привела подсчет ущерба от вытаптывания одного поля во время маневров в Арденнах в октябре 1816 г., он составил 2700 франков (Haynes C. Op. cit. P. 79).

³⁸⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 56, 80, 117, 132, 134.

рабочих рук³⁸¹. В сущности, этими приказами командир корпуса продолжал ту линию поведения, которой ранее следовало командование всей русской армии. Так, 14 июля 1814 г. Барклай-де-Толли издал приказ, запрещавший солдатам мешать крестьянам в полевых работах, а 19 июля государь даже приказал нижним чинам помогать местным жителям³⁸². Генерал И. В. Сабанеев, возвращаясь в сентябре 1815 г. со своей дивизией в Россию и проходя через немецкие земли, жаловался Воронцову: «...Корпусный мой командир, да и само главное дежурство взяли за правило не делать ничего для выгод армии и все для жителей. Лишняя подвода есть криминальное преступление»³⁸³.

Помимо материальных проблем, имелись и другие поводы для конфликтов местного населения с оккупационными войсками. Поэтому эффективное функционирование системы правосудия, занимавшейся разрешением подобных коллизий, имело особое значение, поскольку ее сомнительное, на взгляд одной из сторон, решение могло спровоцировать новые разногласия.

В российской историографии способы поддержания дисциплины, применявшиеся в оккупационном корпусе, в частности военно-полевым аудиториатом, нередко трактуются как воплощение личных идей Воронцова о правильных методах контроля за подчиненными. Исследователи обращают внимание на его, необычное для того времени, гуманное отношение к солдатам и стремление к упразднению привычного для российской армии патернализма³⁸⁴. Справедливости ради заметим, что впервые мнение это было высказано не историками, а современниками Воронцова: многие влиятельные в армейских кругах лица с неодобрением высказывались о чрезмерном «свободонравии» графа, которое, по их мнению, развращало

³⁸¹ Там же. Л. 132.

³⁸² Отечественная война и русское общество. С. 140.

³⁸³ Архив князя Воронцова. Т. 39. С. 403.

³⁸⁴ См., например: Захарова О.Ю. М.С. Воронцов - командующий Русским оккупационным корпусом во Франции. С. 151; Годунов В. Королев А. Указ. соч. С. 163.

солдат³⁸⁵. Позднее один из будущих декабристов – Д. И. Завалишин – вспоминал: «В солдате признаны были достоинства и требования человека; обращение с ними начальников переменялось радикально, новые отношения начальников к нижним чинам – честность, справедливость, заботливость, гуманность, даже учтивость в отношении к ним – появились на практике и, сделавшись общими в корпусе Воронцова, остававшегося во Франции долгое время, достигли своего идеала в старом Семеновском полку»³⁸⁶.

Тем не менее, общая логика событий все-таки свидетельствует о том, что, если Воронцов и придерживался каких-либо либеральных воззрений, то, во-первых, отнюдь не стремился к излишне активному реформированию существовавших правил во вверенных ему подразделениях, а во-вторых, сам действовал в условиях достаточно жестких рамок военной дисциплины. Более того, известно, что еще в 1815 г., будучи командиром 12-й пехотной дивизии, он активно высказывался о необходимости минимизировать традиционные телесные наказания³⁸⁷. Поэтому выбирая Воронцова в качестве командира, Александр I скорее всего знал о его убеждениях. Сам же граф, отчитываясь перед императором о системе наказаний в корпусе, ссылаясь на «Правила кротости и человеколюбия в обхождении с нижними чинами», изданные при поддержке Барклая-де-Толли³⁸⁸.

Военный суд корпуса руководствовался в своей работе принятым в российской армии военным уставом, выдержки из которого Воронцов распорядился отдельно распечатать и распространить среди солдат для более подробного ознакомления³⁸⁹. Решение о параллельном функционировании на оккупированной территории нескольких правовых систем: французской для гражданского населения и соответствующих национальных для подразделений оккупационной армии – должно было обеспечить разумный

³⁸⁵ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 92-95.

³⁸⁶ Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов – один из «энергичнейших и культурнейших администраторов» // Военно-исторический журнал. М., 2004. № 11. С. 64.

³⁸⁷ Некоторые правила для обхождения с нижними чинами в 12-й пехотной дивизии // Русский архив. 1877. № 6. С. 168.

³⁸⁸ РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 164. Св. 13. Л. 179.

³⁸⁹ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 62-68.

паритет: каждая сторона гарантировала, что будет строго наказывать нарушителей общественного спокойствия со своей стороны. По этой причине любые упреки в необъективности того или иного суда выглядели как оскорбление одной из сторон. Чтобы минимизировать подобные разногласия полковым следственным комиссиям было предписано обязательное сотрудничество с представителями местных администраций в расследовании преступлений.

Документы следственных комиссий, сохранившиеся в российских архивах, не дают оснований говорить о какой-либо снисходительности к правонарушителям из числа военнослужащих, хотя случаи оправдания обвиняемых в силу недостатка улик или отсутствия свидетелей действительно имели место. Более того, нередко приговоры, выносившиеся военно-полевыми судами и утвержденные командиром корпуса, предполагали серьезный ущерб либо здоровью, либо служебной карьере обвиняемых. Так, приказ от 30 января 1816 г. содержал целый ряд приговоров: рядового, виновного в грабеже с насилием, расстрелять; второго рядового за участие в том же грабеже (очевидно, не он был инициатором) прогнать шпицрутенами через строй в тысячу человек три раза; унтер-офицера, виновного в пьяном буйстве в доме местных жителей, сопровождавшимся избиением хозяев и нанесением им увечий, разжаловать в рядовые, лишить военного ордена и прогнать сквозь строй из пятисот человек два раза³⁹⁰.

Подобных примеров в приказах по корпусу можно найти немало. М. В. Губина обратила внимание на то, что суровость наказаний, которым подвергались российские солдаты, нередко удивляла даже самих французов³⁹¹. Французский писатель Ф. С. Казэн в своих мемуарах сообщает: «Поведение русских на занимаемой ими территории редко давало повод для жалоб со стороны местных жителей; случались они в основном из-за

³⁹⁰ Там же. Л. 30.

³⁹¹ См., например: Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. С. 155.

непонимания или из-за воровства, к которому русские были очень склонны; но так как они почти не воровали ничего, кроме еды, хозяева перестали жаловаться³⁹², чтобы не навлекать на солдат наказаний, которые всегда были очень суровы». Чуть дальше он же кратко упоминает о том, как два русских кавалериста в 1816 г. были уличены офицером в преступлении (не уточняется каком – В.Б.), за которое французские законы вовсе не наказывают, и получили в наказание каждый по шесть тысяч ударов батогами³⁹³. Безусловно, такое количество палочных ударов за незначительное правонарушение вызывает сомнение. Вероятнее всего про простетвии десятилетий писательское воображение автора вместе с культурными стереотипами несколько приукрасили его воспоминания.

В чужой стране рядовые чины при ощущении опасности, будь она реальной или мнимой, нередко брались за оружие, что было чревато самыми опасными последствиями. По мнению Ж. Антрэ, солдаты, дважды вступившие во Францию победителями, неизбежно ощущали свое превосходство и порою крайне агрессивно реагировали на ситуации, которые могли так или иначе задевать их достоинство³⁹⁴. В таких условиях руководство корпуса выбрало, похоже, наиболее логичное решение заменить привычные неформальные наказания, применявшиеся в российской армии, на открытые уставные. То есть традиционный для армейской среды патернализм в отношениях старших и младших чинов должен был понемногу уступить место строгим уставным правилам, которые были объективны и одинаково суровы ко всем. Это должно было дать солдатам уверенность в том, что вне зависимости от их отношений с кем-то из командиров, любой, совершивший против них преступление, будет наказан в соответствии с законом, но только в том случае, если солдат обратится с формальной жалобой к вышестоящим чинам, а не будет чинить самосуд.

³⁹² В российских документах действительно свидетельства о расследовании случаев воровства продовольствия едва ли можно назвать многочисленными.

³⁹³ Cazin F.-S. Les Russes en France, souvenirs des années 1815, 1816, 1817. Avranches, 1880. P. 26, 35.

³⁹⁴ Hantraye J. Op. cit. P. 75.

На практике это выражалось в доведении до сведения всего личного состава корпуса тех решений, что выносил полевой аудиторiat после расследования преступлений, в выговорах руководителям подразделений за самовольное наказание солдат в полках без подтверждения командира корпуса и за недонесение начальству даже о самой мелкой конфликтной ситуации³⁹⁵. Все эти действия, как правило, сопровождались объявлениями о выполнении положенных обязательств: либо письмами на имя кого-то из представителей местной администрации с сообщением о том, что виновный в оскорблении местного жителя должным образом наказан, либо приказом по корпусу, извещавшим о том, что правонарушитель, оскорбивший кого-то из солдат, понес наказание по решению местного суда³⁹⁶, либо и вовсе публичным наказанием³⁹⁷. Таким образом, возмездие носило максимально открытый и показательный характер, чтобы все могли четко представлять себе последствия соблюдения или нарушения установленных правил.

Подобная открытость действий, очевидно, представлялась одним из способов сгладить противоречия солдат и гражданского населения. Практически все вопросы, имевшие одинаковое значение как для русских, так и для французов, должны были решаться с участием или, хотя бы присутствием, обеих сторон. И российское командование действительно не считало для себя унизительным приглашать уполномоченных от французской администрации к совместному расследованию преступлений, сообщать о наказаниях солдат, обидевших кого-то из мирных жителей, совместно следить за качеством поставляемого продовольствия и пр.

М. В. Губина в одной из статей цитирует, в частности, сообщение префекта департамента Нор, где, помимо прочего, говорилось, что руководство российского корпуса, в отличие от военачальников других армий, не только не запрещает наблюдать за проводимым им расследованием

³⁹⁵ См. например: РГВИА. Ф. 474. Д. 540. Л. 14, 120, 124.

³⁹⁶ Там же. Л. 50.

³⁹⁷ Мартовский номер газеты *La Narrateur de la Meuse* содержал заметку о том, что солдат, в октябре прошлого года ранивший помощника мэра, по приказу Воронцова публично наказан после соответствующего расследования. (*Le Narrateur de la Meuse*. 1816. № 895. 13 mars. P. 142)

преступлений, но, напротив, настаивает на присутствии при следствии представителей французской стороны³⁹⁸.

К своим подчиненным Воронцов был строг и, не сомневаясь, подписывал суровые приговоры за оскорбление кого-либо из гражданских лиц. Но взамен он требовал и от местных властей непременно гласного наказания для французов, совершавших преступления против русских, тем самым показывая вверенным ему подчиненным, что, если они будут четко следовать его правилам, он сможет их защитить. Так в октябре 1815 г. солдаты были уведомлены приказом, что двое местных жителей, убивших казака вблизи крепости Толь, осуждены на смертную казнь. Тем, кто не до конца понял смысл объявления, командир корпусного штаба М. И. Понсет пояснил, что такое решение свидетельствует о том, что «французское начальство не делает со своей стороны никакого послабления виновным»³⁹⁹.

По мнению С. Куто, тонкость этой проблемы была очевидна и для французских властей, боявшихся едва ли не больше, чем командование оккупационными войсками, агрессии местного населения против солдат, которая могла спровоцировать «благодетелей Франции» вновь взяться за оружие. Изучая документы архива департамента Нор, он обратил внимание на то, что, например, супрефект Дуэ несколько раз отправлял специальных «агентов» с целью изъять то оружие, которое гражданское население имело у себя дома. Один из номеров «Сына Отечества», ссылаясь на *Moniteur* сообщал о королевском указе от 22 июля 1816 г., согласно которому местные власти обязывались изъять у населения все имевшееся у того огнестрельное и холодное оружие с целью «прекращения непрерывных беспорядков ... и для снабжения оным национальной гвардии»⁴⁰⁰. Российской командование со своей стороны этим вопросом практически не занималось, предоставив действовать французской стороне. Исключением могли стать разве что те

³⁹⁸ Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. С. 157.

³⁹⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 10 об.

⁴⁰⁰ Первое прибавление к 32 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 64. С. 1.

случаи, когда очевидная угроза от вооруженных жителей исходила в отношении кого-либо из солдат. Например, в случае с несколькими рядовыми Смоленского пехотного полка, которые в октябре 1816 г. залезли ночью в один из местных садов чтобы нарвать груш. Хозяин сада услышал, что в его саду чужие, и выстрелил из ружья, прострелив дробью ногу одному из воришек. После этого командир полка получил приказ проследить, чтобы во всем селении у жителей забрали оружие⁴⁰¹. Между тем сами местные власти нередко сквозь пальцы смотрели на правонарушения со стороны местного населения⁴⁰².

Впрочем, вскоре Воронцову представился повод продемонстрировать не только добрую волю по отношению к французским властям, но и готовность отстаивать свои принципы. В середине 1816 г. был издан приказ по корпусу о том, что, вопреки объявленным ранее правилам не подвергать штатских военному суду, отныне всех французских правонарушителей надлежит доставлять в штаб корпуса⁴⁰³. Связано это было с тем, что прокурор города Авен отпустил двух французских таможенников, без достаточных причин, застреливших казака. Проблема состояла не только в самом факте подобного решения, а в том, что ранее это происшествие наделало немало шума, собрав многочисленных свидетелей как из числа солдат, так и из местных жителей⁴⁰⁴, а новость о произошедшем разнеслась по корпусу. Командованию необходимо было продемонстрировать действенность легитимных механизмов пресечения подобных конфликтов. Ситуация разрешилась тем, что недобросовестного прокурора сняли с поста, и гнев Воронцова несколько остыл. М. В. Давыдов к описанному конфликту

⁴⁰¹ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 162.

⁴⁰² Couteau С. Op. cit. P. 89.

⁴⁰³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 8 об.

⁴⁰⁴ Согласно итоговым рапортам, пятеро казаков, стоящих на почтовом этапе, узнали от кого-то из местных, что в соседнем селении продают хорошее сукно и поехали посмотреть, не зная, что село «не принадлежит к французскому владению». Купив некоторое количество ткани, они вернулись, спокойно пройдя таможенный пост. На следующий день солдаты решили обменять сукно, только в этот раз на обратном пути двое французских таможенников попытались их задержать и досмотреть. В итоге один из казаков был застрелен, а на звук выстрела сбежались и русские солдаты, и местные жители, которые сами же потом на допросе засвидетельствовали, что казаки не пытались первыми нападать и даже проявили готовность показать все, что у них было (РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 100–102).

добавляет еще один случай, который последовал практически сразу после него: неподалеку от таможни был убит русский артиллерист, Воронцов отправил туда две роты солдат, арестовавших всех таможенников вместе с командовавшим ими офицером и продержал их под стражей больше суток. В итоге всех арестованных отпустили, так как убийца среди них не нашлось, но в напутствие им граф добавил, что если бы русские сейчас сами нашли убийцу, то расстреляли бы его на площади (однако, к сожалению, ссылки на источник автор не приводит)⁴⁰⁵. Еще один показательный случай произошел в августе 1816 г. Получив известие, что некий трактирщик Гено позволил себе оскорбить старшего лекаря корпуса Фолли, командир немедленно обратился с жалобой к королевскому прокурору и «настоятельно рекомендовал» своим солдатам не появляться больше в этом заведении. «Рекомендация», правда, содержалась не в приказе по корпусу, а в отпечатанном объявлении на двух языках, чтобы не только солдаты, но и местные жители, могли его прочесть и сделать выводы⁴⁰⁶.

Ж. Брейяр после знакомства с документами французских региональных архивов отмечает, что Воронцов нередко обвинял французскую судебную власть в пристрастности и недостойном исполнении своих обязанностей⁴⁰⁷. Справедливости ради следует заметить, что подобные жалобы звучали не только из его уст. В июле 1817 г. комиссар полиции департамента Нор сообщил в Главный департамент полиции, что герцог Веллингтон нередко жалуется на то, что французские судьи недостаточно строги к правонарушениям со стороны мирных граждан, приводя в качестве примеров жалобы не только английских, но и саксонских солдат⁴⁰⁸. Очевидно, что повышенная лояльность французских судей к согражданам была характерна для всей зоны оккупации, а не только для ее русского сектора.

⁴⁰⁵ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 84.

⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 129.

⁴⁰⁷ Брейяр Ж. Воронцов в Мобёже... С. 139.

⁴⁰⁸ Письмо главного комиссара полиции в Камбре в управление полиции департамент Нор от 13 июля 1817 г. - AN. F. 7. D. 9900.

Впрочем, с французскими властями приходилось общаться не только Воронцову. И, как отмечает Ж. Брейяр, командиры среднего звена проявляли гораздо большую несговорчивость в таком диалоге. Уже в январе 1816 г., когда солдаты только начали размещаться по квартирам, премьер-министр герцог Ришелье через Поццо ди Борго обратился к Воронцову с жалобой на командира русской части в городе Бар (Бар-ле-Дюк – В.Б.), который не позволял французскому чиновнику занять пост главы службы признания, куда тот был назначен указом короля⁴⁰⁹. В апреле 1816 г. Воронцов сообщил о получении жалоб на то, что подчиненные ему офицеры арестовывают и даже наказывают местных жителей, несмотря на его строжайший запрет⁴¹⁰.

В сентябре 1818 г. дежурный штаб-офицер подполковник Попов был направлен в селение Савиньи (Savigny-sur-Aisne) округа Вузье, где квартировал эскадрон Кинбурнского драгунского полка, для расследования ряда жалоб. Подготовленный им рапорт содержит многочисленные детали, демонстрирующие специфику взаимоотношений русских солдат с представителями местной власти. Согласно поданной жалобе, с момента прибытия эскадрона в селение его командир, штабс-капитан Маивцев, отдал предназначенную ему в доме мэра квартиру женатому поручику Ношину, а сам поселился на другой квартире. Два дня спустя к поручику приехала сестра жены, которой понадобилась еще одна комната в доме, из-за чего детям мэра пришлось ночевать на чердаке.

Не устроили командира эскадрона и конюшни, которые французская администрация предоставила для драгунских лошадей. В итоге кони военных были помещены в конюшни местных жителей, которым пришлось забрать оттуда своих лошадей. Спор по этой жалобе показывает, что каждая из сторон имела свои причины проявлять неуступчивость: командир эскадрона жаловался на то, что им изначально предоставили конюшни с дырами в

⁴⁰⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 10.

⁴¹⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 77.

стенах, на что мэр возражал, что с эскадронам пришло в два раза больше лошадей, чем изначально оговаривалось.

Между тем, сообщал мэр, жители селения постоянно жалуются ему на то, что драгуны плохо обходятся с хозяевами, у которых встали на постой, нередко пускают в ход кулаки, забирают сено, но до того мэр командиру практически не жаловался, чтобы не беспокоить того по пустякам. И лишь когда неприятности коснулись его собственной семьи, тогда он и обратился с жалобой к высшему командованию.

Как-то раз сыновья мэра пришли домой и пожаловались квартировавшему у них поручику на то, что были избиты тридцатью (!) русскими солдатами. Однако поручик не только не выказал сочувствие пострадавшим, но приказал своим солдатам схватить их. Дети мэра вынуждены были спасаться бегством. И очень вовремя, поскольку вскоре к их дому прибыл сам командир эскадрона с вооруженными солдатами и приказал хозяину выдать сыновей...

Расследование показало, что причиной конфликта стала предполагаемая кража фуража. Все началось с того, что накануне к мэру пришел один из жителей селения и сказал, что у него украли сено из того сарая, где располагались драгунские лошади. Сын мэра убедил командира эскадрона пойти лично осмотреть место происшествия, и они отправились туда вдвоем. Прибыв на место, оба изрядно повздорили между собой. Сын мэра принялся эмоционально объяснять офицеру, откуда именно было украдено сено, крича, что сделали это, конечно же, русские. Командир эскадрона плохо владел французским и понял так, что сын мэра всех русских обозвал ворами. Завязалась драка, к участникам которой поспешило подкрепление: к командиру эскадрона – драгуны, к сыну мэра – его брат. Драгун в эскадроне было больше, чем сыновей у мэра, поэтому перевес оказался не на стороне французов. Изрядно поколоченные, сыновья мэра по дороге домой громко обсуждали происшедшее и без обиняков высказывали всё, что думают о русских. Через открытое окно их услышал тот самый

поручик, что квартировал у них доме. Он, вероятно, владел французским лучше, чем его командир, и хорошо понял, как отзываются два молодых француза о его собственной нации, чем и была вызвана его болезненная реакция на их обращение. Впрочем, после побега братьев продолжения ссоры не последовало.

Тем не менее, не прошло и недели, как мэру пришлось пережить еще одно «приключение». К нему во двор въехал на лошади драгун и выстрелил из пистолета (очевидно, в воздух). А тут еще со службы прибыл квартировавший здесь поручик Ношин и, как утверждал мэр, объявил, что ему нужен весь дом, а семья мэра может отправляться вон. В ходе расследования выяснилось, что выстрел из пистолета сделал драгун, проживавший здесь же при поручике (вероятно, денщик). Стрелял он просто для того, чтобы разрядить оружие, не думая никому причинить вреда. И жену мэра из дома никто не гнал. Просто она услышала, как поручик ругается с кем-то из слуг (вероятно, с употреблением обсценной лексики), и решила вместе с дочерьми уйти ночевать к родственникам.

На следующий день мэр вернулся домой (видимо, с работы) и обнаружил у входных дверей караул. Он поинтересовался у командира эскадрона, что бы это значило, и услышал от того, что ему ответят лишь после подписания им справки о «добропорядочном квартирании» эскадрона. В ходе расследования командир эскадрона подтвердил, что действительно установил караул у дома мэра, но причиной назвал то, что у семьи квартировавшего здесь поручика днем ранее после ужина разболелись животы, и они обвинили мэра в попытке отравления⁴¹¹.

Описанные в указанном рапорте несколько дней совместной жизни жителей небольшого французского селения и эскадрона русских драгун демонстрируют все трудности диалога между военными и гражданскими: и языковую проблему, и несговорчивость командиров среднего звена, и незащищенность мелких чиновников перед грубой силой.

⁴¹¹ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 786–792.

Между тем, сам Воронцов нередко получал хвалебные отзывы о дисциплине русских солдат от французских министров и местных властей⁴¹². Из того же Авена, менее чем через месяц после вышеописанного конфликта с хлебом супрефект 12 июля доложил министру полиции о том, что в округе царит полная гармония между русскими солдатами и населением, плохой хлеб из магазина убрали и обстановка успокоилась⁴¹³. Все эти примеры иллюстрируют сложность обстановки: с одной стороны, командование корпуса и французские чиновники обменивались любезностями в адрес друг друга и обещали блюсти взаимные интересы, с другой – командиры среднего звена и местные власти были настроены более приземленно и смотрели друг на друга с большей осторожностью. Однако надо признать, что далеко не всегда полицейские рапорты пестрили жалобами на поведение солдат; в них также нередко констатировалось, что отчетный период (неделя или месяц) прошел спокойно.

Наиболее показательным для разницы в отношении Воронцова и других офицеров к своим обязательствам перед французской стороной является вопрос офицерских долгов. В июле 1817 г. супрефект округа Авен пишет мэрам коммун о том, что Воронцов с нескрываемым осуждением сообщает о многочисленных жалобах местных жителей на русских офицеров, которые перед отправлением в Россию наделали больших долгов. Точной цифры в источниках не сохранилось, О. Ю. Захарова и В. А. Удовик в своих работах приводят цифру в 1,5 миллиона рублей⁴¹⁴. Из жалованья офицеров, согласно регламенту, на уплату долгов удерживалась треть суммы, но в таком случае пришлось бы ждать достаточно долго полного погашения задолженности⁴¹⁵. Исследователи биографии графа нередко упоминают о его решении выплатить эти долги из личных средств, продав имение Круглое

⁴¹² AN. F. 7. D. 9900; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 16.

⁴¹³ Письмо супрефекта округа Авен в главное полицейское управление от 12 июля 1817 г. - AN. F. 7. D. 9901.

⁴¹⁴ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. С. 156; Удовик В.А. Указ. соч. С. 109. С.В. Самойлова упоминает о том, что уже в 1814 г. после выхода из Франции Воронцов оплачивал долги своих солдат и офицеров (Самойлова С.В. Указ. соч. С. 125).

⁴¹⁵ ADN. F. 8R. D. 12.

Могилевской губернии, которое досталось ему от тетки Е. Р. Дашковой⁴¹⁶. Источником этих сведений, вероятнее всего, является опубликованная в «Русском архиве» за 1911 г. заметка с заглавием «Из Записной Книжки “Русского Архива”». Автор ее от первого лица рассказывает в нескольких словах об отношениях с С. М. Воронцовым (сыном М. С. Воронцова), что должно свидетельствовать о его близости с семьей графа, и в конце заметки сообщает, что офицеры за время оккупации наделали столько долгов, что Воронцов вынужден был для их уплаты продать то самое Могилевское имение⁴¹⁷. Однако в фонде семьи Воронцовых ОПИ ГИМ сохранилось дело № 1574 под заголовком «Бумаги о продаже господину Добржанскому Круглянского имения и о взыскании с него по заемным письмам 200 000 р. Предоплаченных за оное имение. Начато в 1820 г.». Помимо расчетных документов в деле сохранился и договор о купле-продаже имения между М. С. Воронцовым и Д. Н. Добржанским, датированный 16 апреля 1820 г.⁴¹⁸. Стоимость имения определялась в 610 тыс. рублей ассигнациями. Таким образом продал имение Воронцов через 1,5 года после ухода корпуса из Франции и за сумму гораздо меньшее, нежели упомянул В. А. Удовик. Более правдоподобно выглядят замечания С. В. Самойловой, которая писала о недовольстве Воронцова тем, что в период оккупации ему не платили «столовых денег», при этом жил граф в Мебёже на достаточно широкую ногу в том числе с целью «поддерживать честь мундира». В итоге из Франции Воронцов уехал с огромными долгами, которые и покрывал в дальнейшем за счет приданного жены и продажи Круглянского имения⁴¹⁹.

Положение русских оккупационных войск во Франции 1815–1818 гг. было весьма непростым и противоречивым. Наши солдаты воочию видели то страшное разорение, которому их собственную страну подвергли французы, а потому не могли питать к ним братских чувств и не испытывать искушения

⁴¹⁶ Будко А.В., Селиванов Е.Ф. Указ. соч. С. 64; Удовик. В.А. Указ. соч. С. 110; Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge. P. 312.

⁴¹⁷ Из записной книжки «Русского Архива» // Русский Архив. М., 1911. Т. 2. С. 320.

⁴¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 2. Д. 1574. Л. 8-16.

⁴¹⁹ Самойлова С.В. Указ. соч. С. 208.

отомстить. В свою очередь, у жителей Франции, испивших горькую чашу национального унижения от иностранной оккупации, имелись все основания ненавидеть иноземцев. Обоюдное недовольство находилось на высоком уровне, и даже небольшое недопонимание могло привести к локальным столкновениям. Тем не менее, тонкая и хорошо продуманная политика командования корпуса, направленная на снижение напряженности и на организацию взаимодействия, позволила избежать столь опасных последствий.

§ 2. Взаимоотношения местных жителей и русских военнослужащих

Культурно-историческая память, упрощая и эмоционально окрашивая исторические факты, превращает их в образы, понятные широким слоям населения. Образ русских солдат в целом и корпуса Воронцова в частности в этом смысле не стали исключением: как в российской, так и во французской памяти они фрагментарны и содержат несколько ключевых деталей, которые, как правило, сводятся к оценке поведения солдат во французских деревнях. Но и современники, и исследователи по-разному смотрели на них. Спектр их оценок варьируется от положительных до резко негативных.

Один из непосредственных участников взятия Парижа И. В. Лажечников с гордостью писал в своих воспоминаниях: «Хотя французы называют нас северными варварами, мы, однако же, можем похвалиться перед ними учтивостью: как скоро, как благородно оплачиваем им московское посещение!.. О мирном расположении наших воинов к французскому народу и милостивом с ним обхождении упоминать не нужно; пример государя священнейший закон для его подданных»⁴²⁰. А. К. Карпов, артиллерист, участник антинаполеоновской кампании, вообще считал, что на территории Европы русские солдаты вели себя намного лучше, чем в границах Отечества: «Между нашими солдатами не было за границею вовсе

⁴²⁰ Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. М., 2013. С. 52.

пьянства также и воровства. Даже жители удивлялись и хвалили русских за нравственность. Напротив, когда вступили в свои границы, то открылось между солдат воровство и пьянство, драки с мужиками, чего за границей вовсе не было слышно, причина тому есть то, что солдат, бывши за границей, гораздо лучше был содержан, нежели в своем отечестве, от чего открылись побеги, при том по вступлении в Россию взяли за строгость более, нежели за границей, во время заграничных походов, при том самое изнурительное для людей ежедневное ученье и не редко с жестоким наказанием, от чего много стало больных и была смертность»⁴²¹. Михайловский-Данилевский в своих воспоминаниях еще более поэтичен: «Французы были в восхищении от Русских. Мэр или городничий одного города сказывал мне, что обыватели окружных селений просили его из милости помещать к ним постоем Русских, предпочтительно перед другими союзниками»⁴²². А подполковник А. И. Пирожников, автор истории Новоингерманландского полка, опубликованной через 100 лет после описываемых событий, отмечал, что «стоянка полка во Франции была обставлена благоприятными условиями: все необходимое доставлялось аккуратно, жители были войсками довольны и относились к ним, не высказывая недоброжелательства»⁴²³. Советский же историк А. И. Молок в своих лекциях на курсе всеобщей истории в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), говоря об оккупации, приводил другие факты, не ссылаясь, правда, на источник своих сведений: «Оккупанты совершали жестокие насилия над населением, сжигали промышленные предприятия, уничтожали посеы...»⁴²⁴.

При рассмотрении этих мнений необходимо учитывать три наиболее значимых фактора. Во-первых, оценка «поведения русских во Франции» как правило относится ко всему периоду присутствия русской армии во

⁴²¹ Карпов А.К. Записки полковника Карпова: 1807-1837. Витебск, 1910. С. 27.

⁴²² Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов. С. 114; Годунов В., Королев А. Указ. соч. С. 162, 169.

⁴²³ Пирожников А.И. Указ. соч. С. 185.

⁴²⁴ Молок А.И. Венский конгресс и Священный союз. Франция в период реставрации Бурбонов (1815–1830 гг.). Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1949. С. 17.

французских границах. Между тем необходимо разделять события 1814 и 1815–1818 годов. С этой точки зрения представляется интересным сравнить мнения А. И. Михайловского-Данилевского, лично участвовавшего в событиях и имевшего возможность непосредственно наблюдать за настроениями остальных участников, и А. Роже, реконструировавшего и исследовавшего эти события по прошествии века. Михайловский-Данилевский в своих воспоминаниях находит разницу этих периодов в том, что «Победою при Ватерлоо и движением всех Союзных армий к Парижу Бурбонам был возвращен престол, следственно не по единодушному желанию народа, как в прошлом году (1814 – В.Б.), но по воле Союзных монархов. От того возник дух междуусобиц, распрей и вражды даже в семействах, раздиравший в 1815 г. Париж»⁴²⁵. Француз А. Роже объясняет происходившее несколько иначе: в 1814 г. враги-победители вторглись в побежденную страну и навязали ей условия, соответствующие обычным законам войны; а в 1815 г. союзники вступили на территорию Франции и вели себя как ее хозяева⁴²⁶. Более того, А. Роже посвятил свое исследование событиям лета-осени 1815 г., совершенно логично отделяя их от периода конца 1815–1818 гг. подписанием Парижского мирного договора от 20 ноября 1815 г.

При явном различии мнений оба автора сходятся в одном – победа над французской армией в 1815 г. дала военным армий союзных государств гораздо больше уверенности в своих силах и своих правах. Следуя этой логике, победители в 1815 г. должны были вести себя еще более жестко по отношению к гражданскому населению, чем ранее. Однако развитие событий в 1814 г. подчинялось законам военного времени: более высокий уровень агрессии во взаимоотношениях между участниками, постоянное передвижение войск по территории и, соответственно, меньшая ответственность каждого отдельного подразделения за поведение в той

⁴²⁵ Михайловский-Данилевский, записки 1814–1815. С. 152.

⁴²⁶ Roger A. Op. cit. P. V.

местности, в которой ему предстоит провести считанные дни, если не часы. Вторая же оккупация, начавшаяся осенью 1815 г. и регулировавшаяся условиями мирных договоров, проходила по законам мирного времени, что заметно сокращало долю насилия во взаимоотношениях сторон и переводило их внимание на вопросы бытового благоустройства и повседневного взаимодействия. Если в период военных действий 1813–1814 гг. местные власти активно призывали гражданское население к вооруженному сопротивлению иностранным войскам⁴²⁷, то с наступлением мира эти же власти вместе с оккупационным командованием, напротив, активно изымали оружие у своих сограждан⁴²⁸.

Помимо разницы в ситуации 1814 и 1815 гг., существовали различия и в характере отношений между местными жителями и военнослужащими каждого из союзнических контингентов. Чаще всего историки сравнивают поведение русских и прусских солдат по отношению к местным жителям. Б. Менаже, например, высказывается в пользу русских, цитируя донесения жандармов и супрефекта о том, что военнослужащие этого контингента поддерживают хорошие отношения с местными жителями. Он отмечает также, что русское командование отличалось от остальных, прежде всего англичан, меньшей требовательностью к комфорту для солдат⁴²⁹. С ним согласен и П. Рэн⁴³⁰. Полковник Левенштерн в своих воспоминаниях, выражаясь по-солдатски, говорил, что «пруссаки смотрели на каждый французский город как на дойную корову»⁴³¹. А вот Ж. Брейяр, напротив, приводит цитаты из докладов мэров Ландреси и Форета о том, что жители этих городов после прихода русских пожалели об уходе пруссаков⁴³².

⁴²⁷ См., например, Dry A. Reims en 1814. Pendant l'invasion. Paris, 1902. P. 135–136.

⁴²⁸ Hantraye J. Op. cit. P. 46.

⁴²⁹ Ménager B. Op. cit. P. 14.

⁴³⁰ Rain P. Op. cit. P. 283.

⁴³¹ Mémoires du général-major russe Baron de Lowenstern (1776-1858). P. 457.

⁴³² Breuillard J. Les Russes envahisseurs... P. 84. В этой же статье он приводит достаточно подробный доклад командира жандармов департамента Арденны министру полиции в январе 1816 г.: «Если пруссаки вели себя очень грозно по отношению к населению, то русские еще более устрашающи. Они продают свои пайки, а затем идут столовать по домам; потребление алкоголя такое, что некоторые требуют его по два литра в день; перо отказывается перечислять все преступления, которые совершаются в кантонах. Сообщают, что в округе

И наконец, необходимо учитывать ответственность обеих сторон за успех в налаживании этих отношений. Как правило, исследователи чаще делают акцент на поведении военных по отношению к мирному населению, однако очевидно, что настроения гражданских определяли ситуацию в неменьшей степени, что, безусловно, абсолютно ясно осознавалось и командным составом русского корпуса.

Для основной массы российских чинов на протяжении всего периода оккупации наибольшее значение имели две адаптационные проблемы: адаптация к мирному времени после многолетних военных действий и адаптация к чужому культурно-языковому пространству.

Российский историк Е. С. Сеньявская в 1995 г. достаточно подробно проанализировала проблему послевоенной адаптации в своем историко-психологическом исследовании, посвященном фронтовому поколению Великой Отечественной войны. По ее мнению, на войне все заметно упрощается, становится более однозначным, социальные роли определяются гораздо точнее, мир делится на врагов и союзников. Поэтому после простоты и четкости мироощущения военного времени солдатам труднее ориентироваться в проблемах мирной жизни, где есть не только друзья и враги и где ставшие уже привычными на войне методы достижения цели запрещены законом⁴³³. Российские исследователи военной психологии А. Г. и Ю. М. Караяни в одной из своих статей даже говорят о травмирующем воздействии проблем мирной жизни на людей с «обнаженной», незащищенной психикой, какими являются ветераны войны⁴³⁴. Несмотря на то, что для солдат оккупационной армии во Франции в 1815 г. война была еще не вполне закончена, тем не менее модели поведения военного времени

Рокруа представителей власти унижают и оскорбляют при исполнении ими своих функций, мэры отказываются от своих постов, люди переезжают в деревни, на женщин и девушек открыто нападают и заставляют удовлетворять солдатскую жестокость. Такие же беспорядки имеют место и в округе Вузье...» (Р. 70).

⁴³³ Сеньявская Е.С. 1941–1945: фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 15.

⁴³⁴ Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. Челябинск, 2014. Т. 7. № 4. С. 61.

фактически уступали место тем, что приняты в мирное время, причем контроль за поведением существенно усиливался.

Ж. Антрэ также немало внимания уделяет различным психологическим механизмам, которые оказывали непосредственное влияние на взаимоотношения военных и гражданского населения. Он приходит к выводу, что в ситуации военной оккупации при взаимодействии солдат и мирного населения на бытовом уровне многие привычные объекты или поступки приобретали важное символическое значение⁴³⁵. Это существенно осложняло и без того непростые обстоятельства повседневной жизни русских солдат во Франции.

Вторая проблема стояла не менее остро. В рассматриваемый период знания русских солдат о большей части Европы были крайне скудны, иностранных языков основная часть нижних чинов не знала. Поэтому и без того непростые отношения значительно осложнялись взаимным непониманием.

В немалой степени эти же два условия определяли отношение к складывавшимся обстоятельствам и у местного населения. Длительный период политической и экономической нестабильности, казалось бы, должен был завершиться вместе с войной, однако обязательства по выплате контрибуции, неурожай, вызванный непогодой, и очевидная для всех зависимость вернувшегося на трон короля от поддержки европейских монархов ставили французов в очень сложное положение.

Кроме того, как для русских, так и для французов формальное окончание войны означало еще и достаточно быструю смену приоритетов, к тому же определявшуюся не собственными убеждениями, а распоряжением властей. Наполеон в своей пропаганде на протяжении достаточно длительного времени формировал негативный образ русских, призывая

⁴³⁵ Hantraye J. Op. cit. P. 30.

местное население к активной борьбе с ними⁴³⁶. С другой стороны, несмотря на то что российское командование старалось сдерживать своих подчиненных от агрессии по отношению к мирному населению, для настроения русских солдат, как минимум в 1814 г., было характерно желание отомстить за сожженную Москву, отмечает российский историк Н. Н. Ауорова, ссылаясь на письма К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу⁴³⁷. Таким образом складывавшиеся обстоятельства были крайне непростыми для всех участников событий: и перед русскими солдатами, и перед французами стояла необходимость выстраивать диалог с тем, кто еще совсем недавно был врагом.

К счастью, недавнее и ожесточенное противоборство не привело к возникновению у французов и русских глубокой ненависти друг к другу. Отчеты офицеров и местных властей о правонарушениях, совершавшихся как солдатами, так и гражданскими, не создают ощущения существования межнациональных противоречий. В основном причиной конфликтов были бытовые проблемы.

К. Хэйнс, посвятившая свое исследование социальным аспектам истории присутствия иностранных войск на французской территории в 1814-1818 гг., сознательно сделала акцент на проблемах взаимоотношений населения с военными разных наций, входивших в оккупационную армию, не выделяя из них какую-то одну. Приведенные ею факты показывают, что национальная специфика поведения солдат если и проявлялась, то не имела определяющего значения. На всей оккупированной территории для военных разных наций наибольшее значение имели одни и те же проблемы, касающиеся, прежде всего, бытовой сферы.

В силу того, что, по условиям мирного договора 1815 г., основная масса гражданского населения была освобождена от прямого участия в

⁴³⁶ Подробнее см.: Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016; Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М., 2019.

⁴³⁷ Ауорова Н.Н. Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.: социо-культурный аспект. М., СПб., 2015. С. 102.

снабжении солдат союзной армии всем необходимым, материальные обязательства военнослужащих и местных жителей друг перед другом были минимальны. Проблемы и разногласия, связанные с обеспечением корпуса, касались либо тех жителей, которые принимали солдат в своих домах, либо тех, кто в качестве подрядчика заключал договор на поставку каких-либо товаров. Кроме того, оставался небольшой перечень услуг, которые жители должны были оказывать непосредственно, например, работа в госпиталях или ремонт казарм. Поэтому, в сущности, выполнение условий мирного договора было преимущественно проблемой властей, а основная часть населения участвовала в содержании оккупационных войск, лишь выплачивая налоги. Непосредственные же отношения военнослужащих и населения определялись, скорее, не взаимными обязательствами, а необходимостью жить бок о бок.

Для командования корпуса отношения с подрядчиком, по замечанию Ж. Брейяра, были сплошной головной болью. Жалобы на некачественные или несвоевременные поставки высказывались постоянно как корпусным командованием, там и местными властями⁴³⁸. Разбирательство из-за плохого качества хлеба, поставленного летом 1817 г. в Авенском округе, дошло даже до военного министра Франции. Воронцов пригрозил, что отправит солдат собирать хлеб по домам жителей, если ничего не изменится, на что получил многочисленные просьбы повременить с жесткими мерами и заверения в желании уладить все миром⁴³⁹.

Впрочем, недобросовестность поставщиков была характерна не только для Франции, но и практически для всех стран континента. За время Революционных и Наполеоновских войн, продолжавшихся без малого четверть века, она стала буквально притчей во языцех. Так, полковник Ф. К. Затлер описывал, как во время пребывания его части в Варшаве расследовались махинации с поставками муки, в мешки с которой оказались

⁴³⁸ AN. F. 7. D. 9901.

⁴³⁹ Ibidem.

подмешаны песок и глина⁴⁴⁰. Он же упоминал о том, что в российской армии существовало давнее правило, по которому военнотружущие непременно раз в месяц проверяют магазин, откуда производятся поставки, чтобы держать ситуацию с ними под постоянным контролем⁴⁴¹.

Но и после окончания войны оккупационным войскам приходилось сталкиваться с той же проблемой. Ж. Брейяр приводит в пример сообщение заместителя префекта мэру Мобёжа в марте 1817 г. о том, что некий торговец из Сент-Омера поставил муку с таким количеством песка, что испеченный из нее хлеб нельзя разжевать⁴⁴². Такие же ситуации имели место и с другими товарами. Широкий резонанс получил конфликт в декабре 1815 г. с военным комиссионером Эриксом. Его обвинили в принятии большой партии непригодного сукна и материала для сапог⁴⁴³ и в итоге после длительного разбирательства разжаловали в рядовые без выслуги⁴⁴⁴. Ровно через год по той же причине комиссионера 8 класса Шутенкова приговорили к разжалованию на десять лет в солдаты и компенсации ущерба через продажу имения⁴⁴⁵.

Помимо плохого качества продовольствия российские военные периодически сталкивались с тем, что товары вообще могли быть не поставлены либо поставлялись с большим опозданием⁴⁴⁶. В декабре 1816 г. командир полка, полковник Тизенгаузен, даже получил выговор с оглашением по корпусу за то, что одна рота из его полка два месяца подряд

⁴⁴⁰ Затлер Ф.К. Записки о продовольствии войск в военное время. СПб., 1860. Ч. 2. С. 26.

⁴⁴¹ Там же. С. 25.

⁴⁴² Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобёже. С. 135.

⁴⁴³ Суд и следствие над ним получилось крайне эмоциональным, судя по некоторым подробностям, которые сообщал Воронцову А.А. Закревский. В июле 1816 г. он написал, что Эрикс «бежал в Берлин и оттуда прислал к Государю письмо, в коем между прочим пишет, что за то его обвинили, что он не хотел заплатить 20 т. Франков, требуемых от него адъютантом Васильковским и комиссионером, от него принимавшим вещи» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 271). Только в конце сентября 1816 г. Закревский сообщил, что Эрикса наконец поймали в Берлине и посадили на гауптвахту, откуда он «ко всем пишет и объясняет свою невинность самыми гнусными отзывами и писал также и к графу Аракчееву» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 277).

⁴⁴⁴ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 42.

⁴⁴⁵ Там же. Д. 540. Л. 164.

⁴⁴⁶ Письмо супрефекта Дуэ префекту департамента Нор без точной даты (1817 г.) / AN. F. 7. D. 9901.

не получала муки⁴⁴⁷. Тогда в ряде случаев солдаты стали использовать «обходной маневр»: они делали покупки в магазинах и записывали их на счет подрядчиков. Узнав об этом, вероятнее всего, по жалобам тех самых поставщиков, Воронцов распорядился донести до сведения солдат, что подобные действия строго запрещены. Согласно условиям союзного договора, покупать на счет подрядчиков могли либо мэры, либо французские чиновники. Только в случае отказа и тех, и других, солдаты могли собрать все, что им положено, у местных жителей⁴⁴⁸, и только в случае, если вопрос не касался алкоголя.

Впрочем, не все проблемы во взаимоотношениях между военнослужащими и местным населением были связаны с недобросовестностью поставщиков. Свою роль играли и культурные различия. В частности, о чем упоминает в своей книге Ж. Антрэ, привычка русских выбрасывать в процессе приготовления пищи большое количество отходов, например, при готовке овощей, раздражала французов, которые старались максимально всё использовать пищу⁴⁴⁹.

В самом корпусе также имели место злоупотребления при распределении полученного от французской стороны. В приказах Воронцова периодически фигурируют обвинения подчиненных ему должностных лиц в приписках с целью получения дополнительных продовольственных порций. Так, в марте 1816 г. унтер-офицер 10-го егерского полка по фальшивому требованию получил 50 мясных порций, вероятно, с целью дальнейшей их перепродажи⁴⁵⁰.

Для французов особенно болезненным вопросом была обязанность поставлять оккупационным войскам дрова для отопления и дерево для ремонта казарм. Нехватка древесины ощущалась очень остро⁴⁵¹. Военных

⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 162.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 143.

⁴⁴⁹ Nantraye J. Op. cit. P. 74.

⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 58.

⁴⁵¹ Там же. Л. 123, 163 об.

нередко обвиняли в ее неэкономном расходовании. В октябре 1816 г. командир одной из артиллерийских рот, подполковник Пустошкин, даже чуть не попал под суд за то, что «лишние дрова, оставшиеся за отоплением казарм, были применены на другие предметы»⁴⁵².

Алкоголь на протяжении всей оккупации также оставался одной из наиболее распространенных причин конфликтов между военными и гражданскими. Конфликты возникали как из-за его потребления, так и из-за его поставок. Запасы спиртных напитков должного качества (как, впрочем, и других товаров) оказались в послевоенной Франции достаточно ограниченными: когда изначально оговоренного для поставок вида водки стало не хватать, ее пришлось даже заменить другим. К тому же, периодически пытались жульничать с качеством и этого товара. С другой стороны, солдаты сами нередко пытались тайно продавать свои винные порции местным жителям. Так, в январе 1816 г. командир 3-й роты Якутского полка попал под арест за то, что его солдаты сначала договорились с администрацией селения Шини, что получают винную порцию не натурой, а деньгами, чтобы потратить те на ремонт амуниции, а потом потребовали эту порцию непосредственно у жителей⁴⁵³.

Еще одним участником постоянных конфликтов с военными была, как уже отмечалось, таможенная служба. С одной стороны, провоз контрабанды действительно был одним из самых распространенных правонарушений со стороны солдат. Возили они чаще всего табак, соль и сахар. В июле 1816 г. капитан Новоингерманландского полка попал под арест за то, что «выписал из-за границы» 200 фунтов табака и приказал провезти его через таможенную службу как принадлежащий солдатам⁴⁵⁴. В ноябре 1817 г. казаки были пойманы за попыткой провезти более ста фунтов сахара и на допросе показали, что делают это не впервой⁴⁵⁵. С другой стороны, конфликты нередко возникали

⁴⁵² Там же. Л. 149.

⁴⁵³ Там же. Л. 11.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 123.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 58 об.

из-за взаимного непонимания между таможенниками и военными. Иногда обвиненные в контрабанде оправдывались тем, что не поняли требований таможни. И так происходило не только с нижними чинами. В декабре 1816 г. случился конфликт между таможенниками и вышеупомянутым командиром артиллерийской бригады подполковником Пустошкиным, дрожки которого они попытались обыскать по дороге между городами. Таможенники обвинили офицера в том, что он отказался показать содержимое своей телеги, попытался уехать и попутно их обругал. Сам же Пустошкин оправдывался тем, что французского языка не понимает и потому не понял, что «дуанщики» (от французского слова douane – таможня) от него хотят. Обругать же кого-то он за незнанием языка просто не мог⁴⁵⁶.

С целью предотвращения подобных конфликтов, вызванных незнанием языков, к штаб-квартирам казацких полков были прикомандированы специальные офицеры для помощи в отношениях с французским земским начальством: к полку Гревцова – адъютант гвардии штабс-ротмистр Муравьев, к полку Ягодина – адъютант гвардии подпоручик Полтарацкий⁴⁵⁷.

Иногда военных просто раздражала дотошность и бесцеремонность французских служащих таможни. В январе 1816 г. Воронцов получил от Поццо ди Борго письмо с выражением ему благодарности от французского министра финансов за меры, предотвращающие провоз контрабанды военнослужащими корпуса. Но в этом же письме министр жаловался на казаков, которые мешают таможенникам осуществлять их обязанности⁴⁵⁸. Другие французские министры также периодически присылали Воронцову письма, жалуясь на агрессию со стороны его подчиненных в отношении таможенников⁴⁵⁹. Возможно, в этих жалобах имелась и определенная доля преувеличения. Так, в одном из подобных рапортов таможенники оценили поведение русских как беспричинно агрессивное, когда те ответили

⁴⁵⁶ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 208.

⁴⁵⁷ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 13.

⁴⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 11.

⁴⁵⁹ Там же. Д. 2463. Л. 6.

категорическим отказом служащим «таможенного бюро», давшим понять проходившим мимо солдатам, что желают их досмотреть⁴⁶⁰.

Почву для конфликтов создавала здесь сама специфика французского таможенного законодательства, которую «Вестник Европы» описывал следующим образом: «Француз не может выехать за двадцать миль из Парижа, не взявши пропускного вида у полицейского чиновника, отправляясь даже за город для утренней прогулки, у заставы подвергается он досмотру, не везет ли с собою хлеба, или бутылки вина, или вообще какой-нибудь вещи, за которую следует взискать пошлину в пользу городских доходов. Англичанин весьма бы рассердился, если бы какой-нибудь сборщик или слугитель приближался к коляске его с подобным намерением»⁴⁶¹. Тем более такие претензии возмущали русских военных, на которых, согласно мирному договору, юрисдикция французских законов, в целом не распространялась. М. А. Давыдов, правда без точной ссылки на источник, отмечает: «Воронцов писал Закревскому, что казаки с трудом понимают, почему провезти табак через границу – преступление»⁴⁶². Чтобы избежать конфликтных ситуаций, Воронцов в приказах по корпусу даже давал перечень тех вещей и предметов одежды, которые таможенники имеют право осмотреть⁴⁶³. Приказ же его от 7 декабря 1816 г. описывает и вовсе комичный казус. Ротный командир отправил девять рядовых во главе с унтер-офицером в соседнее село за солью и сахаром, но при этом не обозначил четко, в какое именно селение им нужно идти. Солдаты, плохо зная дорогу и сами того не ведая, пересекли границу, закупили сто фунтов соли и два фунта сахара в голландском селении и на обратном пути были задержаны таможенниками как контрабандисты. Закончилось все ссорой, жалобой таможенников

⁴⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁴⁶¹ Вестник Европы. 1821. № 13 (1 июля). С. 150.

⁴⁶² Давыдов М.А. Указ. соч. С. 84.

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 121, 166.

Воронцову и арестом ротного, проявившего подобную неосмотрительность⁴⁶⁴.

В документах за этот период нет упоминаний о столкновениях между русскими и французскими военными, которых удалось избежать благодаря тщательным превентивным мерам. Согласно мирному договору, контингенты оккупационной армий не должны были располагаться в одном городе с французскими частями. Так, в феврале 1816 г. граф Воронцов получил копию депеши герцога Ришелье графу Поццо ди Борго с просьбой ускорить возвращение к войскам выздоровевших русских солдат, которые не спешат покидать госпиталь в городе Шалонь. Правительство собиралось разместить там подразделение французской армии, но местные власти, опасаясь потасовок между солдатами двух армий, не пускало в город французских военных, пока не уедут русские⁴⁶⁵.

Столь же осторожным было и отношение французской прессы, особенно региональной, к присутствию иностранных войск на территории страны. В период правления Наполеона периодическая печать стала главным средством информационного влияния на общественное мнение. В описываемый период многие департаменты Франции имели хотя бы по одному собственному периодическому изданию. Однако значительная часть публикуемого на местах материала, как и прежде, перепечатывалась из парижских изданий.

Обращает на себя внимание та сдержанность, с которой в прессе подавалась информация обо всём, связанном с оккупационными силами⁴⁶⁶. Яркий тому пример – *Journal du Département du Nord*, ежедневная газета департамента Нор, на территории которого были размещены контингенты английской, русской и датской армий. Несмотря на то, что архивные

⁴⁶⁴ Там же. Л. 163 об.

⁴⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 14.

⁴⁶⁶ См. Болт В.С. Корпус М.С. Воронцова на страницах региональной французской прессы 1815–1818 // Запад, Восток и Россия: Историческая память: генезис и проблемы преемственности: Вопросы всеобщей истории: сборник научных и учебно-методических трудов: ежегодник / Уральский государственный педагогический университет; под редакцией В. Н. Земцова. Екатеринбург, 2020. Вып. 23. С. 24–30.

документы полны свидетельств о различных проблемах, с которыми сталкивались жители оккупированных районов, издание не часто сообщало подробности пребывания во Франции иностранных войск, хотя в каждом номере традиционно отводилась колонка для новостей из соседних государств, которым эти войска принадлежали.

Впрочем, даже эти немногочисленные заметки о тех или иных событиях, связанных с иностранными войсками, отличались краткостью. Так, 18 января 1816 г. констатировалось, что части оккупационной армии, в том числе и русский корпус, заняли предусмотренные для них крепости и на протяжении всей оккупации будут находиться в боевой готовности⁴⁶⁷. Несколько дней спустя появилось сообщение о том, что вошедшие в состав корпуса немецкие военнослужащие отправятся по домам⁴⁶⁸. Излагая все эти факты, газета их никак не комментировала.

В номере от 31 января 1816 г. была перепечатана заметка из *Journal de Paris* о назначении барона В. И. Левенштерна комендантом Живе. В отличие от других сообщений о русском корпусе, сжато излагающих факты, здесь приводился отрывок из письма Воронцова об этом назначении. Командир корпуса отмечал, что барону доверяется забота не только о русских солдатах, но и о населении, немало пострадавшем в ходе предшествующих событий. В продолжение заметки ее авторы напоминали читателям, что барон Левенштерн до этого уже командовал русским гарнизоном в Витри, после чего жители города преподнесли ему шпагу в благодарность за его заботу о поддержании добрых отношений между гражданскими и военными⁴⁶⁹.

Опубликованное сообщение перекликается с теми объявлениями, которое командование корпуса делало для личного состава. Следуя общей стратегии поддержания мирных отношений между войсками и гражданским населением, Воронцов и его штаб в своих приказах периодически отмечали те или иные действия местных властей как знак уважения к русским военным

⁴⁶⁷ Journal du département du Nord. 1816. № 18. 18 janv. P. 70.

⁴⁶⁸ Journal du département du Nord. 1816. № 22. 22 janv. P. 88.

⁴⁶⁹ Journal de département du Nord. 1816. № 31. 31 janv. P. 122.

и призывали подчиненных отвечать взаимностью. В марте 1816 г. *Le Narrateur de la Meuse* опубликовал достаточно подробную статью о том, что русский солдат, ранивший в октябре 1815 г. мэра города Ленонкур, был после официального расследования наказан. Кроме того, пострадавшему выплатили 500 франков в качестве компенсации⁴⁷⁰. Однако подобные сообщения в региональной прессе были не частым явлением, а скорее напоминали ответную, достаточно формальную любезность.

Из новостей, которые привлекли чуть большее внимание региональной прессы, пожалуй, можно назвать только сообщение о подписании договора и конвенции от 20 ноября 1815 г. В этих документах были закреплены основные условия, которые французское правительство обеспечивало солдатам оккупационной армии: поставки продовольствия и фуража, предоставление жилья. Однако авторы заметок не привели абсолютно никаких деталей относительно содержания документов, лишь констатировав, чьи конкретно подписи под ними стоят. Да и сами статьи об этом появились уже в мартовских изданиях, то есть фактически через три месяца после того, как иностранные войска начали обустриваться на обозначенной в этом договоре территории и стали требовать предусмотренных конвенцией поставок продовольствия⁴⁷¹.

Гораздо более красочно пресса описывала массовые торжества по случаю праздничных дат, либо после проведения крупных смотров. В марте 1816 г., по сообщению журнала *Le Narrateur de la Meuse*, барон Засс организовал большой ужин с танцами и салютом в честь годовщины вступления императора Александра I на престол. На этом балу русские и французские гости протанцевали до 4 часов утра. Журнал посвятил этому мероприятию довольно обширную и подробную заметку⁴⁷².

⁴⁷⁰ *Le Narrateur de la Meuse*. 1816. № 895. 13 mars. P. 142.

⁴⁷¹ *Journal du département de la Marne*. 1816. № 473. 13 mars. P. 162; *Journal du département de la Moselle*. 1816. № 14. 10 mars. P. 2.

⁴⁷² *Le Narrateur de la Meuse*. 1816. № 899. 31 mars. P. 171.

В августовском номере этого же издания появилась статья с подробностями празднования дня Святого Людовика в Бар-ле-Дюке и Вердене. Помимо прочего, авторы обратили внимание на две интересные детали: во-первых, гражданское население с одинаковым удовольствием наблюдало за военными парадами любого из европейских контингентов; во-вторых, иностранные солдаты на таких праздниках прекрасно находили общий язык друг с другом⁴⁷³. Впрочем, не меньшее внимание привлекали и парады французской армии. Так, статья о маневрах королевской гвардии в феврале 1816 г. вообще заняла почти целую печатную полосу⁴⁷⁴.

В сентябре появилось сообщение о происшествии в коммуне Уа (Оуе), близ Кале. В заметке *Journal du département du Pas-de-Calais* сообщалось, что там затонуло трехмачтовое русское судно; 14 членов экипажа погибли. Больше никаких подробностей не приводилось⁴⁷⁵. Идентичная заметка была опубликована и в *Journal de département du Nord*⁴⁷⁶. В российских документах об этом происшествии сообщений нет вовсе, поэтому детали кораблекрушения не известны. По этой же причине сложно определить причину, почему данное событие привлекло такое внимание местных газет.

Очевидно, в период оккупации французская пресса, следуя общему политическому курсу правительства, предпочитала не высказываться критически об иностранных солдатах или гражданах союзных держав в целом. Однако и позитивного настроения она также не демонстрировала. Тема оккупации в целом избегалась и лишь изредка затрагивалась в описаниях совместных празднеств.

Правда, и российскую прессу подробности жизни русских солдат во Франции не слишком занимали. Журнал «Сын Отечества», в котором нередко перепечатывались сообщения из европейских изданий, также интересовался, прежде всего, крупными политическими событиями. Здесь

⁴⁷³ Le Narrateur de la Meuse. 1816. № 927. 9 aug. P. 172.

⁴⁷⁴ Journal de département du Nord. 1816. №38. 7 fevr. P. 152.

⁴⁷⁵ Journal du département du Pas-de-Calais. 1816. № 37. 6 sept. P. 148.

⁴⁷⁶ Journal du département du Nord. 1816. № 249. 8 sept. P. 1003.

рассказывали о союзном Парижском договоре, о назначении герцога Веллингтона командующим оккупационной армией, о периодических перемещениях разных контингентов по департаментам⁴⁷⁷, о крупных смотрах⁴⁷⁸, о том, как парижские драматурги с пылом восприняли известие об окончании оккупации и посвятили этой теме пять разных комедий⁴⁷⁹. Иногда здесь же появлялись сообщения о громких происшествиях скандального характера. Например, о стычке (больше словесной) в Бордо между совместно праздновавшими 6 июля⁴⁸⁰ русскими, английскими и прусскими военными со «ста Бонапартистами в мундирах национальной гвардии», которые ворвались на праздник, но, в итоге, были вытолканы с него⁴⁸¹. Или о «кровопролитном бое между Англичанами и Французами», случившемся за кулисами одного из театров из-за неуважительного отношения «нетрезвых английских офицеров» к одной из актрис⁴⁸². В этой череде сообщений русский солдат в поле зрения журналистов практически не попадал.

Несмотря на то, что для местного населения пребывание оккупационных войск было сопряжено, прежде всего, с финансовой нагрузкой, это не мешало тем и другим пытаться извлечь для себя выгоду из сложившейся ситуации. Правда, военные мало чего могли предложить местному населению, но зато у них были лошади, которых во многих деревнях не хватало для сельскохозяйственных работ. Кроме того, солдаты имели право при необходимости брать в пользование еще и французских лошадей: во время маршей для перевозки тяжелых вещей, для транспортировки больных, для сообщения между разными частями корпуса и

⁴⁷⁷ Второе прибавление к 52 книжке журнала «Сын Отечества». 1815. № 105. С. 3.

⁴⁷⁸ Первое прибавление к 42 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 84. С. 2; Первое прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 53. С. 1.

⁴⁷⁹ Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 40–45. С. 528.

⁴⁸⁰ Чему именно праздник был посвящен в тексте не указано, сказано лишь, что «На всех кораблях развевались торжественные флаги и в загородном доме дан был праздничный обед. Первый тост был: да сохранит Бог Людовика XVIII Французам!».

⁴⁸¹ Третье прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 55. С. 4.

⁴⁸² Первое прибавление к 30 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 60. С. 1.

пр.⁴⁸³ Как сообщает Ж. Антрэ, «мэр Нуаси-ле-Гран в октябре 1815 г. жаловался, что в коммуне всего семь лошадей и русские забрали их всех»⁴⁸⁴. В результате некоторые особо предприимчивые командиры пехотных полков продавали часть подъемных лошадей населению, не снимая их с довольствия, чтобы продолжать получать на них фураж. Когда Воронцову об этом донесли, он приказал объявить личному составу запрет на подобные сделки, поскольку «корпус официально находился на военном положении». А чтобы дельцам в погонах впредь было «не повадно», он предупредил, что будет требовать от дивизий прибывать на смотры со всем обозом⁴⁸⁵. При этом «никак не желая препятствовать распоряжениям полковых командиров в употреблении лошадей сих в случаях, представляющих для них выгоды», он разрешил зарабатывать на подъемных лошадях, сдавая их в аренду местным жителям при условии, что не более половины всей конюшни будет отсутствовать одновременно⁴⁸⁶.

Еще одной сферой взаимовыгодного взаимодействия было заключение смешанных браков, однако хотя в историографии и встречаются упоминания о них, конкретные примеры приводятся крайне редко. Причем французская исследовательница М. Ланнуа отмечает, что во время оккупации женились исключительно офицеры, так как только у них имелись личные документы⁴⁸⁷. Б. Менаже в своей статье, ссылаясь на какой-то рапорт от 6 декабря 1817 г., но не указывая его автора и не приводя подробностей, говорит о «многочисленных браках, заключенных во время и после оккупации»⁴⁸⁸. В российских же источниках информация на сей счет крайне скупа. В одном из приказов за 1817 г. Воронцов сообщил, что некий русский поручик обещал француженке жениться и просил на то позволения. Командир корпуса ответил отказом и напомнил, что до окончания службы военные не

⁴⁸³ Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций. С. 326.

⁴⁸⁴ Hantraye J. Op. cit. P. 81.

⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 13.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 20.

⁴⁸⁷ Lannoy M. 1815-1818 – L'occupation russe à Valenciennes et Maubeuge.

⁴⁸⁸ Ménager B. Op. cit. P. 14.

располагают собой и не имеют права давать такие обещания. Поручик в итоге был отправлен в Россию⁴⁸⁹. А вот капитан Алексопольского полка все же на французенке женился, но лишь по окончании оккупации - в октябре 1820 г.⁴⁹⁰ Других подобных примеров в официальных документах корпуса нет. Священник 41 егерского полка в своем дневнике упоминает о проведенном им венчании штабс-капитана 6 егерского полка Голянского с дочерью французского помещика Ди Мунтье 25 мая 1816 г.⁴⁹¹.

При чрезвычайных ситуациях солдаты нередко оказывали помощь в спасении оказавшихся в опасности французских граждан. Так, в феврале 1816 г. супрефект Авена просил выразить капитану Нарвского полка благодарность за помощь в тушении пожара в одном из селений⁴⁹², а в августе 1817 г. префект департамента Нор выразил благодарность двум русским солдатам за спасение тонущего мальчика⁴⁹³.

Помимо языкового барьера, значительных межкультурных противоречий между русскими и французами практически не возникало. Хотя нельзя не констатировать определенные различия в повседневных практиках. Нередко в историографии фигурируют упоминания о том, что русские бани были не до конца понятным феноменом для европейцев в целом и для французов в частности⁴⁹⁴. Так как конвенция 1815 г. не предусматривала создание бань, командирам отдельных частей корпуса приходилось самостоятельно договариваться с местными властями о строительстве и содержании таковых. Очевидно, что на всех этих переговорах стороны пришли к согласию, поскольку о каких-либо жалобах французской стороны в данной связи в документах корпуса сведений нет.

В марте 1817 г. супрефект Дуэ написал большой отчет префекту департамента Нор об общей обстановке в округе и, в частности, описал

⁴⁸⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 541. Л. 29.

⁴⁹⁰ Vruchet M. Op. cit. P. 30.

⁴⁹¹ Левитский Е. Указ. соч.

⁴⁹² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 32.

⁴⁹³ Там же. Д. 541. Л. 44.

⁴⁹⁴ См., например, Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. С. 155.

поведение русских солдат, которых там квартировало не очень много, но кое-какие требования которых вызывали раздражение у населения. Первым из таких требований упоминалось создание «ванных комнат», под которыми, очевидно, понимались бани. Второе – стирка белья. По словам супрефекта, он не единожды получал жалобы от местных жителей на то, что русские требуют у своих хозяев («hôtes», очевидно, имеется в виду хозяев домов, в которых квартировали солдаты) отбеливать белье. К самому же супрефекту в ноябре обратился командир полка⁴⁹⁵ с просьбой распорядиться отбеливать солдатское белье. Супрефект ответил, что жителей будет сложно убедить в такой необходимости, ибо во Франции такой традиции нет⁴⁹⁶.

Немалый интерес офицеры проявляли к масонским ложам. По мнению Ж. Брейяра, опубликовавшего в 2007 г. подробную статью по данной теме, главной их целью было установить общий язык с местными французскими элитами. Он же отмечал, что в этом смысле период оккупации лишь продолжил наметившуюся ранее тенденцию, поскольку и в 1814, и в 1815 гг., русские офицеры достаточно легко завязывали отношения с французскими масонами. Более того, в этом стремлении они следовали примеру военнослужащих других армий⁴⁹⁷. Тем не менее, по мнению Брейяра, тесного сближения русских офицеров с французскими или европейскими масонами не произошло: русские продолжали оставаться чужаками.

Возникавшие конфликтные ситуации оккупационное командование и местные власти старались решать мирно, убеждая военнослужащих и мирное население не прибегать к насильственным действиям и при получении какой-либо обиды обращаться с официальными жалобами.

Тем не менее, судя по первым рапортам о расследованиях жалоб со стороны населения, жители поначалу обращались к русским командирам с некоторой опаской. В январе 1816 г. один из адъютантов Воронцова докладывал, что расследовал ряд жалоб, поступивших на русских солдат.

⁴⁹⁵ Он обозначил полк Nouvelle Jugié, вероятно, имея в виду Новоингерманландский.

⁴⁹⁶ AN. F. 7. D. 9901.

⁴⁹⁷ Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818). P. 310.

Один из жителей Фюме пожаловался на кражу из его гардероба шерстяной шапки и двух платков, «всего ценою в 9,5 франков»⁴⁹⁸, в чем подозревал солдата одной из егерских рот, которая ненадолго встала в Фюме, а потом ушла в Рокруа. Обвиняемый солдат квартировал у пострадавшего и оставался в его доме еще в течение пяти дней после обнаружения кражи. Хозяин дома кражу обнаружил сразу, так как гардероб закрывался на замок, который злоумышленник выломал. Согласно условиям пребывания оккупационных войск во Франции, в подобных случаях пострадавшему следовало обращаться к мэру, который должен был связаться с военным командованием расположенного в городе подразделения. В крайнем случае можно было напрямую обратиться к русскому офицеру. Судя же по рапорту, француз не воспользовался ни одним из вариантов. По его словам, он попытался сообщить о случившемся батальонному адъютанту, но, не застав того дома, больше никаких попыток не предпринимал. До российского командования жалоба в итоге дошла от одного из французских жандармов, которые после ухода русских солдат из города проверяли там обстановку. Понимая, насколько сложно искать виновных в правонарушении тогда, когда подразделение перемещается по территории, Воронцов на протяжении всей оккупации настаивал на том, чтобы во время маршей или учений жалобы населения собирались и расследовались в максимально краткие сроки. Нередко в таких случаях из казны корпуса выделялись небольшие суммы для покрытия понесенного ущерба. В данном же случае назначенный расследовать жалобу адъютант Бутлеров предложил пострадавшему отправиться вместе с ним в Рокруа, где располагалась та самая егерская рота, и найти подозреваемого, однако француз «отозвался слабостью здоровья и тем что уже их не узнает».

Похоже обстояло дело и с жалобой мельника Люгана, который тоже после ухода егерей из Фюме доложил жандармам, что его обокрали: забрали из ящика 50 франков, а из гардероба новую женскую шубу стоимостью в 40

⁴⁹⁸ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 82.

франков и простыню за 15 франков. Как и предыдущий пострадавший, Люган не обратился сразу с жалобой к мэру, хотя подозревал в случившемся квартировавших у него солдат. Причиной задержки была аккуратность воров: замок в гардеробе они открыли незаметно, не сломав, из-за чего хозяйка не сразу обнаружила пропажу. Исчезновение 50 франков мельник тоже заметил не сразу, так как в ящике, где они хранились, лежала достаточно значительная сумма в 500 франков, и, хотя он увидел какие-то незначительные повреждения на ящике, деньги пересчитывать не стал.

Все эти подробности пострадавший изложил Бутлерову в присутствии мэра Фюме и комиссара, уполномоченного координировать отношения французских чиновников с коалиционным командованием. Люгану Бутлеров также предложил съездить в Витри, куда переместились квартировавшие ранее у него солдаты, и указать тех, кого он подозревает. Но мельник тоже отказался от этого предложения, «отзываясь, что после столь долгого времени их не узнает, и при том и утвердительно не может сказать точно ли они это украли, ибо и прежде имел много постояльцев разных войск»⁴⁹⁹.

Подводя итог рассмотренным происшествиям, Бутлеров заметил, что население порой испытывает страх перед «военными начальниками» и поэтому не обращается с жалобами на обиды со стороны солдат⁵⁰⁰. Кроме того, далее он высказал еще одно интересное замечание: «Процессы по коим сделаны мною свидетельства, имею честь представить Вашему Сиятельству с подписями г.г. Комиссаров, какой конец имело каждое дело. Сего не требовал я от них в удостоверение точности моего донесения, но собственно для того, чтобы они не могли возобновить ничего из сих происшествий, ибо я заметил в сих чиновниках весьма большое желание подыскиваться и даже вызывать жителей к недельным жалобам»⁵⁰¹. Подробных объяснений своим выводам адъютант не дал, однако его рапорт заставляет задуматься, с какой

⁴⁹⁹ Там же. 83 об.

⁵⁰⁰ Там же. 86.

⁵⁰¹ Там же.

целью местные власти могли пытаться увеличить количество донесений о правонарушениях солдат и было ли это постоянной практикой.

Очевидно, что такие жалобы были политическим средством, которое представители местных властей использовали в диалоге с оккупационным командованием. Население достаточно быстро осознало, что применять физическое насилие против военных, которые при необходимости могут использовать оружие, слишком рискованно, а вот нажаловавшись Воронцову, можно добиться гораздо более жестокого «отмщения» за обиду. Это приводило, в ряде случаев, к очевидным манипуляциям со стороны местного населения.

На протяжении всей оккупации гражданское население активно выражало свое недовольство посредством официальных жалоб, поводов для которых было немало: солдаты не хотели пользоваться казармами, хотя устройство таковых потребовало немалых ресурсов от коммуны или города⁵⁰², рвали ягоды в садах⁵⁰³, офицеры делали значительные долги⁵⁰⁴ и пр. Между тем среди военнослужащих оккупационных войск практика подачи жалоб на местных жителей была распространена в гораздо меньшем масштабе. Гораздо чаще солдаты либо мстили за обиду самостоятельно, либо и вовсе отмалчивались.

В ряде случаев конфликты выливались в насильственные действия: местные жители нападали на солдат с оружием или тяжелыми предметами, вступали с ними в драки. Впрочем, такие столкновения носили преимущественно бытовой характер при небольшом количестве участников. Изучая документы Национального архива Франции, М. В. Губина отметила, что подобного рода противоречия возникали у местного населения именно с русскими военными, в то время как поводом для конфликтов с солдатами

⁵⁰² Там же. Л. 105.

⁵⁰³ Там же. Л. 117.

⁵⁰⁴ Там же. Д. 541. Л. 28.

других корпусов чаще всего были «взаимные оскорбления на национальной почве»⁵⁰⁵.

Однако в российских источниках встречаются свидетельства и о проявлениях со стороны французов внешне ничем не мотивированной агрессии. Например согласно протоколу допроса от 12 октября 1815 г. готлангер⁵⁰⁶ 12 артиллерийской бригады показывал: «Вчерашнего числа <...> шел я по улице с казенным фуражем с сеном <...> встретясь со мною неизвестный мне Человек, у коего была на плече большая длинная доска (нечаяно или с умыслу, сего я утверждать не могу) сей Человек толкнул меня оной в бок, от чего как имевши я на себе большую тягость сена, упал, вставши тот час начал Его за то бранить, но оный войдя в азарт поставил большую доску к стене и в ту минуту схватил другую короткую доску бросился меня ею бить и зашиб мне палец до крови, потом и еще бросясь на меня, с помощью других Ему также сотоварищами бывших, и я принужден был отбиваться от них, того неизвестного мне человека – толкнуть от себя в грудь, который и упал, впрочем ежели бы не успели из товарищей моих защитить меня, то вероятно что бы збежавшиеся разнаго рода жители в таковой раз совершенно меня изувечили бы»⁵⁰⁷. Интересно, что о случившейся драке, в которой бравый готлангер-таки разбил французу голову, командование корпуса узнало из жалобы, которую этот же самый француз немедленно подал русскому коменданту крепости⁵⁰⁸.

Согласно рапорту от 3 сентября 1816 г., «7 мушкетерной роты <...> рядовой Сидор Распутенко <...> проколот насквозь в брюхо штыком; и <...> будучи в здравом еще рассудке объявил <...> что он 31го числа августа по полудни в 7м часу пошел из Ляновиль-Ожута в те хутора, где квартируют той же части солдаты к рядовому Еременке за подметками, не доходя из онаго в нескольких шагах попался на встречу ему француз, не останавливая

⁵⁰⁵ Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. С. 154.

⁵⁰⁶ Должность в артиллерийском расчете.

⁵⁰⁷ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 14.

его и не говоря ни слова ткнул его в брюхо, но чем именно по темноте приметить не мог; сгоряча сей рядовой воротился в тот же дом где закуривал трубку и упал <...> две женщины, тут же объявили, что проколол того рядового непременно житель тех хуторов Актор Друар»⁵⁰⁹.

Количество подобных примеров в российских документах невелико. Однако многие примеры других конфликтов свидетельствуют о том, что солдаты, особенно рядовые, вообще жаловались нечасто как на сослуживцев, так и на штатских. Наибольшее количество подобных актов насилия со стороны местных жителей пришлось на 1815–1816 гг., а в последующем заметно сократилось.

Со стороны солдат открытое насилие также имело место. Однако строгость, с которой командование корпуса наказывало солдат за применение силы, приносила свои плоды: случаи открытого насилия по отношению к гражданским становились все реже, а если и случались, то в основном были связаны с употреблением алкоголя. В январе 1816 г. старший адъютант Воронцова Бутлеров представил ему рапорт о проведенных за последний месяц расследованиях. Среди них за столь краткий период насчиталось пять случаев очень грубого насилия (следствие велось по жалобам на один егерский полк и одну артиллерийскую роту), что было немногим меньше количества подобных же случаев за весь 1817 г.: унтер-офицер был обвинен в избиении мельника и его жены; трое французских жандармов пожаловались на беспричинное нападение на них часового; еще один унтер-офицер был наказан за то, что в пьяном виде сильно ударил престарелую вдову, которая от удара упала и разбила голову; фурлейт⁵¹⁰ обвинялся в избиении хозяина дома и его домочадцев за то, что они не пустили его в сарай за быками; а один из командиров (подразделение не указано) в том, что, оказавшись недовольным поданным на обеде супом,

⁵⁰⁹ Там же. Л. 140.

⁵¹⁰ Возница.

поранил хозяину дома руку в двух местах⁵¹¹. Несмотря на то, что подробности о происшествиях в рапорте крайне скудны, сам их характер свидетельствует о том, что порой военные не стеснялись использовать силу в самых разных ситуациях: если в случае недопуска фурлейта в сарай с быками речь могла идти о невыполнении каких-либо служебных обязанностей, то поранить хозяину дома руку за плохой суп унтер-офицера, очевидно, сподвигло оскорбленное самолюбие.

Случались и другие казусы. В октябре 1815 г. командир артиллерии корпуса полковник Либштеин в рапорте докладывал о ссоре и драке между французом Николаем (Николя) Жаком и готлангером Сентясевязовым, в результате которой француз получил рану головы. Согласно рапорту, оба участника признали свою вину, принесли друг другу извинения, и французский комиссар выдал расписку в том, что пострадавший не имеет к военнослужащим никаких претензий из-за нанесенной ему раны⁵¹².

Нередко случались драки в состоянии алкогольного опьянения. Порой дело заканчивалось синяками, полученными участниками потасовки, но иногда доходило и до убийства. Так, в декабре 1815 г. канонир 9-й артиллерийской роты попал под следствие по обвинению в убийстве одного из местных жителей. Проведенное следствие, хотя признало его виновным в содеянном, пришло к выводу, что француз сам был зачинщиком драки, которая привела к его гибели, поскольку (по неуказанным причинам) в нетрезвом виде он толкнул канонира на горячий камень, где тот обжег руку⁵¹³. В январе 1816 г., наоборот, нетрезвый унтер-офицер устроил погром в квартире, бил женщин и ударил тесаком по голове четырнадцатилетнего мальчика. В рапорте не сказано, погиб ли пострадавший от удара, также как не объяснены причины подобной вспышки гнева⁵¹⁴.

⁵¹¹ Там же. Л. 84–85 об.

⁵¹² Там же. Л. 12.

⁵¹³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 44.

⁵¹⁴ Там же. Д. 540. Л. 30.

Строгий контроль за дисциплиной заставлял большинство военных воздерживаться от крайних шагов в конфликтных ситуациях, поэтому они порой проявляли недюжинную изобретательность в поиске способов унижить оппонентов. Примером тому может служить жалоба «некоторых жителей» на то, что русские военные «хвалят Бонапарта и хулят теперешнее правительство»⁵¹⁵. Так, однако, поступали не только русские. В декабре 1816 г. главный комиссар полиции в Камбре докладывал министру полиции об английском офицере, который сидя за столом в доме, где квартировал, распевал куплеты, восхваляющие Бонапарта и оскорбляющие короля и его августейшую семью⁵¹⁶. В его же рапорте от 1 апреля приводится свидетельство одного лица, которого он не захотел назвать, о том, что один из английских солдат при посещении местного кабаре сказал, глядя на портреты Генриха IV и Людовика XVIII, что первый хорош, а второй – нет («*Celui-là (Henri IV) bon, l'autre, pas bon*»)⁵¹⁷. Сам французский комиссар считал это общим политическим мнением всех англичан⁵¹⁸.

Встречаются в документах и примеры сообщничества русских и французов в противоправных действиях. Так, в августе 1816 г. один из русских жандармов получил сто ударов палок и потерял звание за то, что, будучи «отправлен с бумагами в Баве и возвращаясь оттуда, по согласию с жителем взялся провезти через таможеню в Мобёж три головы сахара, кои таможенными служителями у него и отобраны»⁵¹⁹.

Помимо культурных особенностей представителей разных наций на отношения солдат с населением оказывали сильное влияние и так называемые «не зависящие от сторон факторы». Поэтому несмотря на все старания командования корпуса и местных властей минимизировать конфликты, нельзя было изменить того факта, что территория дислокации

⁵¹⁵ Там же. Л. 46.

⁵¹⁶ Письмо от 6 декабря 1816 г. - AN. F. 7. D. 9903.

⁵¹⁷ Ibid.

⁵¹⁸ Ibid.

⁵¹⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 127.

военных подразделений сама по себе отличалась высоким уровнем преступности и бытового насилия. В одном из номеров «Сына Отечества» говорилось: «В северной Франции завелись многочисленные шайки разбойников, которые вооружены очень хорошо, грабят и убивают проезжих. В числе их находится много отставных солдат»⁵²⁰. Кроме того, в документах полиции встречаются также упоминания о конфликтах между гражданским населением и французскими солдатами⁵²¹, а в приказах командира корпуса сообщается о случаях убийств одних военнослужащих другими с целью грабежа⁵²². Социальный фактор явно преобладал над национальным в качестве главной причины конфликтов.

Факты сексуального насилия или насилия над сильно уступающим в силе противником: детьми, стариками – в документах фигурируют нечасто⁵²³. Это, однако, не исключает того, что дети и старики «попадали под горячую руку» в драках между мужчинами.

Автор труда «Столетие военного министерства. Медицина» отмечает, что в период нахождения российской армии во Франции после занятия Парижа в 1815 г. военные немало страдали от венерических болезней⁵²⁴. Действительно, фонд министра полиции в Национальном архиве Франции содержит переписку, которую вели в январе-феврале 1818 г. префекты департаментов Арденны, Мозель и Мёз о том, что необходимо принять строгие меры для проверки здоровья публичных женщин, так как поступает много жалоб на то, что они распространяют сифилис среди военнослужащих оккупационной армии⁵²⁵. Префекты не уточняют, военные какой именно нации жаловались, однако среди этих документов есть соответствующая жалоба командира прусского корпуса министру полиции.

⁵²⁰ Второе прибавление к 7 книжке журнала «Сын Отечества». 1817. № 5. С. 1.

⁵²¹ См. например Письмо из полицейского управления департамента Нор префекту департамента Мёз - ADM. F. 8 D. 31.

⁵²² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 55.

⁵²³ В начале 1816 г. одного из русских солдат обвиняли в изнасиловании одиннадцатилетней девочки. Судя по письму министра внутренних дел, обвинение в итоге оказалось недоказанным (ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2463. Л. 2)

⁵²⁴ Столетие военного министерства. С. 255.

⁵²⁵ Письмо префекта департамента Мёз военному министру от 6 февраля 1818 г. - AN. F. 7. D. 9901.

В рапортах российских командиров подобные жалобы практически отсутствуют. Единственный случай подобного рода описан лишь в следственном деле об убийстве рядового Нашебургского полка. Перед своей гибелью рядовой проходил лечение в госпитале Авена, поэтому при расследовании туда поступил запрос о причинах нахождения там этого рядового. Согласно полученному рапорту, солдат лечил там как раз венерическое заболевание и после окончательного выздоровления госпиталь покинул⁵²⁶. По данному примеру видно, что сам по себе факт венерических заболеваний не обсуждался как отдельная проблема, а скорее как сопутствующее обстоятельство. Кроме того, в официальной переписке русского командования и французских властей нет ни малейших упоминаний на слабый контроль за здоровьем публичных женщин или о большом количестве заболевших среди личного состава.

В целом с непреодолимыми бытовыми проблемами или крайне непривычными условиями российским солдатам сталкиваться во Франции не пришлось: климат для них был вполне привычным, в отличие, скажем, от тех климатических условий, в которых находились русские войска на Кавказе⁵²⁷. Сколько-нибудь существенного дефицита продовольствия или необходимых для жизни предметов не наблюдалось. Это подтверждается и небольшим числом заболевших. Автор труда «Столетие военного министерства. Медицина», говоря о кампании 1815 г., также констатирует, что во Франции российские солдаты «перестали страдать от недостатка пищи и отдохнули от чрезмерных трудов»⁵²⁸.

Тем не менее российские военнослужащие, стремясь наладить мирные отношения с населением, отнюдь не пытались изображать из себя робких гостей. Ф. Ф. Вигель в воспоминаниях о путешествии по Франции пишет, что на дорогах, по которым передвигались российские войска, они повсюду установили межевые столбы с указателями на русском языке. Вигелю это

⁵²⁶ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 472.

⁵²⁷ Нечитайлов М.В. Указ соч. С. 43.

⁵²⁸ Столетие военного министерства. С. 255.

виделось как проявление силы со стороны соотечественников, о чем он с гордостью и упомянул в мемуарах.

Одним из обычно доминирующих у завоевателя чувств Ж. Антрэ считает чувство страха перед местным населением: оно могло обречь пришельцев на голод, способствовать распространению заразных болезней. Как бы то ни было, для периода завоевания очевидна дихотомия «друзья-враги» в отношениях местных и неместных. В период же оккупации эти границы в определении ролей размывались, в основе чего лежало изменение правовых статусов сторон: объявление об окончании войны давало как местному населению, так и солдатам, определенные, хотя и не стопроцентные гарантии безопасности. С другой стороны, срочность прописанной в договорах оккупации делала лишнюю агрессию бессмысленной: пока ее срок не закончился на смену пострадавшим солдатам могли прибыть другие. В таких условиях поиск наименее затратных для всех способов сосуществования казался более рациональным.

Между тем, характер проблем, с которыми сталкивались военнослужащие русского корпуса, был практически не связан со спецификой их национального характера. Несмотря на то, что русские чаще воровали и нуждались в банях, подавляющее большинство трудностей, касающихся обеспечения, размещения, расследований противоправных действий, для всех национальных контингентов имели одинаковое значение: и английские, и прусские и другие военачальники также выказывали французским чиновникам свою озабоченность в связи с недостаточным выполнением ими обязательств по содержанию коалиционной армии⁵²⁹. А потому совершенно очевидно, что в сложившихся обстоятельствах общие

⁵²⁹ В частности, в декабре 1816 г. комиссар полиции Камбрэ докладывал в Главный департамент полиции о переписке с герцогом Веллингтоном, в которой английский военачальник объявил, что, если его армию будут плохо кормить в оккупированной зоне, он расселит ее по остальным департаментам (AF. F. 7. D. 9903). А в декабре 1815 г. прусское командование жаловалось на то, что некие неизвестные скупили по низкой цене в магазине Ландреси продовольствие, предназначенное для солдат (Письмо из военного министерства префекту департамента Нор от 29 ноября 1815 г. - ADN. F. 8R. D. 12).

проблемы социального плана имели значительный приоритет над трудностями межкультурного взаимодействия.

Глава 3. Проблема дисциплины в корпусе и пути ее решения

§ 1. Влияние оккупации на русский корпус с точки зрения

современников и потомков

Оккупация Франции в 1815–1818 гг. обеспечила длительное и тесное взаимодействие разных и до этого периода практически не соприкасавшихся друг с другом этнических групп. Трехлетнее пребывание на территории другого государства в полном отрыве от привычной культурной среды не могло не сказаться на поведении и мировосприятии русских солдат. Однако насколько глубоки были эти изменения? В историографии высказывалось мнение о том, что корпус Воронцова стал той почвой, на которой «взошли» ростки европейского либерализма и затем они были пересажены на российскую почву. Так, по словам З. Пьеррата, русские увезли «в глубь своих пустынь большую любовь к нашим (французским – В.Б.) обычаям и институтам, столь чуждым деспотизму и варварству их дикой родины»⁵³⁰. В России схожие идеи развивала О. В. Орлик, напрямую связывавшая опыт пребывания во Франции некоторых офицеров корпуса с их дальнейшим участием в декабристских организациях⁵³¹. Из современных исследований это же мнение высказала французская исследовательница М. П. Рей⁵³².

Впрочем, мысль о «сомнительном» влиянии обстановки во Франции на русских военных впервые пришла в голову не историкам, а современникам описываемых событий. Правда, они не считали такое воздействие слишком драматичным, но, тем не менее, полагали, что оно требует пристального внимания. Н. М. Лонгинов, сотрудник коллегии иностранных дел, писал С. Р. Воронцову в январе 1820 г.: «Многие влиятельные здесь (в Петербурге – В.Б.) лица, узнав о преимуществах, дарованных войскам графа рескриптом Государя... заявляли, что по возвращении этих полков из Франции нужно будет подыскать для них необитаемый остров, иначе прочим войскам нельзя будет примириться с их старыми распорядками... Меня уверяли здесь, что

⁵³⁰ Piérart Z. Op. cit. P. 241

⁵³¹ Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века. С. 140.

⁵³² Рей М.П. 1814. Царь в Париже. М., 2017. С. 23.

фельдмаршал Толли, когда подняли вопрос о формировании оккупационной армии во Францию сказал Государю: «Ваше Величество! Вам нужно помнить, что Вы выиграли сражение, но потеряли 30 тыс. человек!»⁵³³. Причем, такое мнение бытовало несмотря на то, что регулярно проводимые в присутствии великих князей смотры корпуса неизменно проходили на высоте⁵³⁴.

Помимо потенциальной «угрозы» непосредственного влияния французских идей и традиций на русских военных, серьезные опасения за дисциплину вызывал и сам по себе порядок несения службы, установленный в оккупационном корпусе. О. Ю. Захарова, развивая мысль, высказанную графом Воронцовым, обращает внимание на то, что излишне расслабляющее влияние на дисциплину солдат оказывали контрастные перемены в окружавших их обстоятельствах: «Обе пехотные дивизии (9-я и 12-я) находились долгое время в Молдавии, а 12-я, после шести лет пребывания там, прямо вступила в Отечественную войну, поэтому на поведении солдат, их отношении к службе не могла не сказаться многолетняя усталость. С другой стороны, после изнурительных, напряженных кампаний последних лет солдаты и офицеры оставались на территории бывшего враждебного государства сроком на несколько лет теперь уже в состоянии мира, в краю достаточно изобильном и, как указывает М. С. Воронцов, не располагающем к серьезным занятиям»⁵³⁵.

Упреки звучали и в адрес лично Воронцова, который был известен в кругу армейской элиты своими либеральными взглядами, прежде всего, на отношения между старшими и младшими чинами в русской армии. На излишнюю либеральность его взглядов сетовали даже те, с кем он поддерживал дружескую переписку, как, например А. П. Ермолов. Очевидно, из посланий близких ему А. А. Закревского, П. М. Волконского и прочих Воронцов знал о том, какие ходят мнения в Петербурге о его корпусе, а

⁵³³ Письмо Н.М. Лонгинова С.Р. Воронцову от 17 января 1820 г. // Русский архив. М., 1912. Т. 7. С. 360.

⁵³⁴ AN. F. 7. D. 9901; Северная почта или Новая Санктпетербургская Газета. СПб., 1818. № 90. 9 ноября. С. 4.

⁵³⁵ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов... С. 141.

потому прилагал немалые усилия для поддержания дисциплины и укреплению верности русским традициям в среде своих подчиненных, не мешкая, отправляя на родину «офранцузившихся», на его взгляд, офицеров. Тем не менее, в глазах многих он продолжал выглядеть излишне смелым сторонником английского вольнодумства. Ж. Брейяр, изучая условия пребывания во Франции русских оккупационных войск, приходит к выводу, что русские офицеры пользовались там такой свободой, которая была недоступна подданным Людовика XVIII. Русские, в частности, могли беспрепятственно привозить во Францию «крамольные листовки» из Бельгии, а французской полиции ничего не оставалось как следить за ними издали, поскольку она не решалась обыскивать ни их самих, ни их дома⁵³⁶.

Соседство с Нидерландами, где правил либерал Вильгельм Оранский, имевший планы на французский престол и пользовавшийся симпатией русского царя, Брейяр называет в качестве одного из главных факторов, негативно сказывавшихся на военной дисциплине в русском корпусе⁵³⁷. С. Куто в своей диссертации также отмечает, что близость к франко-нидерландской границе была раздражающим фактором в отношениях русских военных и французских властей, так как военнослужащие оккупационной армии (и русские офицеры в частности) поддерживали хорошие отношения с находившимися по ту сторону границы бонапартистами⁵³⁸.

В литературе нередко встречается утверждение, что на взгляды военнослужащих корпуса влияние оказывали различные общественные объединения, получившие широкое распространение в пост-наполеоновской Европе. Сколько-нибудь определенно говорить о членстве в такой ассоциации мы можем только в отношении... самого М. С. Воронцова, вступившего во вполне благонамеренное Российское библейское общество.

⁵³⁶ Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge. P. 312.

⁵³⁷ Ibid. P. 313; Список членов сов. и справ. ложи Св. Георгия Победоносца на востоке Мобёжа // Русский архив. М., 1865. Т. 1. С. 495–500.

⁵³⁸ Couteau C. Op. cit. P. 42.

Об этом А. П. Ермолов так писал А. А. Закревскому 1 марта 1817 г.: «Помилуй, почтеннейший Арсений Андреевич, что делает брат Михайло? Читаю в газетах, что он член общества Библейского и старается о распространении слова Божия между командуемыми войсками! Ничего не проронит. Мимо ничто не пройдет, из чего можно извлечь пользу»⁵³⁹. Это объединение видело свою цель в распространении христианских идей и имело монаршее дозволение на свое существование.

Впрочем, высказывалось в историографии и мнение об участии русских военных в далеко не столь безобидных объединениях. М. А. Давыдов, ссылаясь на работу Н. К. Шильдера, утверждает следующее: «По возвращении в Россию Александр I прочел так называемую записку Бенкендорфа – донос библиотекаря гвардейского штаба Грибовского, принятого в “Союз Благоденствия”, переданный через посредство тогдашнего начальника штаба А. Х. Бенкендорфа. В записке, в частности, говорилось, что руководителя “положено избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством. Самая большая надежда возлагалась на находящиеся во Франции войска и на графа Воронцова, на которого действовали Тургеневы”»⁵⁴⁰. Если бы такой факт имел место в действительности, то подобная записка выглядела бы как обвинение в заговоре – преступлении гораздо более тяжком, нежели простое вольнодумство. Однако вряд ли А. А. Закревский, сообщавший Воронцову новости о настроении императора, умолчал бы в своих письмах о подобных подозрениях, если бы они действительно возникли. Не удивительно, что в диссертации С. В. Самойловой достоверность всей этой истории с «запиской Бенкендорфа» подвергнута убедительной критике⁵⁴¹. Нет никаких документальных оснований утверждать, что предполагаемая связь

⁵³⁹ Сборник Императорского Русского Исторического общества. С. 226.

⁵⁴⁰ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 94.

⁵⁴¹ Самойлова С.В. Указ. соч. С. 48, 228.

военнослужащих корпуса с некими тайными организациями вызывала сколько-нибудь серьезные опасения в императорском штабе.

§ 2. Статистика правонарушений русских военнослужащих

При анализе рапортов командного состава корпуса становится очевидно, что дисциплинарные нарушения в оккупационном корпусе по своему характеру принципиально не отличались от тех, что происходили в других соединениях русской армии в период Заграничных походов. Самыми распространенными проблемами оставалось дезертирство, оскорбление (в любом виде) местного населения и оскорбление вышестоящих чинов⁵⁴². Однако, в отличие от предыдущего периода, стабильность и размеренный темп жизни военнослужащих на оккупированной территории позволяли более системно подходить к контролю за дисциплиной.

А. С. Лыкошин приводит данные о числе возбужденных в корпусе судебных дел. По его подсчетам, за три года таковых насчитывается 95, «а кроме того произведено 57 следствий, прекращенных без предания суду за отсутствием виновных». Из них за воровство осудили 40 человек, за побегі – 28, за убийства – 13 (из них 3 – за убийства сослуживцев). Далее он пишет: «... Если принять во внимание, что в числе случаев воровства были и мелкие кражи у товарищей, то за преступления против местных жителей окажется осужденными за 3 года не более 50 чел., а именно 30 ч. за воровство, 10 ч. за убийство, 7 ч. за грабеж, 1 ч. за изнасилование; кроме того, несколько человек было осуждено за подделку французской монеты и за провоз контрабанды. Из числа прекращенных за нерозыском виновных следствий по

⁵⁴² См. Болт В.С. Русский оккупационный корпус во Франции 1815–1818 гг.: агрессоры или жертвы обстоятельств? // Вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 225–234; Она же. Конфликты между французским населением и военнослужащими русского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М., 2020. С. 185–195.

жалобам местных жителей возникло лишь 12 дел о грабежах и насилиях, учиненных неизвестными лицами, и 4 дела о провозе контрабанды»⁵⁴³.

К сожалению, эти данные невозможно проверить из-за того, что автор не ссылается на источники. К тому же, за сто лет, прошедшие после написания его работы, российские архивы пережили целый ряд трансформаций. По всей видимости, А. С. Лыкошин имел доступ к тем документам, которые в настоящее время в отечественных архивных фондах не обнаруживаются. Тем не менее, и сегодня мы можем установить примерное количество судебных дел и их содержание по другим официальным документам, подписанным командиром корпуса. Впрочем, нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что полученные цифры окончательны.

При рассмотрении дела № 74 в фонде № 16235 Российского государственного военно-исторического архива, озаглавленного как «Следственные дела, произведенные в отдельном корпусе, возвратившимся из Франции, бывшем под командою господина генерал-адъютанта гр. Воронцова. С 13 сентября 1815 по 28 января 1819», и приказов командира нам удалось выявить 125 правонарушений, которыми занимались аудиториат корпуса или аудиториаты полков. Учитывая периодические выговоры Воронцова командирам полков за то, что они не по всем правонарушениям иницируют следственные дела, предпочитая самим наказывать виновных в частном порядке, нам следует к этим 125 зафиксированным правонарушениям прибавить еще некоторое количество тех, которые командиры сочли слишком незначительными для передачи в военно-судную комиссию⁵⁴⁴. Кроме того, в число этих правонарушений не входят случаи дезертирства, которые, согласно приказу командира корпуса, рассматривались отдельно от остальных преступлений и о которых он сам доложил в итоговом отчете императору по окончании оккупации.

⁵⁴³ Отечественная война и русское общество. С. 153.

⁵⁴⁴ Среди них, следуя упоминаниям Воронцова, мелкое воровство, пьянство, грубость старшим по званию и плохое исполнение поручений.

В результате анализа указанных документов мы имеем следующую картину. Обвинений в воровстве (в том числе и с недоказанной виной) было выдвинуто 28, в контрабанде – 10, в грабеже с применением насилия – 6, в убийствах и французов, и русских – 8, в неуставном обращении к старшему по званию – 10, в ослушании (невыполнении или плохом выполнении приказа) – 9, в пьянстве – 8, в написании фальшивок – 4, в драках с французами – 14, в драках с сослуживцами – 2, в сексуальном насилии - 1. Кроме того, 2 дела были возбуждены из-за нападений французских солдат на русских солдат. Виновных в 4 убийства как военных, так и гражданских лиц найти не удалось. И наконец, зафиксировано 18 самоубийств.

Определить точное количество случаев воровства по имеющимся источникам практически невозможно, так как, судя по приказам командира корпуса, о подобных правонарушениях докладывали ему далеко не всегда. Нередко при составлении обвинения оказывалось, что подсудимый «учинял воровство» уже в четвертый или даже в шестой раз. При этом подробности предыдущих правонарушений не уточнялись. Вероятно, подобные покушения на чужую собственность являлись достаточно распространенной среди личного состава практикой. В приказе командира корпуса от декабря 1815 г. даже отмечалось, что солдаты, переселяясь с одних квартир на другие уносят с собой ключи от входных дверей, что, по его предположению, делалось с целью дальнейших краж⁵⁴⁵.

§ 3. Дезертирство и другие преступления со стороны воинских чинов

Одной из наиболее болезненных проблем для командования русской армии в Зарубежном походе 1813–1814 гг. было дезертирство подчиненных. Хотя исследователи не единожды пытались определить более или менее точное число военнослужащих, покинувших ряды армии во время ее

⁵⁴⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 40 об.

пребывания за границей, к единому мнению на сей счет им прийти пока так и не удалось. Отчасти причина тому – недостаток достоверных источников. Е. А. Назарян в своей статье упоминает о фигурирующей в литературе оценке числа дезертировавших после вступления союзной армии на территорию Франции в 40 тыс. чел., однако обращает внимание на ненадежный характер источника этих сведений, каковым, по ее мнению, являются мемуары артиллериста А. М. Барановича, чьи выводы основываются на «слухах и домыслах»⁵⁴⁶. Аналогичные цифры – 40 тыс. дезертиров, – но уже для периода 1814-1818 гг., дважды встречаются в новейшей книге французской исследовательницы М.-П. Рей «Царь в Париже»⁵⁴⁷. Однако она вообще не упомянула о каких-либо источниках подобных сведений, за что навлекла на себя критику со стороны рецензента⁵⁴⁸.

Более того, рассматривать проблему дезертирства, не разделяя периоды военных действий и оккупации, малопродуктивно. Конечно, в оккупации участвовали те же самые военнослужащие, что несколькими годами ранее воевали на территории России, а потом в Европе. Вероятно, перспектива провести несколько лет на территории чужого государства, тогда как остальная армия возвращается домой, нравилась далеко не всем. Тем не менее, в отличие от военного периода, непосредственной угрозы для жизни солдаты в период оккупации уже не испытывали. К тому же устраивать побегі стало сложнее, так как усилился и контроль за ними со стороны командиров. Внимательный и аккуратный Воронцов неусыпно следил за положением дел в частях: каждый месяц он получал подробные рапорты о состоянии личного состава каждого полка и о находящихся в госпиталях. В этих рапортах фиксировались также все происшествия, все случаи

⁵⁴⁶ Назарян Е. А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.) / под ред. А. В. Горбунова. Можайск, 2012. С. 309.

⁵⁴⁷ Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris, 2014. P. 268, 298.

⁵⁴⁸ Чудинов А.В. Рец. на кн. М.-P. Rey. 1814: Un Tsar à Paris. P.: Flammarion, 2014. 329 p. // Российская история. 2015. № 1. С. 188-192.

проявления недовольства и пр. В таких условиях практически все были на виду, затеряться и исчезнуть было очень непросто. По мнению М. А. Давыдова, малое количество побегов свидетельствовало о правильности решений, принимавшихся Воронцовым: запрет на наказание солдат без суда, создание полевой почты для нижних чинов и пр.⁵⁴⁹ Сам Воронцов высоко оценивал достигнутый им результат: «Убыль в людях в продолжение трехлетнего пребывания во Франции столь невелика, что если бы и на четвертый год оставался, и хотя бы находился столь близко своих границ, что мог бы удобно получать в комплект людей, то и тогда я бы не имел нужды его требовать»⁵⁵⁰.

Не претендуя на установление точного числа дезертиров за всё время пребывания российских войск во Франции 1814-1818 гг., замечу, что известные нам цифры по периоду второй оккупации – с 1 сентября 1815 г. по 20 декабря 1818 г. – действительно, несопоставимо меньше приводимых в историографии. Согласно докладу М. С. Воронцова императору Александру I, из корпуса за три года сбежали или предприняли попытку сбежать 319 человек⁵⁵¹. Фактически это число не превышает 1% личного состава корпуса, который на протяжении всего периода оккупации насчитывал в среднем около 30 тысяч человек⁵⁵². Число выглядит незначительным, однако среди всех правонарушений в корпусе дезертирство составляло примерно 1/3.

В отчете Воронцова соответствующие данные представлены в двух разных таблицах. Первая содержит сведения за период с 1 сентября 1815 г. по 1 сентября 1818 г., вторая – с 1 сентября по 20 декабря 1818 г. Это не всегда учитывается в историографии, что порою приводит к разным цифрам при подсчетах. Так, в книге О. Ю. Захаровой количество дезертиров дается по обеим таблицам, но по каждой отдельно⁵⁵³. Российский же историк

⁵⁴⁹ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 88.

⁵⁵⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 7.

⁵⁵¹ Там же. Л. 13.

⁵⁵² Там же. Л. 3.

⁵⁵³ Захарова О.Ю. Я князь, коль мой сияет дух... С. 72.

В. Я. Гросул, автор работы «Русское зарубежье в первой половине XIX века», приводит, ссылаясь на О. Ю. Захарову, данные только первой таблицы, в результате чего общее количество дезертиров у него оказывается меньше⁵⁵⁴.

К сожалению, пока не обнаружено достоверных источников, содержащих сведения об общем числе бежавших из российской армии в 1814 г. Однако, очевидно, что приводимое в упомянутой выше исторической литературе число в 40 тыс. дезертиров за 1814–1818 гг. выглядит весьма сомнительно, поскольку предполагает, что в течение 1814 г. из русской армии сбежал фактически целый корпус.

Одна из причин побегов, отмечаемая в свидетельствах участников Зарубежного похода, это – желание поближе познакомиться с экзотикой французской жизни. Английский историк Д. Ливен пишет: «При чтении воспоминаний офицеров о 1813 и 1814 г., порой также складывается впечатление, что они были своего рода “военными туристами”, которые проходили по экзотическим землям иностранных держав, попадая на этом пути в приключения и получая новые впечатления»⁵⁵⁵. Ярким примером поиска таких впечатлений служит военно-следственное дело прапорщика Ефремова, который 2 апреля 1814 г., фактически сразу после вступления союзных войск в Париж, был отправлен туда своим командиром из Версаля за получением денег на весь полк. Задержавшись в Париже на несколько дней, Ефремов пропустил тот момент, когда его полк покинул прежнее место расположения. По возвращении, не найдя сослуживцев, молодой прапорщик, не теряя даром времени, опять отправился в Париж, поселился в трактире и прожил там месяц, нося «партикулярное платье». Он «в некоторых местах без всякого умыслу или намерения называл себя немцем или англичанином». Отправившись в поисках однополчан в Труа и Версаль на извозчике, Ефремов потратил на дорогу и свои, и полковые деньги, за которыми ранее

⁵⁵⁴ Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008. С. 58.

⁵⁵⁵ Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 378.

ездил в Париже. В конце концов, он все же сумел найти своих, но за то, что целый месяц пропадал неизвестно где, попал под суд⁵⁵⁶.

В этом деле показателен не только поступок провинившегося, молодого девятнадцатилетнего прапорщика, попавшего на войну в 1812 г. Очевидно, юноша, столько ранее слышавший о легендарном Париже, просто воспользовался подвернувшимся случаем, чтобы поближе рассмотреть, чем живет эта «столица мира». Показательно и мнение его начальства относительно вынесенного следственной комиссией приговора. В соответствии с уставом суд приговорил молодого офицера к разжалованию в рядовые и вычету из его жалования той суммы, которую он задолжал извозчику и камердинеру. Однако командир корпуса генерал-лейтенант Чоглоков скорректировал это решение, заметив, что подобный поступок хоть и недопустим, но не страшен. В результате прапорщика обязали выплатить деньги извозчику из жалования и семейных доходов, но обошлись без разжалования, постановив обойти нарушителя при следующем повышении в чинах⁵⁵⁷. Вероятно, стремление молодого человека попробовать вкус парижской жизни было его начальству вполне понятно и даже вызывало некоторое сочувствие.

По утверждению французского филолога-русиста Э. Омана: «В последующие годы (после завершения Наполеоновских войн – В.Б.) путешественники часто упоминали о русских дезертирах, встретившихся им в Париже»⁵⁵⁸. А. С. Лыкошин приводит свидетельство генерала Отрощенко о том, что перед уходом русской армии из Франции некоторые солдаты, «ознакомившиеся с француженками и подружившиеся с своими хозяевами, которые отлично их продовольствовали, давая каждый день говядину и кофе, дезертировали из полков, при чем хозяева их скрывали; когда же хозяева стали их понуждать к работе, то многие дезертиры возвратились к своим

⁵⁵⁶ РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 78.

⁵⁵⁷ Там же. Д. 103. Л. 24.

⁵⁵⁸ Naumant E. La Culture française en Russie (1700-1900). Paris, 1910. P. 293.

полкам и явились в оставшийся во Франции корпус гр. Воронцова»⁵⁵⁹. В российских официальных документах, действительно, можно встретить упоминания о подобных случаях. В одном из следственных дел содержится приговор пятерым рядовым в возрасте от 21 до 28 лет, оставшимся во Франции после кампании 1814 г. Хотя подсудимые совершили побеги в разное время, каждый из них показал, что одной из причин были уговоры кого-то из местных жителей остаться. Также они признавали, что в их планы абсолютно не входило вступать в ряды французской армии; они собирались только жениться и остаться во Франции жить⁵⁶⁰. В известных мемуарах артиллериста И. Т. Радожицкого причины побегов в 1815 г. объясняются следующим образом: «Наши солдаты так разлакомились квартирами во Франции, что при возвращении в свои пределы начали оставаться: из двух гусарских полков в одну ночь ушло 40 человек. Пехотинцы стали также сильно бегать. Фельдмаршал издал строгий приказ, и определил по червонцу тому, кто поймает и приведет беглого; но французы режут наших мародеров: недавно нашли застреленного гусара»⁵⁶¹.

В. Я. Гросул также отмечает: «Разбирательства, которые были организованы по поводу бегства из корпуса Воронцова, отнюдь не повального, показали, что во Франции явно ощущался недостаток мужчин-работников и французские семьи, особенно в деревнях, с охотой принимали русских солдат, большинство из которых, если не все, женились на местных француженках. Дезертирство в условиях нахождения в другой стране приобретало таким образом характер эмиграции»⁵⁶².

Устраивались побеги и арестантами. Такие случаи были немногочисленными, однако они бежали сразу по несколько человек. Так, в приказе по корпусу Воронцова от 6 марта 1816 г. говорилось: «[Предаются военному суду рядовые] 38 Егерского Иван Кордюков и 12 артиллерийской

⁵⁵⁹ Отечественная война и русское общество. С. 143.

⁵⁶⁰ РГВИА. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 64. Ч. 1. Л. 81.

⁵⁶¹ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... Ч. 4. 1815 год и начало 1816-го., Вторичный поход во Францию. М., 1835. С. 225.

⁵⁶² Гросул В.Я. Указ. соч. С. 58.

бригады батарейной роты № 12 готлангер Иван Свиначук за повторные побеги, из коих последний учинен ими в числе 30 человек арестантов в марше, когда под присмотром конвоя проходили лес»⁵⁶³. В приказе от 25 октября 1816 г. давалось распоряжение «полевому аудиториату нарядить суд для суждения войска Донского казачьего Гревцова полка сотника Смирнова за нерадение и неосмотрительность в содержании арестантов препровождаемых им в Россию, у которого бежало в один раз 9 человек и бывшего старшим над караулом казака Ерофея Михалушкина за неисполнение начальничьего приказа в рассуждении осторожности за арестантами и за нерадение в исполнении сей обязанности, отчего оные 9 арестантов успели уйти»⁵⁶⁴.

Воронцов борьбе с дезертирством придавал особое значение. Если положение о полевом аудиториате для всех видов преступлений было подписано командиром корпуса лишь 1 марта 1816 г.⁵⁶⁵, то приказ о правилах расследования дел о побегах с приложением регламента допроса разных причастных лиц вышел еще 29 октября 1815 г.⁵⁶⁶ Этот факт, помимо прочего, свидетельствует еще и о том, что к тому времени факты дезертирства были настолько распространены, что командиру уже при вступлении в должность пришлось вплотную заняться этой проблемой. Из текста приказа видно, что главным фактором в деле поимки беглецов Воронцов считал время: строжайше предписывалось максимально быстро докладывать о случае побега вышестоящему начальству. За короткое время дезертир не успевал убежать далеко, а потому чаще всего оказывался схвачен. В вышеупомянутом отчете императору Воронцов пишет, что всего были пойманы 167 дезертиров⁵⁶⁷, то есть более 50% от их общего числа.

⁵⁶³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. л. 51.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 153

⁵⁶⁵ Там же. Л. 1.

⁵⁶⁶ Там же. Д. 539. Л. 21.

⁵⁶⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 13.

О степени строгости наказаний дезертирам можно судить по приказам командующего корпусом, которые доводили до сведения личного состава полков информацию о вынесенных приговорах, что должно было показать эффективность работы военной юстиции и обеспечить профилактику новых побегов. Так, приказ от 22 марта 1816 г. гласил: «Алексопольского пехотного полка рядовой Андрей Мосейчик, 12 артиллерийской бригады батарейной роты готлангер Иван Свиначук, суждены за побег и найдены виновными, первой в побеге в первой раз, а последний – во второй. Приговорены к прогнанию сквозь строй, Мосейчик через 500 человек 2 раза, а Свиначук через 500 человек 4 раза...»⁵⁶⁸. Аналогичный приказ от 4 мая 1816 г. сообщал, что «отданы под военный суд <...> 9 артиллерийской бригады легкой роты № 18 готлангер Григорий Глухнов за побег <...> Определено: <...> готлангера Григория Глухнова прогнать шпицрутенами через батальон два раза с написанием в другую роту»⁵⁶⁹. В приказе от 27 мая 1817 г. говорилось: «41 Егерского полка рядовые Козьма Сердюков и Павел Максименко отданы были под военный суд, обвиняемые первой в третьем побеге и в подговоре к побегу ж; Павел Максименко за второй побег по подговору Сердюкова; военный суд нашел оных в том виновными и приговорил по законам к наказанию шпицрутенами: Сердюкова через 1 000 человек 12 раз, а Максименку через 1 000 человек 6 раз. – Командующий 12 дивизиею г. генерал-майор Лисаневич в облегчение приговора, сделанного судом, в уважение службы и походов, в мнении полагает наказать: первого через 1 000 человек 6 раз, а на основании Высочайшего Указа состоявшего 1810 года, яко безнадёжного к исправлению и вредного в полевой армейской службе быть выписать в отдаленный гарнизон; рядового ж Максименка наказать шпицрутенами через 500 человек 6 раз с оставлением по прежнему на службе в полку»⁵⁷⁰. В приказе от 4 декабря 1817 г. сообщалось: «Нашебургского пехотного полка рядовой Андрей Непомнющий отдан был

⁵⁶⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 57.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 94.

⁵⁷⁰ Там же. Д. 541. Л. 32.

под военной суд за побег в четвертый раз. Приговор – кнут и вырезание ноздрей перед полком, ссылка на галеры на вечную работу. Конfirmую наказание шпицрутенами через 1 000 человек три раза и ссылку на крепостную работу в Россию»⁵⁷¹.

Приказами по корпусу объявлялись и благодарности за активную помощь в поимке беглецов. Например, в приказе от 13 сентября 1816 г. выражалась «вузьерскому этапному коменданту Курляндского драгунского полка г. прапорщику Преляту благодарность за отличное исправление должности и отыскание восемнадцати (!) наших дезертирщиков, скрывавшихся в селениях, лежащих около Вузьера»⁵⁷².

Раскаявшиеся дезертиры могли рассчитывать на милость командира. Так в марте 1816 г. им были амнистированы трое рядовых, добровольно вернувшиеся в корпус⁵⁷³. Это решение командира корпуса диктовалось приказом российского императора прощать дезертировавших во время Заграничных походов, если они вернуться в Россию к определенному сроку⁵⁷⁴. Метод «кнута и пряника», активно применявшийся Воронцовым по отношению ко всем чинам корпуса, давал результаты: в некоторых случаях беглецы предпочли вернуться, нежели быть пойманными и подвергнутыми суровой каре. Хотя наказывать солдат палками без суда запретили, легитимное наказание в несколько сотен, а то и тысяч ударов шпицрутенами по степени жестокости ничем палкам не уступало. С другой стороны, даже такая расправа помогала далеко не всегда и рецидивы дезертирства не были единичными.

Для поимки беглых командование корпуса координировало свои действия как с местной администрацией, так и с союзными войсками. Например, в рапорте майора Смоленского полка Хрущева от 5 сентября 1815

⁵⁷¹ Там же. Д. 60.

⁵⁷² Там же. Д. 540. Л. 142.

⁵⁷³ Там же. Л. 57.

⁵⁷⁴ На эту тему см. Назарян Е. А. Путь домой: возвращение на родину нижних чинов русской армии в 1813–1822 гг. (по документам АВПРИ) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). М., 2006. С. 314–319.

г. говорилось: «Мэра монтонвильского я обязал подпискою, чтобы он, когда жившие о таковых людях (дезертирах. — В. Б.) доложат, давал бы ту ж минуту знать в Понтмусен, и если откроется в его колонии проживающий кто-нибудь из дезертиров или вообще из подозрительных людей, тогда он подвергнется строгой ответственности»⁵⁷⁵. В одном из рапортов упоминалось, что после объявления пропавшего из роты денщика дезертиром везде были «прибиты публикации» о том, что он находится в розыске⁵⁷⁶. Вероятно, такая политика ограничивала готовность местных жителей укрывать беглецов.

Необходимость объединения усилий для борьбы с побегами объяснялась еще и тем, что в некоторых случаях дезертиры представляли опасность для попадавшихся им на пути солдат или местных жителей. Еще в сентябре 1815 г. недалеко от Монтовиля русский гусар был ранен выстрелом в бок. При расследовании виновных не нашли, однако майор Хрущев, изучавший обстоятельства происшедшего, доложил, что, по словам мэра Монтовиля, в округе ранее не замечали ни разбойников, ни партизан, но за пятнадцать дней до того через него проходила союзная армия и в лесу потом видели «наших (не уточняя каких именно наших: принадлежащих русской или в целом союзной армии – В.Б.) дезертиров»⁵⁷⁷. Из рапорта следовало, что ответственность за нападение на гусара возлагалась именно на них. В сентябре 1816 г. под суд был отдан и приговорен к расстрелу рядовой Апшеронского полка не только за второй побег, но и убийство укрывавшей его женщины⁵⁷⁸. В июле 1817 г. был судим приговорен к расстрелу рядовой Кинбурнского полка за второй побег и «по подозрению в убийствах во время побега одной женщины и двух мужиков и в нанесении, кроме того, ран другой женщине и еще одному мужику»⁵⁷⁹.

⁵⁷⁵ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 8.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 128 об.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 8.

⁵⁷⁸ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 141.

⁵⁷⁹ Там же. Д. 541. Л. 41.

Для профилактики правонарушений командование корпуса требовало от командиров максимального внимания к отбору личного состава. В приказе от 6 июня 1816 г. говорилось: «По условию нашему с Голландским правительством ловить и выдавать их дезертирщиков. Всех таких непременно отправлять в крепость Мобеж, либо в крепость Живе. Заметив из произведенного в 38 егерском полку следствия о бежавшем рядовом из 9 егерской роты Тимофее Александрове, что оный рядовой находился прежде долгое время в 3 карабинерной роте, хотя был неоднократно наказываем за драку, пьянство и воровство, – нахожу нужным подтвердить всем гг. начальникам полков, выбирать непременно в гренадеры и карабинеры людей доброго поведения, каковое назначение и должно им служить наградой <...> В особенности даю заметить, что никак не следует помещать людей в гренадеры по одному только росту и наружному виду»⁵⁸⁰.

Таким образом, командование корпуса и военная юстиция вели разностороннюю и активную борьбу с дезертирством, что, однако, не обеспечивало полного предотвращения побегов. Фактически дезертирство в корпусе было как самостоятельной проблемой, так и в ряде случаев следствием противоречий между старшими и младшими чинами. В ноябре 1816 г., например, к суду был привлечен унтер-офицер 10 егерского полка за то, что, потеряв доверенные ему начальством 68 франков, убоился наказания и сбежал⁵⁸¹. Согласно рапорту от 20 ноября 1816 г., «деньщик порутчика Литвинова Дмитрий Дынин убежал 1-го числа сего месяца за несколько часов пред приездом своего господина, посланного накануне сего дня поутру в штаб-квартиру за рационными деньгами»⁵⁸². А в июне 1816 г. один из жандармов, состоявших при штаб-квартире корпуса был судим за побег и попытку укрыться, переодевшись в крестьянское платье. В ходе суда оказалось, что один из унтер-офицеров, как сказано в приказе «не только наказывал упомянутого жандарма палками, но даже бил его без вины и

⁵⁸⁰ Там же. Д. 540. Л. 101.

⁵⁸¹ Там же. Л. 155.

⁵⁸² Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 191.

только чтобы узнать виноват ли он был, и при допросах, что есть ни что иное как пытка, столь строго запрещенная нашими законами, и особливо Государем Императором»⁵⁸³.

Проблема воровства и других форм незаконного изъятия имущества у мирного населения стояла не менее остро. Ж. Антрэ в своем исследовании рассматривает хищение чужой собственности как один из символических актов. По его мнению, любая собственность, которая, будучи одним из основных прав человека, воспринимается как проявление самостоятельности, власти⁵⁸⁴, поэтому нередко солдаты стремились ее отнять не столько из необходимости, сколько ради убеждения в собственном превосходстве и поэтому такие захваты осуществлялись демонстративно открыто. Очевидно, что грабеж, не связанный с недостатком предметов первой необходимости и в некоторых случаях сопровождавшийся насилием, был одним из наиболее показательных способов проявления подобной агрессии.

В приказе по корпусу от 26 января 1816 г. говорилось: «В селении Мобер-Фонтен Якутского пехотного полка Портупей-Прапорщик Козаков, коему поручена была полковая почта, допустил нижние чины до беспорядков»⁵⁸⁵. Правда, не уточнялось, какого рода беспорядки были учинены. В приказе от 30 января 1816 г. отмечалось, что «Военным судом при Смоленском пехотном полке были суждены за беспорядки, разбой и грабежи близ города Ландреси 24 декабря Нарвского пехотного полка Унтер-офицер Савелий Бубнов; Смоленскаго: рядовые Иван Григорьев и Сафон Яковлев»⁵⁸⁶. Приказ от 14 января 1816 г. гласил: «Подвижного Провиантского магазейна погоньщики: Алексей Федоров, Павел Тарасьев и Еким Дмитриев, изобличены военным судом в покушении ограбить ночью в поле проезжавшую по дороге коляску, при каковом случае бывший вместе с

⁵⁸³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 120.

⁵⁸⁴ Nantray J. Op. cit. P. 75.

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп.1. Д. 540. Л. 18.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 20.

ними товарищ застрелен»⁵⁸⁷. На первый взгляд может показаться, что подобные случаи были характерны только для 1816 г., первого года квартирования корпуса. Однако в приказе и от 13 ноября 1818 г. отмечалось, что «во время ночлега Тверского драгунского полка в Льеже, караульные онаго полка бывшие при конюшне, отведенной у церкви Св. Андрея, в ночное время пришли в один питейный дом, который был уже заперт и когда хозяин онаго не хотел их пустить, то они усилием отбили двери и влезли в окно, принудили отпереть дом, где, забравши напитков и съестных припасов на сорок франков, не уплатя за оные, ушли»⁵⁸⁸.

В сущности, воровство и грабеж не исключали друг друга и в период военных действий, однако в период оккупации воровство стало преобладающим видом преступления. Характеризовалось оно, прежде всего, меньшим, по сравнению с грабежом, размером похищенного. Воровали солдаты в основном личные ценности, одежду и еду. В рапорте, поданном в январе 1816 г. М. С. Воронцову, значится, что житель Фюме жаловался двух русских солдат, которые, украли у него «шерстяную шапку и платки: красный шелковый и носовой белого полотна, всего ценою на 9,5 франков»⁵⁸⁹. В приказе от 3 июня 1816 г. отмечалось, что «10 Егерскаго полка рядовой Гаврила Иевлев оказался виновным в воровстве в селении Этеньер из церкви вещей»⁵⁹⁰. В рапорте от 8 октября 1816 г. сообщалось, что «Смоленского пехотного полка из числа расположенных в казармах в селении Оби нижних воинских чинов рядовые Акептий Михайлов, Иван Боев и Филипп Михайлов, прошедшего сентября 28 числа ночью вышедшие из казармы... пошли в сад, принадлежащий того же селения жителю Пьер-Зожев Димари с намерением нарвать тайным образом груш»⁵⁹¹. Приказ от 26 июня 1817 г. отмечал, что «Ряжского пехотного полка рядовые Гаврило Шорин, Егор Иванов, Ян Даус и Емельян Егоров обвиняются: первые трое в

⁵⁸⁷ Там же. Л. 7.

⁵⁸⁸ Там же. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁵⁸⁹ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 16.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 76.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 27.

воровстве в селении Шиньи из церкви денег и вещей; а последний за принятие украденного в церкви холста»⁵⁹². Поскольку главным отличием кражи от грабежа была скрытость, то воровали в основном либо ночью, либо при отсутствии хозяев. И даже когда воров ловили с поличным, они старались первым делом сбежать, не прибегая к использованию оружия.

Все фиксируемые случаи воровства отнюдь не были связаны со стремлением военных к доминированию над населением оккупированной территории: открытого захвата имущества у местных жителей не предпринималось. Напротив, основная масса преступлений совершалась в ночное время или при отсутствии свидетелей. Насилие в большинстве случаев носило ситуативный характер и применялось в основном для самозащиты.

Так же как дезертирство и воровство, конфликты между старшими и младшими чинами, рядовыми и офицерами имели место на протяжении всей оккупации. Причем, практически каждый подобный конфликт в своей основе имел применение силы старшими чинами к младшим либо за неподобающее, по их мнению, поведение, либо за плохое выполнение обязанностей. К примеру, в июне 1816 г. приказом по корпусу был объявлено, что состоявший при подвижном магазине чиновник 14 класса Лисецкий арестован и посажен на гауптвахту на две недели за «самовольное и бесчеловечное наказание погонщика Семена Родицына»⁵⁹³.

Один из наиболее трагических примеров конфликта между старшими и младшими по званию, это – конфликт братьев Черепановых с командиром артиллерийской роты подполковником Лавровым. Ситуация выглядела, по результатам следствия, так. Три брата вместе служили фейерверкерами. Младший провинился по службе и был наказан: по одним свидетельствам – палками в полку, по другим – избит самим Лавровым. Старший брат попытался уговорить младших братьев написать прошение о переводе в

⁵⁹² Там же. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

⁵⁹³ Там же. Л. 100.

другую роту, обвинив ротного в пристрастном отношении и незаслуженных наказаниях. Это спровоцировало конфликт с командиром и арест всех трех братьев, после чего, находясь под караулом, старший перерезал себе горло бритвой. На допросе младшие братья показали, что покойный давно таил обиду на Лаврова за то, что не получает повышения по званию⁵⁹⁴. Заметим, что саму обоснованность наказания – нерадивое отношение младшего Черепанова к порученному делу – братья не оспаривали. Возмущение старшего из них вызвал лишь «неправомерный» способ такого наказания, который он и попытался опротестовать правовым путем. Однако далеко не всегда солдаты решались на открытый протест, опасаясь подвергнуться наказанию за излишнюю смелость. Подтверждением обоснованности таких опасений служит следственное дело Семена Симонцова, денщика подпоручика Ширжецкого: он попытался пожаловаться на побои и в итоге сам оказался под следствием⁵⁹⁵.

Конфликты солдат с младшим командным составом – унтер-офицерами и фельдфебелями – порой и вовсе заканчивались рукоприкладством, причем с обеих сторон. Так, нестроевой артиллерийской бригады Тимофей Гусев попал под военный суд за то, что, помимо учиненной им «отлучки от цейхгауза с поста пьянствовать», нагрубил фельдфебелю Бурову и обещал убить его ночью камнем. При рассмотрении дела оказалось, что Буров перед этим туго связал Гусева за грубость и избил⁵⁹⁶. В октябре 1816 г. рядовой жандармской команды был отдан под суд за то, что «в пьяном виде схватил за груди унтер-офицера Склярова и толкал его об стену». Смягчающим для нарушителя дисциплины обстоятельством оказалось то, что Скляров перед тем сам «обошелся с ним весьма непозволительным образом», а именно «самовольно бил руками и палкою солдата в то время, как он был

⁵⁹⁴ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 23-34.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 626.

⁵⁹⁶ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 164.

связанным»⁵⁹⁷. За три года оккупации в документах корпуса зафиксировано несколько подобных происшествий.

Главным катализатором конфликтов солдат как с гражданскими, так и между собой, был алкоголь. Причем Ж. Антрэ в своем исследовании отмечает, что именно с употреблением алкоголя было связано большинство конфликтов между гражданским населением и военнослужащими всех национальных контингентов. Впрочем, командование русским корпусом не воспринимало пьянство как самостоятельную проблему, требующую отдельного решения. За весь период оккупации оно стало причиной отстранения от службы лишь двух человек, одним из которых был лекарь егерского полка⁵⁹⁸. Но это были случаи, когда злоупотребление алкоголем носило систематический характер⁵⁹⁹ и мешало военнослужащим выполнять свои обязанности. Вместе с тем, при расследовании многих правонарушений упоминалось о предшествовавших им возлияниях, что рассматривалось судом как отягчающее обстоятельство. Любителей выпить придерживали и при повышении по службе.

Нередко выпивка предшествовала дракам, иногда с применением оружия. Дезертиры со стажем, совершавшие не один, а по несколько побегов, обычно также оказывались пьяницами. Тем не менее, командование корпуса никогда под сомнение не ставило необходимость винных порций в солдатском рационе. Более того, Воронцов крайне негативно относился к попыткам солдат обменивать алкогольную порцию на деньги, даже если они это делали с благой целью: например, когда хотели потратить полученные таким путем средства на починку амуниции.

Офицеры же корпуса платили щедрую дань такому пороку, как любовь к азартным играм. Первые жалобы на сей счет поступили к командованию в

⁵⁹⁷ Там же. Л. 147.

⁵⁹⁸ Там же. Д. 541. Л. 4.

⁵⁹⁹ Так, например, в феврале 1817 г. в одном из приказов было объявлено, что гренадер Петр Лавров по решению военного суда был лишен знаков отличия за то, что «он с 6 числа на 7 прошлого декабря месяца был пьян». Командир корпуса обязал суд отменить свое решение и заметил, что солдат не может подвергаться подобному наказанию за то, что один раз был замечен пьяным (Там же. Л. 10 об.)

июне 1816 г., и не откуда-нибудь, а из Баве, где находилась казна корпуса и откуда производилась регулярная выплата офицерам средств на содержание⁶⁰⁰. Реакция командования была незамедлительной: игру в карты тут же полностью запретили под угрозой ареста ослушавшихся, после чего в Баве отправился адъютант Воронцова, который без приглашения явился в дом, где собрались игроки, а затем сообщил их имена в штаб корпуса. В итоге часть нарушителей запрета попала под арест, часть поехала в Россию, а комендант Баве лишился своей должности⁶⁰¹. Однако такой запрет легче было выпустить, чем реализовать. Автор книги «Русские во Франции» не без сарказма замечает, что «командиры полков, делавшие значительную экономию во время оккупации, оставляли всё в столичных игорных домах»⁶⁰². Авторы «Сына Отечества» в разделе с новостями из Франции как-то отметили, что к азартным играм в оккупированной зоне командиры всех корпусов относились негативно и запретили устраивать игорные дома в подконтрольных им городах, что вызвало разногласия с местными властями, имевшими значительный доход от таких заведений⁶⁰³.

Таким образом, конфликты между военными случались едва ли реже, чем конфликты между русскими и французами. В большинстве своем инициатива их исходила либо от рядовых, либо от младшего командного состава. Офицеры среднего и старшего звена, как правило, оказывались либо пострадавшей стороной, либо невольными участниками. Безусловно, не стоит однозначно утверждать, что за три года в корпусе не случилось ни одного конфликта между старшими офицерами, но если таковые и были, то, вероятно, не имели тяжких последствий и публичного характера, а потому и не нашли отражения в официальных документах. Имелось, правда, и одно исключение, а именно – конфликт между полковником Левенштерном и майором Макаровым, случившийся в марте 1816 г. Причиной тому стала

⁶⁰⁰ Там же. Д. 540. Л. 110.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Cazin F.-S. Op. cit. P. 15.

⁶⁰³ Второе прибавление к 30 книжке журнала «Сын Отечества». 1816. № 61. С. 3.

ложа в театре. Согласно рапортам обоих участников ссоры, Левенштерн заказал себе ложу, но то ли не всю целиком, то ли работники театра что-то перепутали и не на всех креслах указали его имя, и майор Макаров, пришедший в компании еще нескольких офицеров, расположился на неподписанных креслах. Кто первым начал конфликт, установить уже невозможно. Левенштерн позднее будет утверждать, что сначала вежливо попросил уступить ему забронированные им заранее кресла, и все, кроме Макарова, выполнили его просьбу без лишних слов. Макаров же пересаживаться не захотел. Полковник был в сопровождении нескольких дам, перед которыми не мог пасть в грязь лицом, и, согласно рапорту Макарова, поднял шум на весь театр, хотя и получил желанные места. В результате всем зрителям пришлось при уже поднятом занавесе слушать брань русского полковника, возможно, даже приправленную нецензурной лексикой. (Сам же Левенштерн, признавая, что ругался действительно громко, употребление «площадных слов» категорически отрицал). Более того, по словам Макарова, Левенштерн попытался толкнуть его, так что вся сцена едва не закончилась публичной дракой. Избежать подобной развязки позволил лишь вызов Макарова к командиру дивизии, после которого майор сразу же удалился⁶⁰⁴.

Вероятно, если бы вся описанная сцена не носила публичного характера, Воронцов мог бы ограничиться личной беседой с ее участниками, но в сложившихся обстоятельствах он не мог допустить столь откровенного оскорбления российского мундира и оставить произошедшее без серьезных последствий. Расследовать ссору должна была комиссия под председательством генерал-майора Гурьева. Она собрала свидетельства, подтвердившие, что скандалил один лишь Левенштерн, тогда как Макаров оставался все время спокойным. В итоге полковнику Воронцов объявил «строжайший выговор с подтверждением что ежели бы прочие свидетели, вызванные Г. Макаровым показали то же самое, что показал Г.

⁶⁰⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2122. Л. 1–6.

Подполковник Тихоцкой, то я бы вынужден был отнести Герцогу Веллингтону о смене его с Комендантства и потом отдать дело к рассмотрению военному суду. О сем строгом ему Г. Левенштерну выговоре и о причине онаго будет мною донесено ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ»⁶⁰⁵. Сложно сказать, был ли этот выговор оглашен по всему корпусу, так как в конце приказа стоит указание, что он должен был быть зачитан лично Левенштерну дивизионным командиром в присутствии майора Макарова. Вместе с тем, приказ был напечатан в типографии корпуса, как и те приказы, которые зачитывали всему корпусу при построении, из чего можно предположить, что этот выговор мог оказаться сродни публичной порке.

Аналогичных инцидентов за три года оккупации более не зафиксировано, тем не менее данный пример показателен тем, что не все конфликты между военнослужащими корпуса можно классифицировать по отдельным категориям. В любом случае оставались эпизоды, возникавшие из сиюминутного стечения обстоятельств и не имевшие под собой серьезной подоплеки.

§ 4. Самоубийства военнослужащих

За три года оккупации среди личного состава корпуса было зафиксировано 18 самоубийств⁶⁰⁶. Для сравнения с общей тенденцией по всей России можно использовать данные, которые привел русский экономист и специалист по статистике второй половины XIX в. К.С. Веселовский. В исследовании «Опыты нравственной статистики России» он, ссылаясь на «официальные сведения» (без конкретизации, правда), привел такие данные по числу самоубийств в России: 1803 г. – 582, 1819 г. – 856, 1820 г. – 894⁶⁰⁷. Сравнивая эти цифры с общим количеством населения и с общим числом

⁶⁰⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 78.

⁶⁰⁶ См. подробнее Болт В. С. Самоубийства в корпусе Воронцова во Франции 1815–1818 гг.: примеры и причины // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009231-3-1/> (дата обращения: 04.04.2021).

⁶⁰⁷ Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики в России. СПб., 1847. С. 14.

смертей, он установил, что в 1803 г. по всей Российской империи один самоубийца приходился примерно на 60 тыс. человек, а в 1825-1829 гг. – на 43 тыс. человек⁶⁰⁸. К сожалению, он не приводит данных о количестве умерших за 1803-1819 гг., но приводит их за 1826 г., отмечая, что в это время одно самоубийство приходилось примерно на 1,5 тыс. смертей⁶⁰⁹. Применительно к корпусу такое сравнение дает следующие цифры: в 1816 г. один самоубийца приходился примерно на 5 тыс. солдат, в 1817 – на 3,8 тыс., а в 1818 – на 15,4 тыс.⁶¹⁰. Об общем количестве смертей М.С. Воронцов в полугодовых рапортах не докладывал, поэтому узнать общее число умерших возможно только из его письма Александру I по окончании оккупации: за весь ее период безвозвратные потери в корпусе составили 735 человек, включая расстрелянных⁶¹¹. То есть один случай самоубийства приходится примерно на 41 смерть. Наиболее показательным соотношением количества самоубийств с общим числом расследованных случаев девиантного поведения солдат, выразившегося в различного рода правонарушениях. Согласно материалам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), за три года оккупации корпусной аудиториат 125 раз проводил следствие⁶¹². В это число не вошли только случаи дезертирства, которые рассматривались в отдельном порядке⁶¹³. Таким образом, каждое седьмое расследование проводилось по случаю самоубийства.

Какие же мотивы заставляли сводить счеты с жизнью солдат российской армии, где по-прежнему оставались крепки традиции православной веры, резко осуждавшей самоубийц? Прежде всего, изучая случаи солдатского суицида, представляется логичным связать их с возможными психическими расстройствами, которые могли бы объясняться пережитыми стрессами и травмами, полученными ранее в ходе военных

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Там же. С. 16.

⁶¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2105.

⁶¹¹ Там же. Д. 2164. Л. 13.

⁶¹² РГВИА. Ф. 16235. Д. 74.

⁶¹³ Подробнее см.: Болт В.С. Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 177-185.

действий. Однако в наши дни психологи и психиатры при диагностировании подобного рода душевных расстройств используют гораздо более обширный материал – аудиальный и визуальный, вербальный и невербальный, который, увы, не доступен историкам. Соответственно, все предположения о психических отклонениях, которыми могли довести кого-то из солдат корпуса до суицида, могут иметь лишь гипотетический характер.

Случаи суицида в корпусе Воронцова можно, правда со значительными оговорками, разделить на три группы. Первая включает в себя происшествия, в которых назначенным вести следствие офицерам не удалось обнаружить очевидной причины, что в ряде случаев они так и зафиксировали в итоговом рапорте, а в ряде – предположили душевные расстройства у самоубийц. Между тем, при обнаружении тела погибшего принятый порядок расследования включал в себя обязательное медицинское освидетельствование, которое, однако, носило только общий медицинский характер и не предусматривало составления психологического портрета жертвы. Ко второй группе можно отнести происшествия, объяснения которым не нашлось даже в виде предположений. В третью группу входят инциденты, связанные с конфликтами между военнослужащими и их командирами, информация о которых дошла до сведения командования, была озвучена на суде и, соответственно, официально зафиксирована.

«Беспричинных» суицидов за все время оккупации было немало. В июне 1816 г. такой инцидент произошел в Кинбурнском драгунском полку. Согласно материалам расследования, вагенмейстер⁶¹⁴ этого полка Бойков «в учрежденной при штабе для слабых нижних чинов сборной (вероятно, имеется ввиду какое-то медицинское отделение – В.Б.) ... в двенадцатом часу ночи без малейшей причины, не иначе как потеряв в ту минуту рассудок, схвативши ножик и в присутствии служителей Семена Кулика, Петра Маркелова, также двух слабых Нони Грищаева и Ефима Кротая во мгновение разрезал себе брюхо, и столь сильно, что не взирая всей ему данной помощи

⁶¹⁴ Служащий при военном обозе.

от Кинбурнского драгунского полка штаб-лекаря Сироизи он чрез три часа умер»⁶¹⁵. Все собранные свидетельства от служащих и сослуживцев указали на то, что никаких очевидных причин для столь жестокой расправы над самим собой Бойков не имел, поэтому было принято решение, что «он сие сделал лишивши ума».

Похожий случай имел место год спустя, но с иным финалом. В мае 1817 г. фурлейт⁶¹⁶ Смоленского пехотного полка Родион Мартынов «разрезал сам себе бритвою в двух местах живот». К счастью, незадачливого самоубийцу вовремя нашли сослуживцы, позвавшие на помощь. В ходе расследования выяснилось, что Мартынов, будучи уже в немолодом возрасте, был приписан к неспособным по службе, не выполнял никаких обязанностей кроме починки солдатских сапог «и то без всякого принуждения». Более того, ему была обещана отставка и, вероятно, возвращение в Россию вместе с другими неспособными. По свидетельствам сослуживцев поведения он всегда был хорошего, конфликтов с командирами не имел, и вообще все относились с уважением к его возрасту. Несмотря на все это, в один из майских дней, в разгар рабочего времени, находясь в казарме в одном помещении с рядовым Федором Ануфриевым, который помогал ему в починке обуви, Мартынов лег отдохнуть на кровать, накрылся шинелью и разрезал себе живот рабочим ножом. Спас он себя фактически тоже сам, сказав Ануфриеву, что тому стоит пойти в Баве к казначею и сказать, что «к Мартынову смерть идет», чтобы на него не свалилась вина. Сам же Ануфриев в тот момент занимался своими делами и даже не понял, что что-то произошло. Поскольку в итоге самоубийцу удалось спасти, следственная комиссия сделала вывод о его умственном помешательстве на основе его же собственных слов. Сначала, когда Ануфриев только осознал неладное и привел за собой находившихся в соседнем помещении сослуживцев, Мартынов сам сказал им, что разрезал себя самостоятельно и

⁶¹⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 22-22 об.

⁶¹⁶ Возница.

никто ему вреда не причинял, но ничего не ответил на вопрос о причинах. Уже позднее, на допросе аудитора, он сказал, что поступил так, поскольку ему было «весьма скучно и тошно»⁶¹⁷.

В ряде подобных случаев, как возможная причина суицидального настроения фигурировали предположения не о помутнении рассудка, а о некоторой психологической склонности пострадавшего солдата к асоциальному поведению. Примером тому служит происшествие, имевшее место фактически сразу после заключения мирного договора – 23 ноября 1815 г. Рядовой мушкетерской роты Ряжского пехотного полка Григорий Стремяков был найден повешенным на квартире, где занимал комнату. К расследованию были привлечены, прежде всего, доктора, констатировавшие, что на теле не обнаружено никаких следов насилия, что должно было исключить вероятность убийства⁶¹⁸. Сослуживец Стремякова, рядовой Яков Ольковский, квартировавший вместе с ним в доме, свидетельствовал, что накануне в настроении Стремякова не было проявлялось никаких изменений, которые могли бы намекнуть на какое-либо происшествие, ставшее причиной для самоубийства: «...Неудовольствия между им и хозяином [дома – В.Б.] никаких не было, неисправностей за которые бы можно наказывать, наказаний и притеснений ни от кого и никаких не было и потому от чего он повесился ему не известно. Нраву же он был тихого, по нахождению в казармах заметить можно было что он не имел надружия и от всех удалялся». Сослуживцы Стремякова по роте свидетельствовали, что прежде он дважды бывал в бегах, за что его наказывал батальонный командир. А один из сослуживцев, будучи ко всему прочему еще и родственником умершему, показал, что тот «еще до службы в крестьянстве никакими домашними работами не занимался, а только упражнялся в гулянке и в бегах от отца, за что отец его и в службу продал»⁶¹⁹. Согласно французскому отчету, хозяева дома также показали, что перед происшествием не заметили никаких

⁶¹⁷ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 534-537 об.

⁶¹⁸ Там же. Л. 56.

⁶¹⁹ Там же. Л. 59.

изменений в поведении Стремякова, который всегда был тих и малословен и не спускался из своей комнаты до тех пор пока его не позовут⁶²⁰. Представленные свидетельства создают впечатление, что причиной самоубийства была психологическая склонность солдата к девиантному поведению, однако ее возникновение не было связано с армейской службой или поствоенным синдромом.

Похожая история случилась с рядовым Якутского пехотного полка Кальниченко, который в январе 1817 г. повесился на дереве недалеко от дома, где квартировал. Ответственный за расследование офицер в своем рапорте донес, что, согласно свидетельствам сослуживцев по роте, рядовой хоть и был поведения посредственного, но конфликтов с начальством не имел и наказаниям не подвергался. Хозяева дома, в котором он жил, тоже с ним не ссорились. А между тем, «...ума [был – В.Б.] весьма ограниченного, характера странного, убегающего сообщества с другими... старался быть всегда наедине, и хотя и доставалось быть ему вместе с товарищами, то был весьма молчалив»⁶²¹.

Таким образом, случаи, когда суицид при расследовании объяснялся наличием у самоубийц каких-либо психологических отклонений, действительно имели место. Однако нередко лица, проводившие следствие, делали такие выводы только потому, что более понятная причина так и не была найдена. При этом, судя по допросным листам, содержащим показания сослуживцев самоубийц, при расследовании спрашивали только о службе умершего: о наказаниях, о конфликтах с командованием, о поведении в полку и в казарме – но абсолютно не задавали вопросы о личной жизни. Между тем, именно бытовые проблемы и необходимость наладить мирные отношения с гражданским населением имели для солдат приоритетное значение. Вполне вероятно поэтому, что причиной самоубийств могли стать

⁶²⁰ Там же. Л. 61.

⁶²¹ Там же. Л. 247 об.

и личные проблемы: возможные романтические отношения, конфликты с гражданским населением⁶²².

Вероятно, в силу ограниченного круга факторов, которые при расследовании рассматривались в качестве возможных мотивов самоубийства, ряд происшествий так и остался непроясненным до конца. В таких случаях ни перемен в поведении, которые могли бы свидетельствовать о помутнении рассудка, ни общей склонности к меланхолии или тягостным переживаниям свидетели не отмечали, поэтому итогом расследований просто становился вывод о том, что причина произошедшего непонятна. Так, например, было с фурманом (возницей) артиллерийского парка Артемием Понышевым, который в марте 1817 г. повесился ночью в конюшне. По результатам допросов следствие не сумело установить не одной логичной причины его поступка. Понышев описывался сослуживцами как человек хорошего поведения, не пивший, не имевший упущений по службе и, соответственно, претензий от начальства. Накануне самоубийства он не выглядел задумчивым или расстроенным. Поэтому, что побудило его расстаться с жизнью, так и осталось неясным.

А между тем, немало было и происшествий, ставших следствием конфликтов солдат с вышестоящими по званию. В ноябре 1816 г. М.С. Воронцов, объявил в приказе по корпусу: «На прошедшей неделе Смоленского драгунского полка командир полковник Деконский рапортовал мне, что поручика Попова казенный денщик Семен Скотников найден в лесу застрелившимся и что по исследованию не найдено никаких причин к сему самоубийству как только то, что оный денщик всегда пьянствовал и замечен в других худых поступках»⁶²³. По приказу командира корпуса было организовано следствие и опрошены свидетели, прежде всего, хозяева дома, где проживали поручик с денщиком. Свидетели показали, что Скотников

⁶²² См.: Болт В.С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 205–217.

⁶²³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 156 об.

вообще-то был человеком хорошего поведения и пьянством не грешил, исключая день накануне самоубийства, зато жаловался на скверное отношение к нему Попова и накануне происшествия ходил с разбитой головой. Это же показали и рядовые эскадрона, в котором служил поручик.

Несколько противоречиво выглядит случай унтер-офицера Курляндского драгунского полка Шипилова (Шапилова, Шепилова), который застрелился в начале мая 1816 г. В ходе следствия были опрошены все возможные свидетели. Сослуживцы покойного показали, что застрелился он, находясь на службе, а именно во время осмотра амуниции командиром взвода. Тот заметил беспорядок с седлом и приказал, чтобы хозяин седла, то есть Шипилов, явился к нему. Узнав о вызове, Шипилов пошел и застрелился. Между тем, жалоб на кого-то из командиров он прежде не высказывал даже в дружеских беседах. Однако незадолго до происшествия упомянутый взводный командир, прапорщик Чмеров, наказал его двадцатью розгами «за невозможное поведение и упущение по службе, а особливо за пьянство при получении амуниционных денег»⁶²⁴.

При дальнейшем расследовании оказалось, что конфликт с Чмеровым у Шипилова длится давно. Командир Курляндского полка, граф Гудович в своем рапорте сообщил, что прежде от солдат не поступало жалоб на командиров взвода и эскадрона, так же как не было жалоб и на недостаточное обеспечение. Сам он считает командиров взвода и эскадрона рачительными по службе и отличными по поведению. Сложившуюся ситуацию он объяснил так: «Сие [самоубийство – В.Б.] произошло единственно от того, что г-н взводный офицер всегда рекомендовал унтер-офицера Шипилова эскадронному командиру, выпросил его к себе в взвод младшим вахмистром, и когда Шипилов начал себя дурно вести, то господин Чмеров старался скрыть от эскадронного командира его развратное поведение, надеясь на его обещание исправиться, но видя, что он не исправляется, сказал ему, что едет к эскадронному командиру просить

⁶²⁴ Там же. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 117–117 об.

представления о смещении его с сей должности. От чего унтер-офицер Шипилов пошел от него тот час застрелился»⁶²⁵. Прапорщик Чмеров так объяснил происшедшее в рапорте: «Унтер-офицер Шипилов в отряде его был поведения хорошего, а после замечен в пьянстве, от которого я отклонял его уговаривая словами. Я не докладывал эскадронному командиру по причине той, что надежду имел его от дурных поступков исправить сим и привести в должное его поведение <...> К воздержанию его от пьянства я один раз наказал его 15 ударами розгами <...> О перемене его поведения я для того не доносил, видя его раскаяние и обещания поправить свое поведение»⁶²⁶. А между тем, сослуживцы Шипилова показали, что прапорщик Чмеров «в командовании взвода <...> не был жесток, но за упущение по службе прилично наказывал»⁶²⁷.

По итогам расследования ситуация выглядела вполне обыденной: строгий офицер среднего звена, используя метод «кнута и пряника», не смог удержать под контролем конфликт с младшим по званию. Как и в предыдущем случае, в основе конфликта согласно данным расследований лежало физическое наказание, которое, впрочем, не удивило никого из сослуживцев Шипилова, так же как не являлось нарушением устава. Нельзя сказать однозначно, почувствовал ли Шипилов себя после этого наказания лично оскорбленным или просто испугался повторения, когда понял, что провинился еще и в случае с седлом.

Еще одним не до конца понятным обстоятельством осталось то, почему вдруг Шипилов впал в пьянство, хотя, по свидетельствам сослуживцев, ранее был вполне приличным солдатом доброго поведения. Следует ли рассматривать это как проявление личных качеств или результат той «расслабленности», которая по мнению самого графа Воронцова, после длительных сражений грозила его солдатам порчей нравов – можно лишь догадываться.

⁶²⁵ Там же. Л. 113 об.

⁶²⁶ Там же. Л. 116 об.

⁶²⁷ Там же. Л. 117 об.

С другой стороны, случай с Шипиловым очень напоминает предыдущие примеры тем, что почти никто не высказался в защиту самоубийцы, который уже оправдаться не мог и невольно остался единственным виновником случившегося. Фактическое же нарушение прапорщиком Чмеровым требований Воронцова о неиспользовании палок при полках и ротах, было отмечено следствием лишь как второстепенный факт.

20 июня 1816 г. Воронцов приказал расследовать происшествие в местечке Курсояр округа Авен. Там было обнаружено тело русского солдата, который, по словам местных жителей, «повесился после жестокого наказания, полученного им в роте»⁶²⁸. Этот пример показателен не только самим происшествием, но и реакцией на него со стороны командования. Подписывая приказ, Воронцов выразил обоснованное недовольство: российский штаб о случившемся узнал от авенского прокурора, а не по докладу командира полка, который на запрос из штаба доложил, что не в курсе происшедшего. После этого было собрано следствие, которое «задлилось». Из текста становится понятно, что дополнительное расследование ничего не принесло. Выяснили, что за умершим числились побег и худое поведение, но было ли оно причиной наказания от начальства или же его следствием, не указывалось. Командиру полка, полковнику Жохову, был объявлен выговор за то, что он невнимателен к подчиненным и столь важные новости доходят до командования корпуса от французских властей, после чего дело было закрыто. Подобный итог вряд ли может удивить: если в полку случился бы какой-либо инцидент, способный бросить на него тень, полковой командир наверняка попытался бы его затушевать. С другой стороны, хотя Воронцов решительно настаивал на прекращении практики наказаний, не санкционированных аудиториатом, такие наказания в

⁶²⁸ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 108.

русской армии давно стали традицией и основная масса нижних чинов даже не пыталась на них жаловаться вышестоящему начальству.

Несколько иначе выглядит случай с денщиком Дыниным, застрелившимся в начале ноября 1816 г. Согласно рапорту по итогам расследования, Дынин, 17-летний юноша, в силу возраста не участвовавший в военной кампании, в 1815 г. поступил в денщики поручика Литвинова, жил с ним в одном доме и не имел никаких разногласий. Хозяин дома, где они жили, даже показал, что Литвинов обращался со своим денщиком по-отечески и никогда не наказывал, хотя Дынин и грешил пристрастием к азартным играм и некоторым своеволием. По словам Литвинова, доверие его к Дынину было настолько прочным, что он даже доверял ему деньги, что в итоге и стало поводом к самоубийству. 31 октября, когда Литвинов уехал в штаб-квартиру для получения рационных денег, Дынин взял доверенную ему сумму и, по свидетельствам друживших с ним драгун Морозова и Бугаева, проиграл их на ярмарке в рулетку. На другой день, взяв ружье поручика, он ушел из дома и два дня бродил по соседним деревням. Приютивший его на ночь житель одной из деревень рассказал на допросе, что Дынин остался у него на ночь, сказав, что послан с заданием и заблудился. На следующее утро хозяйский сын взялся проводить незадачливого русского обратно в полк, но тот, дойдя до леса, бросился бежать от мальчика прочь. В итоге нашли Дынина с пулей в груди «в винограднике, подле наскоро сделанного шалаша, где видно еще обгорелые погасшие дрова»⁶²⁹. Этот случай отличается от предыдущих отсутствием конфликта между застрелившимся солдатом и его начальником. Тем не менее, из текста рапорта ясно, что проступок Дынина был серьезен и предполагал суровое наказание, что виновный прекрасно понимал, из-за чего, видимо, и решил свести счеты с жизнью.

Схожий случай произошел в марте 1817 г., но с небольшим отличием: в конфликте участвовал мэр небольшого селения, где квартировал застрелившийся солдат. Собираясь свести счеты с жизнью, унтер-офицер

⁶²⁹ Там же. Л. 191-193об.

Рязского пехотного полка Матвей Слесаренко написал предсмертную записку, в которой возложил вину за свою смерть на мэра, оказавшегося после этого в щекотливом положении. На допросе француз признался, что у него со Слесаренко действительно был конфликт, но не столь значительный, чтобы можно было предположить такой печальный исход. Они при встрече даже «весьма хорошо» разговаривали друг с другом. По словам мэра, происшедшее между ними даже конфликтом назвать сложно. Он встретился со Слесаренко в одном из соседних селений, где мэр услышал от подводчиков, что русский приторговывает чем-то из солдатских паек на роту. Французский чиновник при личной встрече упрекнул солдата в недостойном поведении, после чего тот извинился и отдал свои запасы. Впрочем, его сослуживцы засвидетельствовали, что он не впервой получал снабжение на роту и всегда все исправно доставлял: претензий к нему не было ни раньше, ни в этот раз. Между тем, мэр попросил Слесаренко явиться к нему домой для личной беседы, которая, по его словам, закончилась вполне дружелюбно. Хозяйка дома, где Слесаренко жил, подтверждала, что накануне его смерти видела, как он, «одевши совсем как должно, отчего полагала, что он пойдет на парад», вышел из дома, но вернулся очень быстро, заперся в комнате и вскоре раздался выстрел. Что конкретно случилось в доме мэра, в рапорте не говорится. Вероятно, разговор был не столь дружелюбным, как утверждал чиновник. Как бы то ни было, если бы Слесаренко остался жив, его наверняка наказали бы в соответствии с армейским уставом. Безусловно, нельзя в подобных примерах исключать из числа факторов, побудивших солдата к суициду, и чувство стыда. По свидетельствам сослуживцев, покойный дорожил своей должностью, и обвинение в бесчестном поведении предполагало не только формальные санкции в виде разжалования и шпицрутенов, но и потерю уважения товарищей.

Как видно из описанных примеров, сохранившиеся в российских архивах документы позволяют исследовать данную проблему с применением

методов микроистории как отдельные казусы. С одной стороны, с достаточно высокой степенью подробности можно восстановить детали происшествий, но с другой – четкой классификации все представленные случаи суицида не поддаются, поскольку при ближайшем рассмотрении почти каждый из них выглядит уникальным. Тем не менее, используя формальные критерии, такие как обозначенная причина (либо ее отсутствие) самоубийства, его время или примененное оружие можно составить некоторую статистику.

Из общего числа происшествий ответственные за расследование офицеры 7 случаев связали либо с психологическим расстройством самоубийцы, либо с его склонностью к асоциальному поведению, 8 случаев объяснили либо конфликтом с кем-то из командиров, либо проступком и страхом перед предполагаемым наказанием и не нашли объяснения для 3. При этом 6 из 8 случаев, связанных с конфликтами, имели место в 1815-1816 гг., в то время как 5 из 7 случаев, связанных с психологическими проблемами, произошли в 1817-1818 гг., более того, 3 из этих 5 случились в мае 1817 г. Распределение подобных случаев по полкам не позволяет сделать вывод о том, что в каком-то из подразделений солдаты были более склонны к суициду, поскольку во всех трех дивизиях корпуса зафиксировано примерно одинаковое количество самоубийств.

Российские исследователи В.Е. Лоба и С.Г. Брусенцов, изучавшие тему суицида в российской армии XIX в., пришли к выводу, что чаще других его совершали офицеры, а именно офицеры младшего звена. В качестве главных причин для офицеров называются душевные расстройства, злоупотребления спиртными напитками и романтические отношения; а для рядовых - страх и стыд наказания, алкоголизм и душевные расстройства⁶³⁰. Применительно к корпусу Воронцова эти закономерности явно не действуют: за три года оккупации в списке самоубийц оказались только рядовые.

⁶³⁰ Брусенцов С.Г., Лоба В.Е. Проблема суицида в российской армии: история, причины, методы предотвращения // Военная мысль. 2013. № 7. С. 37–45.

Российский военный историк первой половины XX века А.А. Керсновский в труде «История Русской армии» отмечает, что период 1816-1831 гг. был в российской армии чрезвычайно богат на самоубийства, ставшие «обычным бытовым явлением». По его мнению, это было следствием, с одной стороны, чрезмерной муштры, с другой - постоянных и жестоких наказаний за малейшие провинности⁶³¹. В 1820 г. дивизионный доктор 2-й пехотной дивизии, расположенной в Симферополе, писал, что «рекруты, тоскуя по своей отчизне, не только не стараются о поддержании своего здоровья, но совершенно упавши духом, кажется (что очень вероятно), желают даже смерти некоторые из них»⁶³². Безусловно, говоря о корпусе Воронцова, на протяжении трех лет дислоцированном вдали от российских границ и представлявшем собой лишь небольшую часть всей русской армии, следует иметь ввиду специфику окружавшей его обстановки. Тем не менее, нельзя не признать, что проблема самоубийств, упомянутая А.А. Керсновским, если и не приобрела в корпусе большого масштаба и не стала «обычным бытовым явлением», все же была достаточно ощутима. Нельзя не признать, что определенную роль среди причин, приводивших солдат к решению свести счеты с жизнью, играли конфликты с офицерами и страх наказания за упущение по службе. Это видно по общей статистике всех описанных случаев. Если же говорить о причинах этих конфликтов, то среди них сложно выделить какую-либо четкую тенденцию. Пьянство и девиантное поведение, сопряженное с неспособностью надлежащим образом выполнять служебные обязанности, выявлялись в качестве причин суицида, но не слишком часто. Личные конфликты солдат с командирами, связанные с оскорблением друг друга и готовностью жаловаться командирам старшего звена случались и того реже. Поэтому объединяет все эти случаи скорее не одна и та же причина, а общее следствие – страх солдат перед наказанием.

⁶³¹ Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии, 1814-1881 гг. М., 1993. С. 13.

⁶³² Столетие военного министерства. С. 281

Данное обстоятельство побуждает по-новому взглянуть на те методы, которые командование корпуса использовало для поддержания дисциплины среди солдат. С одной стороны, отмечаемая многими строгость солдатских наказаний была оправдана сложностью обстановки: предыдущие годы наглядно показали, что только жесткая рука может удержать солдат от разбоя, насилия и желания добыть «трофеи». Она же должна была помочь примирить гражданское население с необходимостью оккупации, демонстрируя готовность защищать его от солдатской агрессии. С другой стороны, у этой медали имелась и обратная сторона: страх наказания у солдат был столь силен, что в некоторых случаях обесценивал в их глазах собственные жизни

Вместе с тем, безусловно, было бы несправедливо объяснять подобные происшествия жестокостью офицеров. В основе конфликтов, действительно, чаще всего лежали те или иные упущения по службе, что и оправдывало применение наказаний. Кроме того, статистика происшествий все-таки свидетельствует о том, что самоубийства солдат в результате конфликтов с командирами были скорее частными инцидентами, нежели значительным системным явлением. А потому командование корпуса рассматривало солдатский суицид в общем порядке как одно из следствий дисциплинарных нарушений, но не как отдельную проблему, требующую для своего разрешения каких-либо специальных комплексных мер.

Дисциплинарные проблемы в корпусе по-разному трактовались наблюдавшими за ним из России офицерами императорского штаба. Нередко Воронцова обвиняли в излишне лояльном отношении к нижним чинам, которые «чрезмерно расслабились» на чужой земле. Одним из проявлений императорской немилости по отношению к этому корпусу считают его немедленное расформирование после возвращения из Франции. Распоряжение Воронцову начальника главного штаба Волконского от 11 августа 1818 г. гласит, что по вступлении корпуса в границы Царства Польского 12-я пехотная дивизия должна отправиться в Первую армию, в

Черниговскую губернию, 9-я пехотная дивизия – во Вторую армию, в Таврическую губернию, драгунские полки – к своим дивизиям, казацки – на Дон⁶³³.

Еще одним проявлением недовольства императора считают то, что Воронцов не получил достойной награды за свое командование. А.А. Закревский писал ему в декабре 1818 г.: «С Володимерскою лентою вас не поздравляю: я желал совсем не того, что вы по всей справедливости заслуживаете. Но делать нечего; сим доказано, что не совсем вас любят, как по заслугам вашим следует. Плетью обуха не перешибешь»⁶³⁴. Как отмечает А.С. Лыкошин, Воронцов рассчитывал стать генералом от инфантерии, а между тем ему пожаловали лишь орден Святого Владимира первой степени⁶³⁵.

Сам Воронцов и в письмах близким, и в отчете императору, оправдывал свои действия, но линии поведения не менял и на протяжении всей оккупации придерживался одной идеи о том, какими методами должна поддерживаться дисциплина в армии. Между тем, нельзя говорить о том, что жизнь во Франции особым образом отражалось на поведении основной массы солдат: формы нарушения военного устава в сравнении с предыдущим периодом не изменились, количество зафиксированных правонарушений не было чрезмерным. Впрочем, надо также учитывать, что некоторые показатели Воронцов старался не афишировать, в частности количество самоубийств, которые демонстрировали наличие проблем во взаимоотношениях между военнослужащими, в отчете императору не фигурировало, хотя в следственных документах не скрывалось.

⁶³³ РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 164. Св. 13. Л. 36.

⁶³⁴ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 336.

⁶³⁵ Отечественная война и русское общество. С. 153.

Заключение

История противоборства Российской империи и империи Наполеона продолжает привлекать внимание историков даже после двух столетий ее активных исследований. В данном контексте оккупация Франции 1815-1818 гг., как один из непосредственных результатов этого противостояния, представляет научный и общественный интерес по целому ряду причин.

Во-первых, в силу своего правового оформления. В данном отношении интересна, прежде всего, устойчивость употребления в историографии терминов «оккупация Франции» и «русский оккупационный корпус» в применении к данным событиям. Казусность этого факта состоит в том, что сам термин «оккупация» в рамках международного права имеет вполне конкретный смысл и подразумевает определенные формы политического и экономического управления территорией, формально закрепленные в конце XIX в. Причем становление многих положений международного права происходило на прецедентной основе, с опорой на опыт прошлого. В этом отношении именно правовой режим пребывания иностранных войск во Франции 1815–1818 гг. стал одним из таких прецедентов при оформлении ряда международных норм ведения войны. Вместе с тем оккупационные режимы XX в., установленные уже после того, как эти нормы были приняты международным сообществом, заметно отличались от режима 1815-1818 гг. по многим формальным критериям, в частности по объему власти, получаемой командованием оккупационных сил.

Во-вторых, пребывание иностранных войск в пост-наполеоновской Франции дало весьма специфический пример военной организации. На протяжении всего существования европейских монархий армейские структуры эволюционировали так же быстро, как и другие социальные институты. И всегда военное командование стремилось отыскать наиболее эффективные способы организации и содержания войск, которые позволили бы обеспечить наиболее удобную систему снабжения, связи и контроля в армии. В данном отношении опыт повседневного функционирования корпуса

М.С. Воронцова представляет интерес в контексте изучения военной истории. Несмотря на то, что это соединение не выполняло непосредственных боевых задач, не участвовало в сражениях, не охраняло государственных границ, оно находилось в повышенной боевой готовности на протяжении всего периода оккупации. Солдаты корпуса должны были постоянно поддерживать высокий уровень боевой выучки, для чего постоянно проводились учения и смотры. Строгий контроль за интендантской частью и госпиталями обеспечивал необходимое физическое и моральное здоровье солдат. И все это осуществлялось на территории, где проживало гражданское население другой страны. В таких условиях принципиальное значение имел четко отлаженный механизм взаимодействия русского командования с французскими властями, который позволял максимально быстро и эффективно снимать возникавшие проблемы межнационального характера.

В-третьих, история русского оккупационного корпуса дает пример удачной социальной адаптации большого военного контингента к принципиально новым, непривычным условиям в кратчайший период времени. Особенностью оккупации 1815-1818 гг. был отдаваемый командованием иностранных войск приоритет мирному решению всех проблем с целью избежать рецидива широкомасштабного применения насилия на оккупированной территории. Специфика политической обстановки требовала изменения в распределении ролей всех участников: отношения «друзья-враги» должны были превратиться в отношения «союзников и соседей», заинтересованных во взаимопонимании.

Решение указанных проблем требовало повышенного внимания командования к стереотипам и поведенческим практикам, сложившимся в предыдущий период у всех участников этого вынужденного межнационального диалога. Необходимо было убедить и население, и военнослужащих в необходимости отказа от насильственных методов решения неизбежных в повседневном общении бытовых конфликтов.

Постепенное установление этого межкультурного диалога представляло собой чрезвычайно сложную проблему. Несмотря на то, что российское дворянство в течение предыдущего столетия активно перенимало европейские привычки, для основной массы российских солдат языки и культурные традиции населения Западной Европы были абсолютно чужды. То же самое можно сказать и о знакомстве рядовых французов с обычаями и поведенческими практиками русских: подобные знания у жителей Франции не просто отсутствовали, но и подменялись различными, нередко тенденциозными, стереотипами, сконструированными отчасти французскими путешественниками, отчасти наполеоновской пропагандой.

Анализ правонарушений военнослужащих корпуса показывает, что его командованию в целом удалось успешно решить задачу адаптации личного состава к непривычным для него условиям иной культурной среды. Следственные документы военного аудиториата и официальные письма представителей региональных властей свидетельствуют о том, что солдаты достаточно быстро приспособились к новой обстановке и к ситуации мирного времени: преступления с высоким уровнем агрессии имели место крайне редко, заметно уступая различным формам воровства или бытового хулиганства. Вместе с тем, необходимо отметить очевидную склонность военнослужащих к употреблению алкоголя, который становился одним из катализаторов большинства правонарушений, отдельных фактов проявления неуважения солдат к старшим чинам и эпизодических случаев суицида.

Социальная и психологическая адаптация военнослужащих к условиям послевоенной оккупации шла двумя путями: а) позитивным, что проявлялось в их успешном налаживании контактов с гражданским населением и добросовестном выполнении служебных обязанностей даже в новой, непривычной для них ситуации длительного пребывания в иной культурно-языковой среде; б) негативным, проявлявшемся в алкоголизме, дезертирстве, самоубийствах и прочих формах девиантного поведения. Если сравнивать количественно проявления того и другого, то можно сделать вывод, что

командованию корпусом удалось создать такие условия, которые позволили абсолютному большинству личного состава вполне успешно адаптироваться в социальном и психологическом плане к новым обстоятельствам.

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

1. ИРЛИ РАН. Ф. 309 Архив братьев Тургеневых. Оп. 1. Д. 1926.
2. ОПИ ГИМ. Ф. 60. Воронцовы. Оп. 2. Д. 1574; Оп. 3. Д. № 2451, 2452, 2463, 2464, 2476, 2478, 2482, 2489, 2497, 2498, 2508.
3. РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 2086, 2089, 2094-2097, 2099, 2103, 2105, 2112, 2114, 2121, 2122, 2126, 2129, 2130, 2132-2135, 2147, 2152, 2161, 2163, 2164.
4. РГВИА. Ф. 37. Канцелярия генерал-квартирмейстера Главного штаба Е.И.В. Оп. 1/191. Д. 164; Ф. 474. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813-1815 гг. Оп. 1. Д. 539-542; Ф. 16235. Военно-судные и следственные дела полевых генерал-аудиториатов 3-й Западной, Польской и Резервной армий, Полевого аудиториата Отдельного корпуса во Франции, военных судов соединений, частей и гарнизонов действующей армии. Оп. 1. Д. 74; Ф. 16267. Отдельный во Франции находящийся корпус. Оп. 1. Д. 3, 6, 7.
5. Les archives nationales. Série F7 Police générale. D. 9907, 9906, 9900, 9899, 9903, 9902, 9901.
6. Les Archives départementales du Nord. Série 8R Affaires militaires, organismes de temps de guerre. D. 2, 4, 5, 6, 22, 10.
7. Les Archives départementales de la Meuse. Série 8R Premier empire et Restauration. D. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57.
8. Les Archives municipales de Nancy. Série 4H Affaires militaires. D. 46, 47, 48, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60.

Периодическая печать

9. Второе прибавление к 52 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1815. № 105. 4 с.
10. Второе прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 2. 4 с.

11. Второе прибавление к 5 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 12. 4 с.
12. Второе прибавление к 16 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 33. 4 с.
13. Второе прибавление к 20 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 41. 4 с.
14. Второе прибавление к 30 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 61. 4 с.
15. Второе прибавление к 40 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 81. 4 с.
16. Второе прибавление к 48 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 97. 4 с.
17. Второе прибавление к 2 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 5. 4 с.
18. Второе прибавление к 7 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 15. 4 с.
19. Второе прибавление к 21 книжке журнала «Сын Отечества». № 31. СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 31. 4 с.
20. Второе прибавление к 24 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 49. 4 с.
21. Второе прибавление к 25 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 51. 4 с.
22. Второе прибавление к 35 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 70. 4 с.
23. Первое прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 1. 4 с.
24. Первое прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 53. 4 с.
25. Первое прибавление к 30 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 60. 4 с.

26. Первое прибавление к 32 книжке журнала «Сын Отечества». № 64. СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 64. 4 с.
27. Первое прибавление к 42 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 84. 4 с.
28. Первое прибавление к 45 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 90. 4 с.
29. Первое прибавление к 49 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 98. 4 с.
30. Первое прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 1. 4 с.
31. Первое прибавление к 3 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 6. 4 с.
32. Первое прибавление к 5 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 10. 4 с.
33. Первое прибавление к 22 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 42. 4 с.
34. Первое прибавление к 25 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 50. 4 с.
35. Первое прибавление к 26 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 52. 4 с.
36. Первое прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 53. 4 с.
37. Северная почта или Новая Санктпетербургская Газета. СПб., 1818. № 90. 9 ноября.
38. Сын Отечества. СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. Ч. 27. № 1-6. 257 с.
39. Сын Отечества. СПб.: типография Н. Греча, 1818. Ч. 48. № 33-39. 288 с.
40. Сын Отечества. СПб.: типография Н. Греча, 1818. Ч. 49. № 40-45. 556 с.
41. Третье прибавление к 27 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1816. № 55. 4 с.

42. Третье прибавление к 1 книжке журнала «Сын Отечества». СПб.: типография Н. Греча, 1817. № 3. 4 с.
43. Journal du département de la Marne. 1816. № 473. 13 mars
44. Journal du département de la Moselle. 1816. № 14. 10 mars.
45. Journal du département du Nord. 1816. № 18. 18 janv.
46. Journal du département du Nord. 1816. № 22. 22 janv.
47. Journal de département du Nord. 1816. № 31. 31 janv.
48. Journal de département du Nord. 1816. №38. 7 fevr.
49. Journal du département du Nord. 1816. № 249. 8 sept.
50. Journal du département du Pas-de-Calais. 1816. № 37. 6 sept.
51. Le Narrateur de la Meuse. 1816. № 895. 13 mars.
52. Le Narrateur de la Meuse. 1816. № 899. 31 mars.
53. Le Narrateur de la Meuse. 1816. № 927. 9 aug.

Опубликованные источники

54. Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартенева. М.: Университетская типография, 1880. Т. 17. 628 с.
55. Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартенева. М.: Университетская типография, 1891. Т. 37. 475 с.
56. Богданович М.И. Смотр при Вертю в августе 1815 года. Б.м., б.г.
57. Вестник Европы / ред. Каченовский М. М.: Университетская Типография, 1821. № 13 от 1 июля 1821.
58. Вигель Ф.Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М.: Университетская типография, 1892. Ч. 5-7.
59. Воспоминания Бестужевых / ред. Азадовского М.К. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. 893 с.
60. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: А.С. Суворин, 1886. 588 с.
61. Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1901. Т. 108. Октябрь, ноябрь, декабрь. С. 431-457.

62. Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. Т. 111. Июль, август, сентябрь. С. 171-208.
63. Из записной книжки «Русского Архива» // Русский Архив. М., 1911. Т. 2. С. 319-320.
64. Карпов А.К. Записки полковника Карпова: 1807-1837. Витебск: тип. насл. М.Б. Неймана, 1910. 136 с.
65. Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле, 2013. 204 с.
66. Левитский Е. Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского / ред. С.Н. Хомченко. М.: Русский раритет, 2015. 232 с.
67. Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том XIV. Трактаты с Францией. 1807-1820. СПб.: типография А. Бенке, 1905. 433 с.
68. Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов. СПб.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 252 с.
69. Некоторые правила для обхождения с нижними чинами в 12-й пехотной дивизии // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 6. С. 167-171.
70. Письмо Н.М. Лонгинова С.Р. Воронцову от 17 января 1820 г. // Русский архив. М.: Синодальная типография, 1912. Т. 7. С. 359-361.
71. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. Т. 33. 1178 с.
72. Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... Ч. 4. 1815 год и начало 1816-го. Вторичный поход во Францию. М.: типография Н. Степанова, 1835. 376 с.
73. Оккупационный корпус во Франции. Из собственноручного всеподд. письма Барклая-де-Толли от 3 сентября 1815 г. // Русская старина. 1900. Т. 104. Октябрь, ноябрь, декабрь. 787 с.

74. Сборник Императорского Русского Исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. Т. 73. 616 с.
75. Список членам сов. и справ. ложи Св. Георгия Победоносца на востоке Мобёжа // Русский архив. М.: типография В. Грачаева и Комп., 1865. Т. 1. С. 495-500.
76. Cazin F.-S. Les Russes en France, souvenirs des années 1815, 1816, 1817. Avranches: Imprimerie Avranchinaise de J. Durand, 1880. 38 p.
77. Di Borgo C. A. P. Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode...: 1814-1818. Paris: Calmann-Lévy, 1890. Т. 1. 512 p.
78. Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816-1818 / publiées par S. Charlety. Paris: Gallimard, 1939. 240 p.
79. Mémoires du général-major russe Baron de Lowenstern (1776-1858) / par M.-H. Weil. Paris: A. Fontemoing, 1903. Т. 2. 548 p.

ЛИТЕРАТУРА

80. Антрэ Ж. Использование образа казака и русских во Франции во время первой реставрации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4 (45). С. 16-23.
81. Ануфриева А. Ю. Архив князя Воронцова: история и состав публикации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 292-307.
82. Аурова Н. Н. Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг.: социокультурный аспект. М.; СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 176 с.
83. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 296 с.
84. Безотосный В. М. Россия в эпоху 1812 года: Цена и результаты победы // Электронный научнообразовательный журнал «История». М., 2013. Т. 4.

- Выпуск 1(17) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000006-5-2> (дата обращения: 03.12.2017)
85. Богуславский Л. История Апшеронского полка: 1700-1892. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1892. Т. 1. 538 с.
86. Болт В. С. Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Екатеринбург, 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 177-185.
87. Болт В. С. Источники по истории российского Отдельного оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг.: обзор фондов РГАДА // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Т. 5. Выпуск 9 (32) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000875-1-1/> (дата обращения: 04.04.2021).
88. Болт В. С. Конфликты между французским населением и военнослужащими русского оккупационного корпуса в 1815-1818 гг. // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 185-195.
89. Болт В.С. Корпус М.С. Воронцова на страницах региональной французской прессы 1815–1818 // Запад, Восток и Россия: Историческая память: генезис и проблемы преемственности: Вопросы всеобщей истории : сборник научных и учебно-методических трудов : ежегодник / Уральский государственный педагогический университет; под редакцией В. Н. Земцова. Екатеринбург, 2020. Вып. 23. С. 24-30.
90. Болт В. С. Правовые аспекты оккупационного режима во Франции 1815-1818 гг. На примере русского корпуса // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2018. Т. 9. Выпуск 10 (74) [Электронный ресурс]. URL:<https://history.jes.su/s207987840002427-8-1/> (дата обращения: 04.04.2021).
91. Болт В. С. Русские во Франции 1814-1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки) // Электронный научно-образовательный

- журнал «История». М., 2016. Т. 7. № 1 (45). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001355-9-1/> (дата обращения: 04.04.2021).
92. Болт В.С. Русский оккупационный корпус во Франции 1815-1818 гг.: агрессоры или жертвы обстоятельств? // Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2014. № 16. С. 225-234.
93. Болт В. С. Самоубийства в корпусе Воронцова во Франции 1815-1818 гг.: примеры и причины // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2020. Т. 11. Выпуск 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009231-3-1/> (дата обращения: 04.04.2021).
94. Болт В. С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 205-217.
95. Борейко Л. И., Панкова О. В. О распространении ланкастерских школ в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №4 (55). С. 97-101.
96. Брейар Ж. М. С. Воронцов в Мобёже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. СПб., 2000. Вып. 6. С. 127-151.
97. Брейар Ж. О некоторых политических аспектах пребывания русской армии во Франции (1816-1818гг.) // Е. Р. Дашкова. Портрет в контексте истории: (По материалам IX Дашковских чтений, март 2003 г.). М., 2004. С. 102-113.
98. Брусенцов С. Г., Лоба В. Е. Проблема суицида в российской армии: история, причины, методы предотвращения // Военная мысль. 2013. № 7. С. 37-45.
99. Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Генерал-фельдмаршал М. С. Воронцов – один из «энергичнейших и культурнейших администраторов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 63-65.

100. Веселовский К. С. Опыты нравственной статистики в России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847.
101. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. М., 2017. Т. 59. С. 136-151.
102. Гладышев А. В. Казаки в Море-сюр-Луан или почему нельзя обижать жену мэра // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2015. Вып. 3. С. 10-15.
103. Гладышев А. В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4(45). С. 15-24.
104. Гладышев А. В. Как французские роялисты-патриоты казаков полюбили // ЭНОЖ «История». М., 2020. Т. 11. Вып. 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 08.01.2021).
105. Гладышев А. В. Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ // История и историческая память. Саратов: СГУ, СКФУ, 2012. №. 6. С. 260-287.
106. Гладышев А. В. «1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М.: Изд-во РОСПЭН, 2018. 408 с.
107. Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 10-21
108. Гладышев А. В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 182-204.
109. Годунов В., Королев А. История 3-го Уланского Смоленского Императора Александра III полка. 1708-1908 г. Либава: Либавский Вестник, 1908. 331 с.
110. Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.

111. Губина М. В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 2 С. 153-161.
112. Губина М. В. Франция в восприятии русских военных-эволюция стереотипов (1814-1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга. М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. 1. С. 136-141.
113. Давыдов М. А. Оппозиция его величества. М.: Зебра Е, 2005. 352 с.
114. Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814-1878). Т. 1. Священный союз. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. 473 с.
115. Затлер Ф. К. Записки о продовольствии войск в военное время. СПб.: тип. торг. д. С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К, 1860. Ч. 2. 345 с.
116. Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. 455 с.
117. Захарова О. Ю. М. С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия: дисс. ...канд. ист. наук. М., 1997. 460 с.
118. Захарова О. Ю. М. С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815-1818 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2016. С. 143-161.
119. Захарова О. Ю. М. С. Воронцов и Р. Т. Вильсон. От Тильзита до Бородино: история взаимоотношений // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2017. С. 207-218.
120. Захарова О. Ю. М. С. Воронцов в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии // Воронцовский сборник. Выпуск 6. М. С. Воронцов и его эпоха: историческая ретроспектива. К 200-летию Бородинского сражения посвящается. Одесса, 2013. С. 35-50.

121. Захарова О. Ю. «Я князь коль мой сияет дух...» Подольск: Подол. ф-ка офсет. печати, 1997. 213 с.
122. Кабакова Г. Свечкоед: образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. №. 34. С. 64-68.
123. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. №. 4. С. 59-66.
124. Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии, 1814-1881 гг. М.: Голос, 1993. 336 с.
125. Летчфорд С. Е. Союзники в Париже в 1814 году (по материалам французской мемуаристики) // Заграничные походы русской армии 1813-1815 гг. (К 190-летию): Доклады академии военных наук. Саратов: Академия военных наук, 2004. № 12. С. 36-41.
126. Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.
127. Ловчинский И. В. Краткая история 31-го пехотного Алексопольского полка. Варшава: тип. Окр. штаба, 1909. 88 с.
128. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юридических фак. и вузов. Москва: Волтерс Клувер, 2007. Т. 2. 544 с.
129. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. / под ред. Томсинова В. А. М.: Зерцало, 2008. Т. 1. 209 с.
130. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. / под ред. Томсинова В. А. М.: Зерцало, 2008. Т. 2. 251 с.
131. Материалы для составления истории 42-го пехотного Якутского полка. Кременец: Типография Д. М. Шумского, 1895. 49 с.
132. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. и направлению «Юриспруденция» / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, В.Я. Суворова и др. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 584 с.

133. Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814). М.: РОССПЭН, 2019. 239 с.
134. Михайловский-Данилевский А. В. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб.: изд. И. Песоцкого, 1848-1849. Т. 5. 342 с.
135. Молок А. И. Венский конгресс и Священный союз. Франция в период реставрации Бурбонов (1815-1830 гг.). Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1949. 32 с.
136. Назарян Е. А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5-7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 302-309.
137. Назарян Е. А. Путь домой: возвращение на родину нижних чинов русской армии в 1813-1822 гг. (по документам АВПРИ) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5-7 сентября 2005 г.). М.: Полиграф сервис, 2006. С. 314-319.
138. Нечитайлов М. В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: дис... канд. исторических наук. Ставрополь, 2005. 355 с.
139. Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб.: типогр. высочайше утвержд. товарищ. «Общ. польза», 1892. 96 с.
140. Орлик О. В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2000. 271 с.
141. Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М.: Наука, 1984. 288 с.
142. Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция (I половина XIX в.). М.: Наука, 1973. 300 с.

143. Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр; Кучково поле; Росспэн, 2011. 352 с.
144. Отечественная война и русское общество: 1812-1912. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. VI. 244 с.
145. Пирожников А. И. История 10-го Пехотного Новоингерманландского полка. Тула: тип. И. Д. Фортунатова, 1913. 434 с.
146. Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796-1825). Справочное пособие. М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 1997. 111 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/library/podmazo/index.html>.
147. Подушкин Н. А. Прошлое Кинбурнских драгун (1788-1796, 1798-1898). Ковель: Типо-Литография М. Айзенберга, 1898. 510 с.
148. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 254 с.
149. Рей М.-П. 1814. Царь в Париже. М.: РОССПЭН, 2017. 247 с.
150. Российский М. А. Очерк истории 3-го Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1904. 548 с.
151. Самойлова С. В. Граф М. С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: дис... кандидата исторических наук. М., 1999. 257 с.
152. Сахаров А. Н., Орлик О. В. и др. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1999. С. 141.
153. Сенявская Е. С. 1941-1945: фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
154. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5-22.

155. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. Победа. С. 197-211.
156. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. Т. VII. С. 519-520.
157. Столетие военного министерства: 1802-1902. Главное военно-медицинское управление / под ред. Д.А. Скалон. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1902. 424 с.
158. Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М: РОССПЭН, 2018. 334 с.
159. Толочко О. Н. Режим военной оккупации в современном международном гуманитарном праве / Альманах международного права. Одесса: Феникс, 2009. С. 180-188.
160. Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. 413 с.
161. Чудинов А. В. Рец. на кн. М.-Р. Rey. 1814: Un Tsar à Paris. P.: Flammarion, 2014. 329 p. // Российская история. М.: ИРИ РАН, 2015. № 1. С. 188-192.
162. Шенк В. К. Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1909. 230 с.
163. Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: 1782-1826. СПб.: Склад у В.А. Березовского, 1888. Т. 1. 550 с.
164. Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1858. 357 с.
165. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб: Издание А.С. Суворина, 1898. Т. 4. 636 с.
166. Ballery B. L'occupation Russe de 1816-1818. Les Bornes de distances Russes // Salut! Ça va? Blagovechtchensk, 2017. № 48. P. 5-9.

167. Bérard A. Les Invasions de 1814 et de 1815 dans le département de l'Ain. Bourg: Imprimerie Victor Authier, 1887. 100 p.
168. Blancpain M. La vie quotidienne dans la France du Nord sous les occupations (1814-1944). Paris: Hachette Littératures, 1983. 413 p.
169. Breuillard J. Héraclius de Polignac et quelques aspects de l'occupation russe de 1816 à 1818 en France // l'influence française en Russie au XVIII-e siècle. Paris: Institut d'études slaves et Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2004. P. 437-464.
170. Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818) // Slavica Occitania. Toulouse: Université Toulouse-Le Mirail, 2007. T. 24. P. 307-342.
171. Breuillard J. Les russes envahisseurs et occupants en France (1816-1818): fantasmes et réalités // Slavica Occitania. Toulouse: Université Toulouse-Le Mirail, 1999. T. 8. Les Russes et l'Orient. P. 67-113.
172. Breuillard J. L'occupation russe à Givet de 1816 à 1818, d'après les Mémoires du général-baron V.I. Lowenstern // Revue historique ardennaise. 1977. N° 12. P. 57-77
173. Brocard R. Alexandre Ier, Tsar de Russie, Petit-fils de l'Impératrice Catherine II, hôte «non invité» de la ville de Langres en 1814 // Bulletin de la Société historique et archéologique de Langres. Langres, 1987. T. XIX. N° 289. P. 92-100.
174. Bruchet M. L'invasion et l'occupation du département du Nord par les Alliés (1814-1818) // Revue du Nord. Lille, 1920. T. 6. N° 24. P. 261-299.
175. Bruchet M. L'invasion et l'occupation du département du Nord par les Alliés (1814-1818) (suite) // Revue du Nord. Lille, 1921. T. 7. N° 25. P. 30-61.
176. Bruchet M. L'invasion et l'occupation du département du Nord par les Alliés (1814-1818). Lille, 1920. 83 p.
177. Corbet Ch. A l'ère des nationalisme, l'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967. 512 p.

178. Couteau C. L'Esprit public dans l'arrondissement de Douai-Valenciennes de l'avènement de la Première Restauration à la fin de l'occupation (1814-1818). D.E.A d'Histoire du Droit. Lille: Université de Lille II, 2001. 125 p.
179. De Beauchamp. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815, comprenant l'histoire politique et militaire des deux invasions de la France, de l'entreprise de Buonaparte au mois de mars, de la chute totale de sa puissance, de la double restauration du trône, et de tous les événements dont la France a été le théâtre, jusqu'à la seconde paix de Paris, inclusivement. Paris: Le Normant, 1816, 1817, 1818.
180. Dry A. Reims en 1814. Pendant l'invasion. Paris: Plon-Nourrit et C., 1902. 411 p.
181. Duvivier J. L'occupation étrangère dans la région du Nord de 1816 à 1818. Journal du lieutenant danois Minier // Bulletin de la Commission historique du département du *Nord*. 1948. T. 36. P. 47-49.
182. Guerrin Y. La France après Napoléon - Invasions et occupations (1814-1818). Paris: Editions L'Harmattan, 2014. 326 p.
183. Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812-1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007.
184. Goubina M. Les images des ennemis dans la perception des conquérants de l'Europe (1805-1812) // Annales historiques de la Révolution française. Paris, 2012. №. 369. P. 81-93.
185. Goubina M. Les vainqueurs et les vaincus: découverte mutuelle: les Russes en France (1814-1818) // Revue des études slaves. Paris, 2012. T. 83. №. 83. P. 1011-1022.
186. Goubina M. Russes et Français (1812-1818). Paris: PUPS, 2017. 200 p.
187. Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris: Bellin, 2005. 304 p.
188. Hantraye J. Les réquisitions dans les environs de Paris (1814-1816) // Histoire et Sociétés Rurales. 2001. № 16. P. 117-139.

189. Haumont E. La Culture française en Russie (1700-1900). Paris: Librairie Hachette et C. 1910. 574 p.
190. Haynes C. Our Friends the Enemies. The occupation of France after Napoleon. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 404 p.
191. Lannoy M. 1815-1818 – L'occupation russe à Valenciennes et Maubeuge // Comptes-Rendus des conférences du Cercle Archéologique et Historique de Valenciennes. 2011. T. 86. URL: <http://www.histoire-valenciennes-cahv.fr/Memoires/index.php/CR-CAHV/article/view/831>
192. Lannoy M. L'armée russe en France 1814-1819 // Société archéologique et historique de l'Arrondissement d'Avesnes (Nord). Mémoires. Avesnes-sur-Help: Atelier Graphique de l'Avesnois, 2016. T. XL. P. 61-232.
193. Ledent A. Invasions de 1814-1815 et 1870 à Montargis. Paris: Henri Charles-Lavauzelle, 1910. 108 p.
194. Ménager B. L'étranger au temps de l'occupation de 1815 à 1818 // J.-P. Jessenne (éd.), L'image de l'autre dans l'Europe du Nord-Ouest à travers l'histoire, Villeneuve-d'Ascq, actes du colloque du CHRN. 1996. P. 113-122.
195. Nigohosian V.-A. La Libération du territoire français après Waterloo 1815-1818. Paris: E. De Bocard, 1929. 240 p.
196. Piérart Z. Recherches historiques sur Maubeuge, son canton et les communes limitrophes, avec des notes sur les villages de l'ancienne prévôté de cette ville. Maubeuge: ed. Levecque, 1851. 291 p.
197. Rain P. L'Europe et la Restauration des Bourbons: 1814-1818. Paris: Perrin et C., 1908. 498 p.
198. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 331 p.
199. Roger A. Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Paris: ed. E. de Bocard, 1924. 181 p.